

Екатерина Алексеева

ДВЕ НЕДЕЛИ ДОЖДА

Расследование серийных убийств женщин становится серьёзным испытанием для инспектора Лая Нэвана и его друга инспектора Миак Дэвиса. Убийца играет с полицией, не оставляет следов и всегда оказывается на шаг впереди, как будто читает мысли своих преследователей. Охота за ним каким-то мистическим образом перекликается с мрачным прошлым Лая, заставляет его вспоминать всё то, что он хотел забыть. Сможет ли он справиться с собственными демонами и довести расследование до конца? Хватит ли у его друзей и брата сил удержать его на грани?

Алексенцева Екатерина Вадимовна

Две недели дождя

Глава 1. Кусочки головоломки на мокрой земле

Дождь лил уже неделю, низкие свинцовые тучи медленно и лениво ползли по небу. Сырость пропитала стены многоэтажек, вылилась бесконечными простудами и депрессией. Город утопал в дожде, самоубийствах и безразличии. Где-то у южных окраин, там, где стояли особняки бизнесменов, политиков и творческой элиты, рокотал гром, устало и болезненно давя на уши. За высотками почти не было видно вспышек молний, только мертвенный свет иногда озарял однотипные серые дома, высвечивая силуэты в окнах. Где-то счастливые парочки, где-то рутинные пары, где-то привычные ссоры, где-то трагедии. Дождь не мог очистить город, дать ему поток чистого воздуха, потому что и сам был им отравлен. В палисадниках и на клумбах земля окончательно размокла и растекалась жидкой грязью под каблуками и подошвами. Под резкими порывами ветра скрипели детские качели в пустых сейчас дворах, только редкие собачники ругаясь и натягивая капюшоны спешили выгулять своих любимцев. В вечернем свете зажигались фонари, мутно фосфоресцируя сквозь водяную взвесь. Уже начали зажигаться неоновые вывески, муторный день перетекал в болезненно-звонкую ночь.

Инспектор Нэван только что закончил отчёт и уже собирался домой, когда раздался звонок его служебного телефона. Старый посеревший от времени аппаратик призывно звонил откуда-то из-под завалов бумаг по недавно законченному делу. Лай выругался и потянулся к краю стола, на котором они лежали. Едва не задел локтём кружку с недопитым кофе, снова выругался и всё-таки выудил трубку за шнур, едва не спихнув бумаги на пол.

— Слушаю. — Он не стал представляться, ему совершенно не хотелось отвечать на рабочий звонок за тридцать две минуты до конца рабочего дня. Он и так уже неделю едва ли не ночевал в офисе и по полдня проводил под этим проклятым дождём.

— Лай, у меня к тебе просьба. — Инспектор Дэвис, его коллега и друг, замолчал, давая ему возможность возразить. Мик прекрасно знал, что Лай всё равно его дослушает, хотя бы из упрямства, а потому продолжил. — Хочу, чтобы ты помог мне с одним делом.

— Издеваешься? — Подал голос Лай. Мик точно был в курсе, что он только что закончил расследование и хотел взять отгул на пару дней. Он знал и всё равно хотел втянуть его во что-то явно сложное и мерзкое. С простым и чистым Мик спокойно бы справился сам.

— Нет, послушай, мне правда очень нужна твоя помощь. Зайди в морг, ты всё поймёшь. Лай, обещай, что зайдёшь! — В голосе Мика прозвучала неискренняя мольба, он был уверен, что инспектор Нэван не устоит перед искушением, и собирался использовать коллегу по полной.

— Да иди ты...! — Лай бросил трубку на откопанный из-под бумаг телефон. Ничего не поделаешь, Мик знал его как облупленного. Нэван сохранил и отослал отчёт начальнику, убрал в папку кое-какие документы, выключил компьютер и встал из-за стола. У него оставалось ещё минут пятнадцать, дольше задерживаться он был не намерен.

Морг находился на подвальном этаже в дальнем конце коридора, Лай бывал там довольно часто. В его участке работал отличный судмедэксперт, к тому же его с ним связывало нечто гораздо большее, чем работа, даже больше, чем просто дружба. Лай усмехнулся и взъерошил себе волосы. Кто бы мог подумать, что местом, где ему всегда рады, окажется морг родного полицейского участка?

Лампочка в начале коридора мигала и готова была перегореть в любой момент. На

нижнем этаже было тихо, вместе с неровным освещением это давало жутковатый эффект. Лай толкнул толстую дверь и вошёл в святилище и убежище своего друга, Криса Ленно.

— Инспектор Нэван, зашёл-таки. — Крис приветливо улыбнулся и протянул другу руку, он был почти на голову его выше и на несколько лет моложе. Лаю он нравился, рядом с ним было как-то спокойно, хотя объективных причин для этого он не находил. — Мик уверен был, что ты не устоишь. Иди сюда.

— Что там? — Лай заинтересованно подошёл к препараторскому столу. Крис жестом фокусника откинул простыню.

— Девушка примерно двадцати восьми лет. Смерть наступила около пяти часов назад от обширной кровопотери и болевого шока. Прижизненными были эти пять ножевых ранений в область груди и живота, остальные порезы и раны были нанесены уже после её смерти, глаз тоже извлекли позже. — Крис провёл рукой в латексной перчатке по груди молодой девушки, лежавшей на столе. Лай невольно отметил, что красавицей она не была, дурнушкой, впрочем, тоже. Так, ничего особенного — середнячок. — Удары наносились по прямой линии.

— Что у нас с уликами, Крис, нашёл что-нибудь? — Лай внимательно осматривал тело, выискивая и запоминая детали. Выражение лица застывшее, у неё уже началось трупное окоченение. Пять ран, названных Крисом, нанесены в значимых местах — там, где располагались крупные артерии или болевые точки. Остальные порезы хаотичны, без какой-либо схемы и рисунка. Не хватает двух пальцев на левой руке и левого глаза.

— Труп нашли раздетым догола в парке под дождём, уже холодно, так что окоченел он быстро. Рядом никаких следов, если что и было, дождь уже всё смыл, — Крис пожал плечами, — первые раны были нанесены, когда она была ещё одета, я нашёл в раневых отверстиях нитки и кусочек ткани, потом её, видимо, раздели и продолжили издеваться уже над трупом. Отпечатков пальцев, частичек одежды и волос убийцы обнаружить не удалось. Следов изнасилования, к сожалению, тоже нет. Это дало бы нам несколько весьма весомых улик.

— Ты всегда был достаточно циничен для этой работы, Крис. — Лай внимательно слушал друга, запоминая каждое слово. Крис никогда не говорил ничего, что не имело бы значения для будущего расследования. У него было какое-то чутьё на значимые улики, он никогда не пропускал в своих описаниях ничего важного.

— Говорю как есть. Из следов насилия только синяки на щеках вокруг губ. Убийца закрыл ей рот рукой и сильно надавил. Там ещё есть полулунные отпечатки ногтей, но весьма смазанные. — Крис обхватил девушку за подбородок и слегка повернул её голову так, чтобы было виднее. — Отпечатки нечёткие, утолщённые. Я бы сказал, он был в перчатках. Форма руки мужская, нажим чрезмерно сильный. Так что у нас есть примерный размер его ладони, и это всё.

— Что с местом, где её нашли? — Лай раздраженно посмотрел на наручные часы — его рабочее время уже закончилось, но он не мог уйти просто так, не выяснив всё до конца. Как минимум, это было бы неуважением к Крису.

— Ты же знаешь инспектора Дэвиса? Он там всё на коленях исползал, под каждый куст заглянул. Ему ведь приходилось пару раз работать с братьями Лангами, они из любого неточного описания доказательство раздуют. Дисциплинирует. Глаз, кстати, так и не нашли, как и орудие убийства. — Крис пожал плечами. Он не любил выезжать на место преступления, предпочитая тихий и сухой морг. Видимо, в этот раз Мику не удалось его

вытащить. — Так что есть полная фото- и видеосъёмка, описание и куча всяких бесполезных проб земли, воздуха и воды.

— Одного не могу понять, Крис, я-то ему зачем? — Лай недоумённо покачал головой. Мик был амбициозным и упрямым мужчиной и обычно не любил, когда кто-то вмешивался в его работу без особой на то причины.

— Потому что она уже третья, Лай. — Мик вошёл и закрыл за собой дверь морга. Лай усмехнулся и поднял руку в приветствии. Когда он только пришёл работать в полицию ещё совсем молодым и неопытным, первое, что он сделал, это разругался со старшим и опытным инспектором Дэвисом. Враждовали они долго, постоянно конкурировали, а потом начальник дал им одно дело на двоих. Сложное, запутанное и неприятное. Они потеряли троих сотрудников, напились тогда все вместе. Даже Крис был с ними, хотя он почти не пьёт. После этого как-то срослось, они начали помогать друг другу и теперь подкалывали уже без злости. — Знаю, ты любишь такие дела. Это третья девушка. До неё были ещё две — разного возраста, не похожие внешне, жили и работали в разных местах, друг друга не знали. Убиты примерно так же, с небольшими вариациями.

— Серийный убийца? — Лай нахмурился. Это дело точно затянется, психов ловить трудно, одному дьяволу ведомо, как у них голова работает. — Да ещё и маньяк. Мик, ну и ублюдок же ты!

— Лай, у нас улики нет, серьёзно. Идей тоже. — Мик развёл руками, покаянно опустив голову. Крис усмехнулся, он ни на секунду не поверил в раскаяние инспектора Дэвиса. Слишком много у того было опыта и слишком крепкой была его хватка. — Может, у тебя что-нибудь проклюнется. Ты парень башковитый, может, увидишь то, что я пропустил.

— Ты, Мик? Ты никогда ничего не пропускаешь. — Лай остервенело дёрнул рукав пиджака вверх и демонстративно посмотрел на часы. — Я иду домой, у меня давно закончился рабочий день. И я только что закончил своё расследование, ещё перед старшим инспектором Хэрли отчитываться завтра. Так что, приятного вечера, инспектор Дэвис. До завтра, Крис.

Лай едва удержался от того, чтобы не хлопнуть дверью. Мик знал, чем зацепить его, но сдаваться без боя он был не намерен. Хотя бы этот вечер он проведёт дома. Попрощавшись с охранником на выходе, Лай шагнул под дождь. Зонт почти не спасал, плащ на спине сразу же промок, холодные струйки неприятно потекли по спине. Как только он не заболел по такой погоде? До дома было идти недалеко, к тому же, Лай хотел по дороге купить чего-нибудь на ужин, так что такси он вызывать не стал. Брать служебную машину из гаража тоже не хотелось — пришлось бы регистрироваться, да и утром возвращать на стоянку, так он рисковал опоздать на работу. Ребята на служебной стоянке были весьма неторопливыми, когда дело не касалось срочного вызова. Наверное, пытались отвадить от злоупотребления служебным транспортом.

Лай зашёл в круглосуточный супермаркет, удобно расположенный как раз по дороге от работы до дома. Хмурая, чем-то недовольная продавщица отсканировала его покупки и почти брезгливо взяла деньги. Лай не глядя сгрёб сдачу в карман и пошёл к выходу. С пакетами в руках нести зонт было сложнее, но до дома оставалось всего ничего.

В холле горели лампы дневного света, накрашенная девица за стойкой подпиливала коготки пилочкой и не обратила на Нэвана внимания. Она работала здесь уже третий месяц, и за это время удостоила его взглядом всего два раза. В основном её внимание было разделено между модными журналами, маникюром и болтовнёй по телефону. Впрочем, она

вполне соответствовала дому и его жильцам. Лай прошёл через холл к лифтам. У него не было ни малейшего настроения подниматься пешком. Кнопка, как всегда, заедала, но с третьего раза ему удалось вдавить её в панель достаточно сильно. Неторопливо и как-то сонно загудели моторы. Тросы качнулись, нехотя опуская кабинку, словно оказывали ему услугу, которая их тяготила. Лифт, скрипнув, остановился, дёргано открыл двери, Лай вошёл и нажал кнопку "четырнадцать". Дом, в котором он жил, был относительно новым, с не слишком дорогой арендой, своей парковкой и консьержкой внизу, ночной охраной и неплохим обслуживанием — всё это привлекло в своё время его внимание. А ещё достаточно просторная квартира и толстые стены, через которые не проходили лишние звуки — большая редкость. Последнее Лай считал едва ли не самым важным.

Он успел замёрзнуть, и пальцы плохо его слушались, ключи выскальзывали три раза, но, наконец, он смог справиться с замком. В коридоре было темно, зато в гостиной горел свет.

— Эйчи, я дома! — Лай скинул плащ и обувь в прихожей и вошёл в комнату. Эйчер сидел за столом и вытаскивал сигареты из пачки одну за другой. Он выкладывал их в один идеально ровный ряд. Кажется, уже третья пачка — два ряда по тридцать две сигареты в каждом. — Знаешь, Мик, кажется, хочет втянуть меня в своё расследование. Серийное убийство, какой-то маньяк убивает девушек и раздевает их. Они не смогли найти ни одной нормальной улики, представляешь? Обычно Мик что-нибудь находит.

— Это ты их убил. — Голос прозвучал ровно, без тени эмоции. Лай замер посреди комнаты с поднятой рукой — он как раз собирался расстегнуть ворот рубашки. Эйчер вытащил ещё одну сигарету и положил рядом с предыдущей, выровнял край.

— Эйчи, что ты такое несёшь? Ты хоть сам-то понял? — Лай подошёл к столу и сжал руку в кулак. Ему хотелось ударить по столешнице, но тогда сигареты рассыпались бы, а Эйч не любил, когда кто-то ему мешал. — С чего ты взял? Посмотри мне в глаза, наконец!

Лай схватил Эйчера за плечо и развернул к себе, обхватил пальцами за подбородок и запрокинул его лицо. Гнев ушёл так же быстро, так же внезапно, утонул в пустых глазах Эйча. Лай разжал пальцы, он не мог видеть, как подрагивают бледные губы, кривятся, пытаюсь вытолкнуть какие-то слова. Как давняя привычка не давала выплеснуть наружу бурю. Напряжённые пальцы дрожали, комкая очередную сигарету. Он не мог на это смотреть — на это бессилие, на страх. Он ведь должен защищать его!

— Прости меня, Эйчи, прости! — Лай опустил на колени и обнял Эйчера, прижал его лицо к своему плечу. Он обещал себе никогда не кричать на него, никогда не причинять ему боль, и сорвался. Опять. — Прости, обещаю, я так больше не буду! Эйчи.

Он сидел на полу и баюкал в объятиях самого дорогого для себя человека. За окном бесновался ливень, у дальних высоток вспыхивали молнии, перечёркивая тенями комнату. Лай шептал, уткнувшись лицом в спутанные волосы Эйчера, что-то глупое и успокоительное. Эйчи не любил, когда к нему прикасаются, но ему прощал, и Лай этим всегда беззастенчиво пользовался.

Мик даже не успел выпить утренний кофе, когда к нему подошёл Лай и потребовал отвезти его на место, где нашли труп. Он явно был чем-то раздосадован и даже не пытался этого скрыть. Просто обычная мрачность сменилась ядовитой мрачностью. Мик допил кофе одним глотком и направился на служебную стоянку. Он хотел успеть доехать до начала утренних пробок, у него совершенно не было желания отбиваться от всего того яда, что Нэван накопил за ночь.

Тихая полянка в глубине одного из многочисленных городских парков с трёх сторон закрытая кустами — там жертва могла пролежать ещё долго, если бы не случайность. Парочка решила уединиться на стоявшей на краю полянки крытой скамейке. Для них решение оказалось не самым удачным, а вот для полиции — наоборот. Мик показал Нэвану, где нашли труп, и отошёл под навес. Ему безумно хотелось спать и он, сонно жмурясь, наблюдал, как Лай едва ли не по грязи ползает, пытаясь хоть что-то найти. Смотреть на это было даже приятно, если учесть, кто именно не дал ему нормально допить утренний кофе.

Инспектор Нэван промучился под проливным дождём около часа и наконец-то признал полную бесполезность своих действий. Забежав под навес, он вытащил из внутреннего кармана плаща каким-то чудом оставшуюся сухой пачку сигарет и с надеждой посмотрел на Мика.

— Ну что, накопал что-нибудь дельное? — Инспектор Дэвис поднёс зажигалку к сигарете Лая. Сам он не курил, но для друга носил с собой — тот их вечно терял или забывал. Лай благодарно кивнул и затаился, глядя в низкое грязно-серое небо, продолжавшее извергать на многострадальный город потоки воды.

— Ложе трупа полностью размыло, грязи по колено. — Лай зябко передёрнул плечами и на секунду прикрыл глаза. Он замёрз и промок, сигареты спас только кусок непромокаемой ткани, вшитый во внутренний карман. С такими дождями это было совсем не лишним. — Я всё равно не понимаю, Мик, зачем я тебе сдался? Ты и сам прекрасно разберёшься с этим делом. Или оставишь его висеть, если убийца прекратит работу.

— Мне нужны идеи, Лай. Любые, даже самые невероятные. У тебя лучше получается понимать логику маньяков. — Мик усмехнулся и устало провёл рукой по лицу. Он заметил это, когда молодой младший инспектор только пришёл работать в участок. Парень удивительно легко разгадывал подобные головоломки, поначалу Мика это даже немного испугало. Может быть, с этого и началась их тогдашняя вражда?

— Чтобы поймать маньяка, надо думать, как маньяк. Ты на что намекаешь, Мик? — Лай невесело рассмеялся. В чём-то Мик был определённно прав, он знал, как думают психи, и знал, что логика в их поведении есть всегда.

— Эй, глянь! — Мик махнул рукой в сторону подъездной дорожки, видной через просвет в кустах. Рядом с полянкой остановилась большая дорогая машина, из тех, на которых ездят богатые и успешные люди. Лай скривился как от зубной боли и в одну затяжку докурил сигарету. Проблем прибавилось, а зацепок не было никаких.

Из машины под дождь вышел молодой мужчина в дорогом плаще и отполированных до блеска туфлях, которые почти мгновенно покрылись грязью. Он недовольно поджал тонкие губы и поправил свободной от зонта рукой очки в тонкой оправе. Жест был скорее показушным, но выглядел слишком естественно. Заметив инспекторов, он приветственно помахал им рукой и направился под навес, стараясь обходить лужи и особенно вязкую грязь. Даже с его длинными ногами это удавалось далеко не всегда.

— Доброе утро, господа. Приятная погодка, не правда ли? — Мужчина вылил на инспекторов приветственную дозу сарказма и закрыл зонт, стряхнув поток воды на землю.

— Какими судьбами, Ланг? — Мик скептически усмехнулся. Погоду даже просто дрянной язык не поворачивался назвать. — И кстати, с которым из Лангов имею честь общаться?

— Догадайся, ты же детектив. — Ланг искривил губы в усмешке и откинул за спину завязанные в конский хвост волосы. Мику почти ни разу не удалось угадать кто из братьев-

близнецов — кто. Клавдий и Юлий Ланг: один из них работал прокурором, второй — адвокатом. При их деньгах и связях эту работу можно было считать чем-то вроде хобби. Тем более, что оба брата отдавались ей с вдохновением и старанием истинно увлечённых людей. Они оба умели наслаждаться игрой, а зал суда для них всегда был скорее шахматной доской. А уж когда они вели один и тот же процесс.... При этом, они презирали большинство людей, считая их недостойными внимания. Не из-за бедности, а из-за глупости, что характерно.

— Так зачем ты здесь? — Миролюбиво поинтересовался Лай. Как и Мику, ему тоже приходилось пересекаться с обоими братьями. Но, в отличие от своего друга, он реагировал на их появление спокойно. Как минимум, это означало, что расследование будет непростым, а результат — непредсказуемым. Братья Ланги любили сложные и запутанные дела.

— Хочу посмотреть на место преступления, войти в курс дела, так сказать. Раньше брата — было бы неплохо обойти его в самом начале. Мы решили вести это дело в суде вдвоём. — Ланг мечтательно облизнулся. опередить и превзойти брата — для каждого из них это было высшим удовольствием. — Если, конечно, будет, кого судить. Мне весьма бы этого хотелось. Что ж, к делу. Есть какие-либо гипотезы, предположения? Инспектор Дэвис, ты ведь поделишься со мной протоколом осмотра места?

— Вместе со всеми материалами дела, если оно дойдёт до суда. Ты знаешь протокол. — Мик пожал плечами. Он ничего не был должен ни одному из Лангов и помогать им не собирался.

— Нельзя быть таким принципиальным, инспектор Дэвис, порой это вредит карьере и дружбе. — Ланг хитро прищурился и повернулся к Лаю. — А что на счёт тебя, инспектор Нэван?

— Я здесь вообще только как генератор идей. Сам не в курсе. — Лай пожал плечами. Ему не хотелось ссориться с братьями, но и давать им лишнюю информацию он тоже не собирался. Была у братьев Лангов дурная привычка вмешиваться в заинтересовавшее их расследование. Или вообще проводить альтернативное. Но Лай и сам знал не так много, так что оправдание у него пока было. — Я здесь закончил, Мик, поехали обратно в офис. Там хотя бы не так сыро.

— С тебя кофе, прохвост. Зачем только меня вытащил? — Проворчал Мик, поднимая ворот плаща. Выходить под дождь до ужаса не хотелось. Они добрались сюда на автобусе, но тогда ещё лило не так сильно.

— Могу подбросить. — Ланг приглашающе махнул рукой в сторону своей машины, вне всяких сомнений, чистой и сухой. — Только коврики мне не заляпайте.

— Вот ещё, — усмехнулся Мик.

До машины они буквально бежали, но всё равно промокли. Внутри действительно оказалось сухо и тепло, хотя коврики спасти так и не удалось. Мик сел на заднее сиденье рядом с Лаем, Ланг занял место водителя.

— Не могли бы вы хотя бы рассказать мне суть этого дела? Я слышал только, что уже есть три мертвеца, убитых сходным образом. Вы уверены, что это серийный убийца? — Ненавязчиво попытался вытянуть информацию Ланг. Лай только вздохнул. Скорее всего, он уже получил копии имеющихся у начальника материалов, ему просто нужны были их догадки и варианты, которые потом можно будет использовать в суде. Братья Ланги всегда запоминали каждое слово, умели вытягивать мнение из обычных фраз и гипотезы из обычного описания.

— Есть три трупа, общего между ними только пол и способ убийства. Вряд ли это

просто совпадение, правда? — Лай с сожалением подавил в себе желание закурить. Братья Ланги предпочитали дорогие сигареты и не переносили запаха дешёвых, это он уже успел выучить на собственном опыте. Сейчас простая вежливость требовала найти другой способ успокоить нервы. — И ещё, может быть, раса. Все три женщины были белыми, разного возраста, хотя совсем юных или пожилых не было. Оттенок кожи, цвет волос, социальный статус, одежда — всё разное. Есть ещё кое-что интересное. У третьей жертвы был вырезан левый глаз и отрезаны два пальца на левой руке. Мик, у остальных было так же?

— Нет, у второй не было левого уха, у первой — куска левой щеки. — Мик пожал плечами. Он тоже заметил и заинтересовался этой особенностью, но пока не мог придумать для неё объяснения. Убийца отрезал части лица, а у третьей жертвы ещё и пальцы — какой-то фетиш, не способный пока дать наводку.

—левой значит. — Лай прикусил губу, он перебирал в голове возможные варианты, но пока что не находил ни одного подходящего. — Для таких случаев обычно характерно наличие общих черт у женщин. Либо внешность — похожая на ту, которую по какой-то причине ненавидит убийца. Либо манера одеваться, либо какая-то деталь в аксессуарах. Реже бывают те, кому приказывают убить голоса в голове, эти обычно мало разборчивы в выборе жертв и нападают на всех подряд. К тому же, их нападения чаще всего спонтанны и не спланированы, они не заботятся об уликах, которые оставляют. Однако здесь мы имеем дело с явным проявлением жестокости, желании причинить боль и унижить даже после смерти. И чётким расчётом. Убийца убирает за собой всё, что может его выдать.

— Вы так думаете, инспектор? — Ланг притормозил на светофоре и заинтересованно повернулся к Лаю. Это было именно то, что он хотел от него услышать. Маньяк-логик, агрессивный и в тоже время холодный социопат. То, что они с братом давно хотели отыскать.

— А может, мы вообще не там ищем связь. Возможно, ни одна из жертв не является копией или подобием искомой личности. Если у убийцы действительно есть женщина-модель, а это очень даже вероятно. — Лай скрестил руки на груди и уставился в потолок. Ему почему-то казалось, что это именно мечь. Убийца издевался над трупом, зачем-то раздел женщин и бросил их там, где их быстро найдут. Желание унижить? Или раскрыть их скрытую суть перед миром, выявить грехи своей жертвы, о которых никто, кроме него, не знал? Это был скорее символ, также связанный с его фетишем на части лица. — Вероятно, мы имеем дело с чем-то вроде пазла. Что если объединить отрезанные фрагменты и попытаться на их основе воссоздать лицо? Что если он отрезал в качестве трофея именно то, что напоминало ему о той женщине в очередной жертве?

— Здравая мысль, Лай. Это вполне вероятно. Напрягу ребят, может, смогут составить фоторобот. — Мик достал из внутреннего кармана записную книжку и быстро зафиксировал там всё, что сказал Лай. Ему такое в голову не приходило. Связь у женщин была, только не друг с другом, а с кем-то ещё. И связь не полная, а частями. — Всё-таки считаешь, он ищет в женщинах кого-то конкретного? Мать, возлюбленную, сестру?

— Точно не возлюбленную. Судя по характеру нанесённых ран, особенно посмертных, у убийцы не было даже мыслей о физической близости. Тем не менее, он раздевал женщин. Разоблачал их. Я бы поставил на мать. — Лай потёр ладонью лоб, голова снова разболелась. Проклятый дождь! Ещё не хватало заболеть! — Но вероятны и другие варианты. Например, он выбирал несовершеннолетних девушек и вырезал то, что, по его мнению, их портит. Или это всё-таки была возлюбленная, но не его. Бросившая друга девушка.

— Тогда почему только слева? — Мик недовольно покосился на спину юриста, но прерывать коллегу не стал. Раскрутить дело было важнее, да и какая разница — Ланг при желании найдёт способ выяснить всё, что ему интересно. Оба Ланга. А Лай, кажется увлёкся, выдавая одну идею за другой.

— Не знаю пока, просто накидываю варианты. Потом будем отбирать подходящие. — Лай закрыл глаза и откинулся на спинку сиденья. Дождь яростно бился в окна, стучал по крыше машины, стекал потоками по лобовому стеклу. Ланг молчал, видимо, обдумывал сказанное, решал, как именно использует это в суде, какие варианты выберет. Пять минут спустя автомобиль затормозил у главного входа в полицейский участок. Инспектор Дэвис сдержанно поблагодарил их нежданного помощника и поспешил внутрь под крышу.

— С тебя кофе, не забыл? — Мик раздражённо стряхнул воду с ворота плаща и почти агрессивно начал счищать грязь с ботинок.

— Помню, сейчас принесу. — Устало ответил Лай и направился к кофейному аппарату. Ему до безумия хотелось спать, тело ломало так, словно он всю ночь таскал мешки с песком под этим проклятым дождём. Впрочем, он часто так себя чувствовал в такие вот дождливые дни. — На обед пойду домой, так что, если понадобится, ищи меня там.

— Чего тебе там делать-то? Ладно, не моё дело. Жил бы не так далеко, тоже не стал бы есть в нашей столовой. — Мик с благодарным вздохом принял из рук Лая картонный стаканчик с кофе. — Ты зачем всё Лангу выболтал?

— Я ничего лишнего ему не сказал. Только предположения, которые он с его опытом мог сделать и сам. — Лай недовольно мотнул головой, отбрасывая с лица мокрые пряди волос. Давно пора попросить Эйча подровнять. — Я просто задумался, начал искать ответ. Вариантов оказалась целая куча. Ты же сам этого от меня хотел! Ланг оказался рядом, только и всего.

— Кстати о наших баранах, как думаешь, это который был? — Мик хитро прищурился, глядя на своего коллегу. По большому счёту, действительно не имело особого значения всё то, что Лай рассказал юристу. Всего лишь предположения, правдой в данном случае окажется только одно из них. Или ни одного.

— Юлий, адвокат. Я почти уверен в этом. — Лай осторожно коснулся мутноватой тёмной поверхности кофе кончиком языка и с шипением отвернулся. Слишком горячий, практически кипятком. Он не любил никаких добавок, пил только чистый горький кофе, потому и расплачивался ожогами. Эйчер же предпочитал без сахара, но с молоком.

— Как ты их различаешь? — Мик недоумённо посмотрел на инспектора Нэвана. Повторять его эксперимент с кофе он не стал.

— Не знаю, как-то само получается. Просто знаю и всё. — Лай пожал плечами. Его ещё ждала небольшая горка бумажной работы, и он очень хотел закончить её до перерыва. — Пойду ещё подумаю над твоим делом. Если будет время, конечно.

— Ну ты и прохвост, — усмехнулся Мик, — иди, пиши свои отчёты.

Лай задумчиво посмотрел на кофейный автомат — он никак не мог решить, стоит ли взять ещё один стаканчик, или одного ему до обеда хватит. В конечном итоге он всё-таки отказался от идеи занять обе руки стаканчиками с кофе.

Разделаться с бумагами он почти успел, осталась всего пара не столь важных документов и одна объяснительная. С этим можно будет разобраться и после обеда. Сегодня он хотел провести немного времени с Эйчером, убедиться, что он забыл вчерашнее и не злитя. Лай выключил компьютер и встал из-за стола, смахнул в мусорное ведро пустой

стаканчик. То, что Эйч сказал тогда, было странным и нелепым, но он всё равно не должен был так с ним поступать.

Лай вышел из полицейского участка и остановился под козырьком. Энни из информационного отдела одолжила ему зонтик — розовый, в крупных аляповатых цветочках — и он никак не мог справиться с его застёжкой. Была середина дня, но из-за низких тяжёлых туч казалось, что уже вечер. Лай зябко поёжился и вышел под дождь. Мимо шли, а порой и бежали люди, спеша укрыться в магазинах и под навесами. Дождь шёл уже около недели, но многие, глядя утром в окно или телевизор, продолжали надеяться, что сегодня он точно кончится. Лай и сам забыл дома зонт и теперь жалел об этом. Утром ведь только слегка моросило.

Ключ в замке упорно не хотел поворачиваться, снова заедал. Лай давно уже хотел сменить его, но всё никак не мог найти на это время. Вокруг замочной скважины было много царапин, но он был абсолютно уверен, что не оставлял их, а Эйчи почти не выходит из дома. Неплохая пища для паранойи, Лай решил, что разберётся с этим позже. Возможно, их просто оставил прошлый жилец, а он раньше не замечал. В любом случае, на попытку взлома это похоже не было, а он мог что-то и забыть.

В прихожей было как всегда темно и пусто, на его оклик тоже никто не отозвался. Впрочем, опять же, как и всегда. Почти что семейная традиция.

— Эйчи, я дома. Я только на обед. — Лай прошёл в гостиную. Пусто. В ванной вода не шумит, куда он мог деться? Оставалась ещё кухня, маленькая, но вполне уютная. Хотя обычно там готовил Лай, Эйчер слишком часто резал себе пальцы и обжигался. Хорошо у него получалось только варить кофе. — Эйч, ты где?

Тишина, он почти никогда не отзывался. Лай ругнулся под нос и пошёл проверять кухню. Эйчер был там, стоял у раковины и молот кофе, монотонно поворачивая ручку кофемолки. Раньше он, когда нервничал, часто рисовал круги на бумаге.

— Эйчи, сейчас будем обедать, заканчивай с кофе. — Лай тихо вздохнул и положил ему руку на плечо. Эйч вздрогнул, словно только сейчас заметил его присутствие, и недовольно дёрнулся. — Надеюсь, ты любишь китайскую еду.

На самом деле, он прекрасно знал, что нравится Эйчеру, а что — нет, но каждый раз надеялся, что тот возразит. Хоть как-то отреагирует. Иногда даже пытался подсунуть ему нелюбимую еду — тогда Эйч просто уходил с кухни в свою комнату. Это было чем-то вроде заведённого ритуала, последовательностью фраз и действий. Эйчер мог превратить в ритуал что угодно, даже самую простую и банальную вещь. Лай достал из пакета коробочки с лапшой и одноразовые палочки, салат и соус.

— Садись, пока не остыло. — Эйчер всё-таки соизволил кивнуть, пересыпал кофе в турку и поставил на огонь. Отлично, значит, у обеда точно будет приятное завершение. Лай улыбнулся и пододвинул к себе коробочку. Эйчер сделал то же самое, потом открыл и подцепил пальцами тонкую полоску рисового теста. Некоторое время он рассматривал её, затем положил в рот и только после этого потянулся за палочками. Лай в своё время потратил кучу времени, чтобы научить его ими пользоваться. Хотя сделать это ему так и не удалось, Эйчер разобрался как-то сам. Как и во многом другом, ему легче было учиться по схемам и текстам, объяснения он просто не воспринимал.

— Эйч, сначала палочки. — Безнадёжно выдохнул Лай. Каждый раз одна и та же последовательность, каждый раз он пытается её изменить, и каждый раз терпит неудачу. —

Так ты только испачкаешься.

Эйчер снова кивнул и разломил палочки. Они ели молча, Лай думал о расследовании, пытался составить психологический портрет убийцы. Он был уверен, что отрезанные части тела были зацепкой, только пока не мог понять, на что именно они указывают. Судя по фотографиям и протоколу осмотра трупов, для убийства использовался обычный столовый, не особо острый нож. Такой легко купить, можно даже взять с кухни, а потом отмыть. Своих следов убийца тоже не оставил — ни отпечатков пальцев, ни кусочков ткани, ни волос. Отпечатки подошв полностью размыл проклятый дождь.

— Сегодня ездил с Миком в парк, туда, где убили последнюю девушку. Там уже и смотреть было нечего. Зато наткнулись на Юлия Ланга. — Лай отодвинул пустую коробочку и взялся за салат. Эйчер всегда ел салат в конце и его приучил делать так же. — Кажется, братья решили взять это дело вместе.

— Нет. Не получится. — Эйчер подцепил палочками кусочек сладкого перца и отправил в рот. — Если он закончит. Не получится его найти.

— Закончит? В каком смысле — закончит? — Лай нахмурился, пытаясь понять, что Эйчер пытается ему сказать.

— Закончит? Если соберёт весь комплект. Тогда не получится его найти. Он берёт их. Собирает. — Эйчер закрыл пустую коробку и отодвинул в сторону. Несколько секунд он удивлённо смотрел на салат, потом встал и пошёл готовить кофе.

— Отрезанные части тела — это части паззла, общей картины, верно? Когда он соберёт полностью ту, что ему нужна, он перестанет убивать. Полиция его не найдёт, потому что улики он не оставляет. — Лай взъерошил себе волосы и улыбнулся. Это уже было похоже на зацепку, идею, версию. — Молодец, Эйч, спасибо.

Эйчер поставил перед ним кружку с кофе и отошёл в сторону. Лай продолжал думать, анализировать действия убийцы. Что именно ему нужно, только лицо или всё тело? От этого зависит, сколько у них времени. Конечно, это всего лишь одна из версий, но вполне жизнеспособная. К тому же, у Эйчера всегда хорошо работала интуиция в таких делах, он редко высказывался и редко ошибался.

— Мне пора возвращаться на работу, Эйч. Спасибо за кофе. — Лай отнёс свою кружку в раковину. — Знаешь, закончу это дело, возьму пару дней в счёт отпуска. Сходим куда-нибудь или закажем пиццу и будем смотреть фильмы.

— Да. Обещаешь? — Эйчер вышел вслед за ним в коридор и остановился рядом с вешалкой.

— Конечно. Будем обедать пиццей. Обязательно, Эйчи. — Лай улыбнулся и прижался губами ко лбу Эйчера.

— Обязательно. Ты обещал. — Эйч кивнул, безразлично глядя куда-то в стену. — Обещал.

— Да, Эйч. Я помню. — Лай вздохнул и открыл дверь. Выходить обратно под дождь до дрожи не хотелось. Но своё обещание он сможет выполнить только тогда, когда поймает убийцу. И он обязательно его поймает, ему и самому давно хотелось пиццы.

— Я помню. Обещал. Для меня. — Тихо сказал Эйчер, когда он уже закрывал дверь. Лай нахмурился, но не обернулся. Он не понял, что имел в виду Эйчер, но решил не задумываться об этом до вечера. Время спросить у него ещё будет.

Дождь снова усилился, послеобеденный сумрак то и дело освещали далёкие всполохи, порой до ушей доносился низкий рокот и треск молний. Гроза опять набирала силу, никак

не желая успокаиваться. Теперь белесые ветви рассекали небо уже за городом, оставив, наконец, в покое дома богатых и успешных горожан. Низкие тучи начали выдыхаться, давая надежду на то, что к вечеру дождь утихнет, и ночь пройдёт спокойно. Обманутые утренним спокойствием люди всё равно завтра возьмут с собой зонты и дождевики. Возможно, погода обманет их снова. А может быть, тучи найдут в себе силы вытряхнуть на город новую порцию воды. Пока что прохожие на тротуарах бежали, не оглядываясь, по своим делам, надеясь укрыться в кафе или офисах и переждать льющийся с неба поток. Такой сильный дождь может легко спрятать за своей пеленой любого, может смыть следы, оставив лишь недоумение и ложь. В такой дождь легко потерять даже самого себя, забыть и спрятаться за кем-то, кто сильнее. Уже неделю город утопал в бесконечном сером дожде.

Юлий Ланг сбросил плащ на руки слуги и стряхнул с ног ботинки. Он не любил уличную грязь — а они все были ею забрызганы — грязь человеческих душ привлекала его гораздо сильнее. Он поднялся на второй этаж и зашёл в свою комнату. Брат сидел там, как всегда расслабленный, с выжидающей ехидной улыбкой на лице.

— Как тебе новое дело? — Клавдий достал из деревянной резной коробки длинную тонкую сигарету и протянул брату. — Оно стоит усилий?

— Весьма любопытное, можно сказать. — Юлий зажал чётный цилиндрик между пальцев и прикурил от свечи, стоявшей на столе. — Дэвис позвал на помощь Нэвана, а это весьма любопытно.

— Вот как? Зачем же ему помощник? На первый взгляд, это обычный серийный убийца. — Клавдий прекрасно мог ответить на этот вопрос и сам, но предпочёл поддержать разговор.

— Верно, и инспектор Нэван разбирается в них как никто. — Юлий присел на край стола и упёрся ладонями в полированное дерево по обе стороны от себя. Несколько секунд он ловил взгляд брата, потом, наигравшись, продолжил. — Мне часто кажется, что он и сам не совсем нормальный. Как думаешь?

— Может ли нормальная с общественной точки зрения личность осознать и разгадать логику серийного убийцы? Маловероятно. — Клавдий провёл рукой по своим светлым длинным — ровно такой же длины как у брата — волосам. Он иногда делал так, когда они оставались наедине, словно разглаживал мысли. Юлию не нравилось, что у его брата есть какой-то характерный жест, которого нет у него. С самого детства они были абсолютно одинаковыми, и ему не хотелось, чтобы существовал способ их отличить. — А меня ты считаешь нормальным?

— Разумеется, нет. — Юлий холодно улыбнулся. Ни себя, ни брата нормальными он не считал, ему это даже давало некоторый повод гордиться. — А что до того дела... Дэвис не даст материалы прежде, чем они арестуют преступника. Придётся добывать их у Хэрли.

— Думаешь, арестуют? — Клавдий вскинул бровь и посмотрел на брата слегка удивлённо. Он был уверен, что Дэвис проиграет.

— Если повезёт, если он не успеет закончить свою головоломку, возможно, захочет сдаться, чтобы продолжить позже. — Юлий выпустил изо рта тонкую струйку горьковатого дыма. — Если успеет — скорее всего, будет убит при попытке к бегству или покончит с собой. Такие убийцы как трутни — умирают, выполнив свою миссию.

— Значит, мы можем остаться ни с чем? — Клавдий разочарованно вздохнул. Он всегда больше брата сожалел, когда не мог получить заинтересовавшее его дело. — А что ты

скажешь о жертвах?

— Очередные ничего не значащие пустышки. Просто оболочка без наполнения. Убийца дал им хоть какую-то значимость, они должны быть ему благодарны. — Юлий досадливо поморщился и соскользнул со стола. После обеда у него было заседание суда по одному забавному делу, ему ещё надо было перечитать собственные заметки.

— Ты циничен сверх всякой меры, дорогой братец. — Клавдий хищно улыбнулся, наблюдая за тем, как Юлий подходит к окну и берёт со столика листы с заметками.

— Как и ты, Клавдий, как и ты. — Юлий погрузился в чтение, снова выстраивая в голове свою речь, перебирая аргументы как кирпичики, вытаскивая всё, что могла сказать сторона обвинения. Это забавное дело, но разве не приятнее защищать того, кто обречён, добиваться невозможного, смотреть в глаза безумию и балансировать на самом его краю? Нет ничего интересней, чем заглянуть в бездну, глядящую в ответ тысячами глаз. Разум убийцы, который не раскаялся — как беззвёздная ночь. Мысли того, кто спустился в Ад ещё при жизни — как липкая паутина. Они часто рассказывают, не сомневаясь и не моля о пощаде. У них с братом есть своя коллекция таких историй: простых и запутанных. То, что рассказывали им подсудимые, то, что не всплывало на судах. Это их собственное исследование тьмы и ночи. Их приключение, путешествие в бездну. То, что у них никто не сможет отнять.

Глава 2 Потерянная ночь и пара шепоток правды

Лай бросил плащ на спинку стула и направился к кофейному аппарату. Конечно, здешний кофе был несравним с тем, что готовил Эйчер, но ему предстояло переделать гору скучной бумажной работы, без подзарядки мозг с этим точно не справится. Да и с расследованием надо было что-то делать. Чем быстрее он найдёт убийцу, тем лучше. В конце концов, он заслужил отдых, и вовсе не обязан помогать Дэвису. Но Мик — его единственный друг среди полицейских, второй, после Криса, и первый равный. Лай нашёл взглядом картинку с чёрным кофе, выбрал самую большую порцию и начал на кнопку. Почему-то до ужаса хотелось пиццы. Не успел он выйти в коридор, как в него едва не врезался Мик.

— Лай, прохвост, я уже без тебя ехать собирался! Где тебя носило? — Инспектор Дэвис схватил его за ворот рубашки и несильно тряхнул.

— Я же сказал, что пойду обедать домой. — Лай раздражённо скинул руки Мика с себя. Какого... он ему не позвонил, если так срочно? Он машинально провёл ладонями по карманам. Потому что он оставил телефон на рабочем столе, ну конечно! Идиот.

— Мог бы телефон взять. У нас ещё один труп, совсем свежий. Судя по почерку, наш парень. — Мик самодовольно усмехнулся. Ему определённо нравилось командовать своим коллегой. — Так что бегом обратно и поехали. Крис уже на месте, мокрый и злой. За задержку он тебе спасибо не скажет.

Лай кивнул и пошёл за своим плащом. Что-то убийца разошёлся, либо он начал работать днём, хотя прежде все девушки были убиты ночью, либо труп уже не совсем свежий. Оба варианта не радовали. Лай с усилием потёр лоб, голова болела уже почти неделю, особенно сильно по утрам и ближе к вечеру. Недопитый кофе он оставил на столе рядом с компьютером. К его возвращению он превратится в горькую, холодную жижу, которую почти невозможно будет пить.

На этот раз Мик решил взять служебную машину. Вместе с ними в неё втиснулось ещё трое полицейских, один с большим фотоаппаратом в водонепроницаемом чехле. Новое место убийства оказалось достаточно далеко от предыдущего, в небольшом тихом скверике. Обнажённая девушка сидела, прислонившись спиной к колонне беседки и уронив голову на грудь. Дождь капал на её ноги сквозь трещины в крыше, капли стекали на мокрый пол.

— Время смерти примерно на час отличается от времени смерти прошлой жертвы. — Крис мазнул взглядом по подошедшим полицейским и инспекторам. Он стоял в центре беседки со стаканчиком кофе в руках. — Возраст около восемнадцати, смерть наступила от массивной кровопотери и болевого шока в результате нанесения множественных ножевых ранений.

— Чего не хватает? — Лай подошёл и опустился на корточки рядом с телом. — У неё что-то отрезали?

— Вообще-то, да. Прядь волос, слева. Достаточно большую, если честно. — Крис отхлебнул дрянной кофе, купленный в ближайшем автомате, и поморщился. Ему пришлось отойти к колоннам, чтобы не мешать полицейским фотографировать место убийства. Молодой офицер тихо бормотал в диктофон, описывая положение тела. — Если бы убийца просто хотел получить её волосы, не привлекая внимания, он мог бы отстричь их аккуратней.

— Забавно, пока что всё совпадает. Но что ещё? — Лай прислонился спиной к одной из колонн. Пока что всё идеально ложилось в канву, заданную Эйчером. — Одежда. Это странно. Все женщины были раздеты после смерти, в этом должен быть какой-то подтекст.

— О чём ты, Лай? — Мик недоумённо посмотрел на коллегу. Лай не ответил, он перебирал факты, пытаясь найти причину и обоснование, выстраивал их в своей голове по степени важности.

— Инспектор Дэвис, мы закончили со съёмкой. Делать видео? — Полицейский с фотоаппаратом подошёл к Мику. Он что-то ещё добавил, но Лай его уже не слушал, полностью сосредоточившись на работе.

— Всё дело в одежде и трофеях. Это всё объясняет. Действительно, не так сложно. — Лай потёр виски, пытаясь отогнать пульсирующую боль. Проклятый дождь, это всё из-за него, точно!

— Что ты имеешь в виду? Объясни, Лай! — Мик раздражённо сжал кулаки и подошёл к своему коллеге. Его всегда раздражала привычка Лая рассуждать вслух, выдавая обрывки фраз и мыслей. — Что ты понял?

— Скажи, когда человек одет, какая часть его тела видна? — Вопрос мог показаться странным, а ответ — слишком простым. Лай перевёл взгляд на раздетое, перепачканное кровью тело молодой девушки. — Видны только руки и голова, верно? И что у нас по трофеям? Пальцы с руки, волосы, кожа лица, ухо, глаз. Он собирает чью-то голову и кисть руки. Всё то, что видно, когда женщина одета. То, что он видел сам. И снимает одежду именно потому, что та женщина была одета.

— Какая-то странная, вывернутая логика, тебе не кажется? — Мик почесал в затылке и ещё раз внимательнее посмотрел на тело. Какая-то нелепая поза, потёки туши на щеках, стеклянные глаза. Если принять теорию Лая, её убили только за то, что её волосы были похожи на чьи-то ещё. — Хотя что-то в ней есть. Если одежда — его особый фетиш, он мог забрать или уничтожить её. Выходит, он всё-таки хотел раздеть ту женщину?

— Нет, не хотел. Он хотел убрать преграду, да и все эти жертвы — на самом деле убивал он совсем не их. Он убивает её, медленно и постепенно, кусками. — Лай покачал головой. Убийца брал лишь части, то, что совпадало. И одежду, то, что отгораживало от неё, словно хотел приблизиться к той женщине и отобрать её лицо. Странные мысли, но они так удобно укладывались в схему. — Хотя я могу и ошибаться. В любом случае, важным для него является лицо, а не тело жертв. Вернее даже, его часть.

— Так выходит, ему остались только нос и губы? — Крис скомкал стаканчик из-под кофе и теперь безуспешно искал взглядом урну. — В крайнем случае, зубы и язык. Потом он может надолго залечь на дно, если вообще появится.

— Надо найти его как можно скорее, пока он не собрал полный набор трофеев. — Мик ругнулся и ударил кулаком по колонне. Раньше понять смысл его манипуляций с жертвами он всё равно не смог бы. Не хватило бы данных, связь между женщинами крайне неочевидна, по крайней мере, для него. — Запихну то, что есть, в компьютер, составлю фоторобот и прогоню по базе данных. Может, удастся найти хоть что-то похожее.

— Не забывай, — усмехнулся Лай, — что восприятие убийцы может быть искажённым. Он вполне может идеализировать или наоборот преуменьшать прелести той женщины. Или собирать нечто, противоположное оригиналу. Или вообще пытаться собрать лицо мужчины.

— Представляя его в виде женщины? — Мик поморщился. Ему бы подобное даже в голову не пришло. — Ладно, всё равно особо не надеялся. Надо понять, когда и в каких

местах он ищет жертв. Может быть, даже устроим засаду. Это единственный шанс поймать его вовремя.

— Судя по твоим записям, каждый раз он нападает в другом месте. Чаще всего это парк или сквер. — Лай вытащил из пачки сигарету, чуть влажную, но, к счастью, только снаружи. Он лениво щёлкнул зажигалкой, пару секунд посмотрел, как неторопливо колышется тоненький язычок пламени. Словно бьющееся в агонии хрупкое тело. Ему долго не удавалось зажечь сигарету, но, наконец, от неё начал виться дымок. Лай убрал зажигалку во внутренний карман и затянулся. Горьковатый дым пробежал по языку и стёк по горлу. — Время между нападениями тоже разное — это может быть и несколько дней и несколько часов. Я бы предложил облазить ближайшие мусорные баки, убийца вряд ли стал бы таскаться по городу с грязной женской одеждой в руках.

— Эй, Гарри, ты слышал? — Мик окликнул ближайшего полицейского. Конечно, он обыскивал все баки ещё на первых местах убийств, но попробовать всё равно стоило. К тому же, разница между убийствами всего час, у убийцы могло не оказаться времени избавиться от одежды как следует. — Обыщи тут всё. Знаешь, Лай, раньше я ничего не находил из вещей. Он их куда-то забирает.

— Или выбрасывает достаточно далеко. — Равнодушно пожал плечами Крис и присел рядом с телом. Стаканчик он положил в карман куртки. — Этот скромняга очень аккуратен и совсем не хочет с нами знакомиться.

— Скорее, он точно знает, где, что и как мы будем искать. — Лай нахмурился и щелчком стряхнул пепел в пачку. Оставлять свои следы на месте преступления было верхом идиотизма. — Так что он вполне может быть и из полиции. Либо досконально изучил наши методы работы. Одно очевидно — он не ищет славы, как многие маньяки. Не ищет признания и не желает подражателей. Он просто делает свою работу, совершает месть. Ему не нужны свидетели. Он не хочет, чтобы ему мешали. Он не работает на публику, для него это личное дело.

— Плохо, мы его так долго ловить будем. Без улик. — Мик раздражённо махнул рукой. Преступник и так на шаг впереди — они лишь разгребают то, что он им оставил. А теперь ещё и это — он в курсе, как его будут ловить, значит, попадётся либо если налажает, либо если захочет сам. — Осеннее обострение, не иначе.

— Всё может быть. Хочу ещё поработать над своим отчётом по прошлому делу. Мик, я тебе пока не нужен? — Лай затушил сигарету о пачку и засунул окурочок внутрь. Дождь превратился в мелкую противную морось, дробно барабанящую по крыше беседки.

— Ладно, можешь ехать обратно. Только своим ходом. — Мик отмахнулся от него, как от надоедливой мухи. Лаю всё равно не требовалось его разрешение на что-либо. — Кстати, Чен, почему тело нашли так поздно? Прошло уже много времени, а место не такое уж безлюдное.

— Беседка была на ремонте, инспектор. — Чен, невысокий азиат, обычно спокойный и уравновешенный, пролистал свои записи. Он всегда всё записывал в блокнот, иногда даже по несколько раз, искренне считая, что сдублированная информация лишней не бывает. — Нам пришлось снять ограждение. Тело обнаружил дворник, он решил смести хотя бы листья и воду с пола. Не заметил её, пока не споткнулся об её ноги. Здесь аварийная крыша.

Мик резко поднял голову и посмотрел на покрытый мелкими трещинками свод. Что за глупости! Разве можно оставлять тело там, где его может в любой момент засыпать? Если только убийца не хотел, чтобы засыпало полицейских.

— Беседка уже месяц на ремонте, и ни одного камешка пока из неё не выпало. Разве что трещины стали заметнее. — Чен усмехнулся, не то чтобы он смеялся над своим начальником, просто его забавляла его реакция. Иногда на него находили приступы такой вот беспричинной весёлости. Чаще всего, во время сложных или противных расследований. — Зато на её ремонт уже месяц выделяются деньги.

— Понял я, понял. Давайте уже делом займёмся. А то от пустой болтовни Нэвана всё равно никакого толка. Только и умеет, что строить предположения. — Мик раздосадовано стукнул кулаком об колонну. Большая часть этих предположений казалась вполне логичной и от того ещё более мерзкой. Как же у него всё-таки вывернуты мозги, раз он может предполагать подобное.

— Вы же его за этим и позвали, разве нет? — Теперь Чен смеялся уже почти откровенно. Инспектор Дэвис всегда раздражается в дождь, воспринимать всерьёз все его нападки сейчас совершенно не стоило.

— За работу, Чен! — Мик никогда не обижался на своего порой не в меру весёлого сотрудника. В конце концов, у него настроение было как раз паршивым.

Лай закончил последнюю записку к отчёту, отослал начальнику и откинулся в кресле. Дел у него было не так много, но ему совершенно не хотелось торчать с Дэвисом под дождём и делать за него всю его работу. К тому же, в тишине думалось лучше. Он сказал Мику не всю правду, только ту, что он хотел и готов был от него услышать. Убийца играет с ними, он не собирается попадаться, но и избегать внимания полиции не намерен. Он всё делает для того, чтобы трупы нашли. Или она, что, конечно, маловероятно. Судя по расстоянию и форме синяков вокруг рта жертв, рука скорее мужская. Это что-то вроде игры "вы меня всё равно не поймаете, хотя я буду у вас под носом". Некоторые любят и такое развлечение. Значит, в его преступлениях должны быть подсказки, достаточно сложные, чтобы на их разгадку потребовалось слишком много времени. Самой очевидной подсказкой являются отрезанные части лиц жертв — это раз. Отсутствие одежды тоже можно учесть — это два. Что ещё? Жертвы никак не связаны между собой и, возможно, не так и важны. Тогда что важно?

Лай тяжело вздохнул, нехотя встал и пошёл за кофе. На стене рядом с кофейным аппаратом висела большая подробная карта города. Толстой чертой был обведён их участок. Там было больше всего маленьких дырочек от кнопок с разноцветными головками и следов клея от стикеров. Сейчас в неё было воткнуто тридцать две кнопки — каждый цвет соответствовал своему расследованию. Лай мысленно зафиксировал те места, где нашли тела женщин. Названия, может, всё дело в них? Какое-то послание, шифрограмма. Лай перебирал в голове наименования мест, переставлял, сортировал, но всё равно получалась бессмыслица. Нет, определёнno, всё не так просто. Или наоборот, слишком очевидно, чтобы заметить. Он забрал стаканчик с кофе и ушёл в свой закуток. Разные парки, скверы, пешеходные дорожки — одну нашли в кустах. В основном центр города, но все точки расположены достаточно далеко друг от друга.

Когда Лай допил последний глоток кофе, в его закутке уже было темно. Он не стал включать свет, просто проглотил омерзительно холодную жидкость, оставшуюся с обеда, и закрыл глаза. Его едва не передёрнуло от ощущения чего-то мокрого и почти ледяного, скользящего вниз по горлу. Ответ пришёл без всяких ярких вспышек, Лай просто едва не упал с кресла. Он чуть не сбил с ног инспектора Хлою Мерч, высокую и всегда ярко

накрашенную блондинку.

— Эй, Лай, хоть извинился бы! — Он ничего не ответил на её возмущённый крик. У кофейного аппарата стояла небольшая очередь засидевшихся допоздна коллег, но его интересовала карта. Лай схватил с ближайшего стола линейку.

— Это моя, вообще-то! — Инспектор Мортимер как всегда был крайне высокомерен и заносчив. А ещё он терпеть не мог, когда кто-то брал или двигал его вещи. — Потрудись объясниться, инспектор Нэван!

— Я на секунду. — Лай отмахнулся от надоедливого коллеги. Он приложил линейку к карте, соединяя воображаемой линией места первых двух убийств. Потом также — второго и третьего. Догадка переросла в уверенность. Всё так и есть — все расстояния были одинаковыми! Лай мысленно очертил круг нужного диаметра вокруг места последнего убийства. На окружности оказался ещё один городской парк. Скорее всего, убийство произойдёт именно там. Знать бы ещё, когда!

— Спасибо, Мортимер, ты мне очень помог! — Лай кинул линейку на стол, едва не попав ею в инспектора.

— Да что ты себе позволяешь! — Мортимер вскочил со своего места, но этим его возмущение и ограничилось — он считал ниже своего достоинства прилюдно выяснять отношения.

Лай только махнул ему рукой и влетел в свой закуток, схватил плащ и, одеваясь на ходу, выскочил на улицу. Проехавшая мимо машина обдала его и так не слишком чистые штаны потоком воды из ближайшей лужи. Ткань намокла почти до колен, но Лай не обратил на это особого внимания. Задержался он только один раз, когда, не заметив, толкнул девушку. Пришлось остановиться и извиниться. У неё были красивые губы, он почему-то сразу это заметил.

— Смотреть надо, куда прёшь!

Грубость вывела Лая из прострации. Миловидное личико девушки исказилось в брезгливой гримасе, и она резко развернулась на каблуках. Видимо, сочла встрёпанного мужчину в забрызганных грязью штанах не стоящим своего внимания. Лай только пожал плечами и отвернулся. Такие женщины его никогда не интересовали — жадные, ленивые и высокомерные. А может быть, ему просто не был интересен их мир и образ мыслей — слишком чуждый и не нужный.

Эта вынужденная задержка заставила Лая успокоиться. В конце концов, куда он так спешит, если всё равно не знает, в какой части парка и когда произойдёт нападение? Когда бы он ни пришёл, велик шанс, что он не успеет или ошибётся. Наверное, убийца сейчас и сам не знает, где и когда найдёт нужную ему женщину.

Уже у самого дома Лай вспомнил, что обещал поужинать с Эйчером. Как же неудачно получилось! Лифт скрипел сильнее обычного, и это до дрожи бесило. Голова снова раскалывалась, и всё о чём сейчас мог думать Лай — это пара таблеток обезболивающего.

— Эйч, прости, я ненадолго. Эй, Эйчер! — голос в конце предательски сорвался. Привычная уже тревога гулко билась в раскалывающейся от боли голове.

В квартире было тихо, так тихо, что было слышно тиканье часов. Они же уже месяц как не ходят! Лай всё время забывал отнести их в ремонт. Видимо, Эйчер починил их от скуки, хотя обычно ему не бывало скучно наедине с собой. На столе в гостиной всё ещё лежал ровный ряд сигарет, но теперь их было меньше. Лай вышел на небольшой балкончик, Эйчер стоял там и курил, думая о чём-то, известном ему одному. Сизый дымок мешался с ночной

серью, перемешанной с неоновым светом темноты. Какое-то время они просто стояли и смотрели на расплывающийся огненной рекой город. Эйчер зябко переступил с ноги на ногу — он вышел на балкон босиком, под ступнями у него был только голый бетон. Лай положил руку ему на плечо и кивнул в сторону комнаты. Ему хотелось сменить штаны, переодеться перед ночной вылазкой, но разбивать стеклянную тишину в одиночку было слишком неправильно. Наконец, Эйчер докурил, затушил сигарету о пустую жестяную банку, стоявшую сбоку на небольшом выступе. Когда он повернулся к Лаю, на его лице нельзя было различить ничего — словно выкрашенная белым маска с тёмными провалами глаз. Впрочем, он всегда был таким, погружённым в себя и не желающим поворачиваться к миру вокруг.

— Эйч, мне сейчас надо срочно уйти по работе. Прости, знаю, что собирались поужинать вместе. В другой раз. — Лай говорил сбивчиво, на ходу стаскивая с себя штаны. В ящике комода нашли ещё одни точно такие же — идеально выглаженные и ровно сложенные. Эйчер порой бывал до ужаса аккуратен. — Я вернусь, надеюсь, скоро. Но ты ложись спать, не жди меня.

— Хорошо. Но я буду ждать тебя. Ты ведь вернёшься. — Уголки губ Эйчера дёрнулись словно он пытался улыбнуться. Лай замер на секунду, удивлённо глядя на него. — И мы закажем пиццу. Когда вернёшься.

— Да, пицца! Если получится поймать ублюдка сегодня, обязательно отпразднуем. — Лай улыбнулся и едва не упал, запутавшись в штанинах. — У меня есть отличная зацепка, Эйч, просто великолепная!

— Ты бы позвонил Мику. — Эйчер равнодушно наблюдал за попытками Лая натянуть штаны и одновременно достать из шкафа кобуру с табельным пистолетом. — Хорошо?

— Замечательно. Только он, наверняка, всё ещё копается с прошлой жертвой. Да и отсюда до парка намного ближе. — Лай всё-таки справился со штанами и пристегнул к поясу кобуру. Теперь что-нибудь от головы, и можно идти ловить ублюдка. Мик точно не догадается, не так быстро, значит, там он будет один. Нет никакой нужды так рисковать, но звать кого-то... адреналин зашкаливал, Лай чувствовал, как в нём пробуждается хищник. Древнее, первобытное желание загнать зверя, сразиться и победить. Если это большое и сильное животное, без племени не справиться. Но равный по хитрости и изворотливости хищник может быть убит только в поединке один на один.

— Ты обещал. — Эйчер стоял в коридоре, всё так же бесстрастно глядя куда-то мимо Лая. — Ты вернёшься.

— Да, Эйч, обязательно. — Лай обхватил лицо Эйчера ладонями, притянул его к себе и поцеловал в лоб.

Что-то внутри отчаянно противостояло его безумной идее отправиться на поиски одному. Что-то внутри кричало, что он совершает ошибку, цена которой может оказаться слишком велика. Лай небрежно отмахнулся от страхов и неуверенности, привычно заткнул голос разума. Без риска не бывает победы. Чем быстрее он закончит, тем раньше сможет взять пару выходных. Прошое дело его совершенно вымотало, и отдых ему был просто необходим.

Лёгкая морось опять превратилась в ливень. Ветер швырял в лицо капли как холодные влажные пощёчины. До автобусной остановки было совсем близко, всего-то шагов пятнадцать. Лай с облегчением спрятался под козырёк из толстого пластика, хоть немного прикрывавший его от дождя. Автобус подъехал минут через десять, сухой, светлый и почти пустой. Лай отсчитал три остановки и вышел на четвёртой. Ограда парка, ярко освещённая,

тянулась вдоль тротуара, вход находился чуть в стороне.

Лай толкнул тихо скрипнувшие ворота, на ночь их закрывали, хотя и не на замок, днём же они стояли нараспашку. Откуда-то из-за ближайших кустов раздавались голоса и черезчур громкий смех. Несмотря на дождь, людей в парке было много. Многие прятались в крытых павильонах и беседках, некоторые упрямо и невозмутимо гуляли по ярко освещённым дорожкам. Небольшие группки молодёжи, влюблённые парочки, припозднившиеся мамочки и хозяева с собаками, одиночки, решившие провести вечер на свежем воздухе. С одной стороны, всё на виду, с другой — укромных местечек чтобы уединиться предостаточно. Людей много, но если вовремя заткнуть рот, крика никто не услышит. Лай тяжело вздохнул и зашагал по мокрой дорожке, пиная носком ботинка гниющие листья. Ну и где его искать? Всё-таки, ехать сюда одному было слишком самонадеянно, Эйчер был прав. Но Мик просто оцепил бы место и, естественно, никого не нашёл. В обычной жизни маньяка трудно отличить от обычного вполне благонадёжного гражданина. Лай свернул на менее освещённую дорожку с парой разбитых фонарей и небольшой полянкой для пикников в конце. А куда бы отправился он, если бы был маньяком?

На полянке, кажется, кто-то был. Лай услышал шорох в кустах и повернулся. Сбежавший пёс или очередная парочка? Додумать он не успел. Затылок взорвался болью, земля качнулась под ногами, и Лай почувствовал, как падает вперёд, проваливается в беззвездную черноту. В этой черноте не было звуков, только липкая боль и холод.

Мик раздражённо фыркнул, качнулся на каблуках и резко развернулся к сидящему за столом инспектору Мортимеру. Вчера вечером он не стал заезжать в участок, сразу отправился домой. Изучение места убийства слишком затянулось, он и так ждал до последнего специалиста. Крис уехал немного раньше с телом в морг. Наверное, всю ночь там проводил вскрытие. Порой он так увлекался своей работой, что совершенно забывал про время.

— Ещё раз спрашиваю, что произошло вчера вечером. — Мик скрестил руки на груди и наклонился к Мортимеру. Лай не пришёл на работу сегодня утром, на домашний телефон никто не ответил, мобильный в лучшем случае выключен. Инспектор Нэван просто пропал.

— Я уже всё сказал. Он вёл себя, как помешанный, знаешь ли! — Мортимер возмущённо фыркнул и откинулся на спинку стула — подальше от Дэвиса. — Хотя он всегда был со странностями. Ты рано поднимаешь панику, ещё трёх дней не прошло. Всего-то одна ночь. Может, девушку нашёл себе на ночь, телефон отключил, чтобы ты его не дёргал. Он ведь ужасно не дисциплинированный, знаешь ли! Вечно думает только о себе.

— Лай не стал бы так поступать в разгар расследования! — Мик прекрасно понимал, что Мортимер прав. Нет никаких оснований для беспокойства, кроме его паранойи. Да и Лай действительно странный, но он всё равно не стал бы исчезать без всяких причин.

— Он же не ведёт сейчас ничего крупного. — Инспектор Женье подошла к Мику и опёрлась бедром о стол Мортимера. Тот только раздражённо зашипел, но ничего не сказал. Он уважал и побаивался её, поэтому противиться не решился. Люси Женье обычно занималась несовершеннолетними и жертвами насилия. Она была жёстким человеком, и способна была ударить кого угодно, лишь бы вывести из состояния шока. Впрочем, рукопашный бой она знала лучше кого бы то ни было в их участке и применять не стеснялась.

— Я попросил его помочь мне с одним расследованием. — Неохотно признал Мик. Ему совершенно не хотелось показывать свою несостоятельность, как инспектора. Но сейчас Лай был важнее. — Анна уволилась месяц назад, другого криминального психолога или специалиста по профилированию у нас пока нет. Инспектор Нэван разбирается в этом как никто, а у меня явный серийный маньяк.

— Сам не можешь справиться с твоим-то опытом? Или тебе нужен был повод, чтобы работать вместе с Нэваном? Ты на нём заиклился с самого его появления здесь. — Люси усмехнулась и слегка толкнула бедром стол, сдвинув его на пару сантиметров. Она прекрасно знала, как Мортимера бесит любой беспорядок. — Сделай ему наконец предложение. У тебя ведь нет подружки? В таком-то возрасте.

— Отстань от меня, Женье! Сама заведи себе подружку, если тебе так надо! — Мик чувствовал, что закипает. Люси умела и любила бить в больные места, высмеивать публично. Никто не мог избежать её издёвок, если ей вдруг хотелось показать свою силу. Лай её чаще всего просто игнорировал.

Мик развернулся на каблуках и зашагал к двери. И ничего он не заиклился! Просто Нэван его заинтересовал, с первых минут знакомства захватил его внимание. Он был как пазл, загадка, которую Мик до сих пор не смог до конца разгадать. Сначала его это бесило, потом он смирился. К тому же, ему нравилось работать с ним в паре, хотя он никогда и никому в этом не признавался. Даже самому себе — с большим трудом и оговорками.

Остановился он только у дверей морга, чтобы хоть немного перевести дыхание. Если кто и может что-то знать, так это Крис. Неразговорчивый и обычно замкнутый Лай каким-то образом всё же сдружился с жизнерадостным судмедэкспертом. Мик постучал и, не дождавись ответа, вошёл. Крис стоял рядом с препараторским столом с только что отпиленным ребром в руке.

— Инспектор Дэвис, я сейчас занят. Хочу закончить вскрытие и пойти домой. Что-то срочное? — Крис положил ребро в ванночку и потянулся за пилой.

— Крис, я никак не могу дозвониться до Лая. На работу он тоже не пришёл. — Мик старался не выдать своего волнения, но голос сбивался. Он изо всех сил пытался убедить себя, что это из-за быстрой ходьбы.

— Ещё утро только. А на домашний ты звонил? — Крис отложил пилу и стянул перчатки, поставил на паузу запись диктофона.

— Никто не берёт трубку. — Мик беспомощно развёл руками. — Может, ты знаешь, где он мог остаться на ночь? У него есть девушка?

— Нет у него девушки, и ночует он всегда дома. — Крис прикусил губу и достал из заднего кармана джинс мобильный телефон. — Всегда.

— Я уже звонил ему, — начал было Мик.

— Нет, это другой номер. Лай — тот ещё параноик, поэтому и завёл себе второй телефон. Какая-то старая и неубиваемая модель, которую он носит едва ли не в водонепроницаемом чехле. — Крис выбрал номер из списка и приложил телефон к уху, с нарастающей тревогой вслушиваясь в гудки. Если Лай не ответит — дело действительно плохо. — Там записано только два-три номера, но этот телефон у него всегда с собой, и он всегда отвечает, если физически может. Что-то вроде экстренной связи.

Мик кивнул — это действительно походило на паранойю. Второй телефон для самых близких... нет, самых доверенных людей. Что-то на самый крайний случай. Крис продолжал слушать гудки и молчать, покусывая губы.

— Не отвечает, это плохо. Понятия не имею, где он. Есть, конечно, кое-кто, кто может что-то знать... — Крис нехотя опустил руку с телефоном. На дисплее значилось "абонент не отвечает". — Это не мой секрет, я не могу его выдать!

— Если хочешь, буду угрожать тебе пистолетом, — невесело усмехнулся Мик, — если это как-то поможет разыскать Лая, я готов рискнуть.

— Ладно, поехали к нему домой. Только прошу, Мик, не делай поспешных выводов. И ещё — я действительно не хочу этого делать. — Крис закрыл глаза рукой, лицо его искажилось мукой борьбы. Страх за друга и нежелание его предавать — что выбрать, чтобы потом простить себя? Крис не знал ответа. — Поклянись мне, поклянись на полном серьёзе, что ты сохранишь его тайну.

— Торжественно клянусь. Крис, я понимаю, что бы там ни прятал Лай, я никому не расскажу. — Мик тяжело выдохнул. Кажется, его собирались втянуть во что-то противозаконное. — Надеюсь, он не хранит дома трупы младенцев в холодильнике.

Крис грустно улыбнулся и расстегнул халат. Надо было убрать тело и сделать отметку о перерыве в процессе вскрытия и осмотра трупа.

Мик остановил служебную машину у многоэтажного дома, обычного и серого, как и все остальные многоэтажки вокруг. Он никогда раньше не задумывался, где и как живёт Лай. Это выходило за рамки рабочих отношений, а настолько близкими друзьями они всё-таки не были. Даже не знал, что машину брать не имело смысла — пешком было бы быстрее, но Крис почему-то решил его не предупреждать. Дождь с ночи так и не закончился и теперь заливал стёкла машины. Мик фыркнул и мотнул головой, получив первую дозу холодной воды за шиворот. Крис невозмутимо накинул капюшон своей куртки и только потом вышел. Он пошёл вперёд, слегка сторбившись и засунув руки в карманы. Предательство во спасение — такое вообще прощают? Крис бывал здесь не так уж часто, но дорогу помнил хорошо ещё с первого раза. Тот день врезался в его память слишком ярко, день, когда ему доверился человек, которому он был должен больше, чем жизнь.

— Лай, надеюсь, когда-нибудь ты простишь меня. — Одними губами прошептал Крис, глядя в сочащееся дождём небо и чуть ниже — на одинаковые слепые окна многоэтажного дома. На одно единственное окно с небольшим голым бетонным балконом, прилепленным к стене по какой-то прихоти архитектора. Это лишь маленькая отсрочка, позорное бегство от собственного страха. Он вошёл в холл, прошёл мимо консьержки, увлечённо красившей ногти в ярко-розовый цвет, и направился к лифту, нажал тугую кнопку и стал ждать. Мик остановился где-то у него за спиной, почему-то сейчас Крису совершенно не хотелось видеть его лицо. Если бы он не доверял, не был бы уверен, что инспектор Дэвис не предаст, он никогда не привёл бы его сюда. И всё же, всё же....

Лифт протяжно заскрипел створками и, вздрогнув, начал подниматься вверх. Крис стоял, прислонившись спиной к стенке лифта, и смотрел куда-то вбок, не фокусируя ни на чём взгляд. Для всего этого не было никакой причины, но Лай должен был ответить на звонок.

— Крис. Спасибо. — Мик тяжело сглотнул и упрямо вскинул голову. Сейчас он не хотел и не мог отступать. Слишком поздно. Нервное напряжение отзывалось покалыванием в пальцах. Причин вот так лезть в секреты коллеги и друга вроде бы не было. Но он никак не мог унять растущего беспокойства, чувства, что надо спешить, иначе можно не успеть. — За доверие.

— Ты не так меня понял. Я просто боюсь опоздать. — Крис выдохнул медленно и прерывисто, оттолкнулся спиной от стены. — Он, Лай, однажды успел. Ничего не могу с собой поделать, прости.

— Я не понимаю. — Мик так и не успел договорить — лифт остановился и, помедлив несколько секунд, с таким же натужным скрипом раздвинул створками. До нужной двери было совсем недалеко — прямо по коридору и налево. Крис остановился, поднял руку и замер в нерешительности. Потом коротко и резко постучал, он очень надеялся, что Эйчер поймёт — это не Лай. Лай всегда сам открывал входную дверь. Тишина. Крис закусил губу и постучал ещё раз — дольше и настойчивей. Наконец он услышал шаги по ту сторону двери, сухо щёлкнул замок. Крис на секунду закрыл глаза и глубоко вдохнул.

— Лай? Какого... ты здесь делаешь, почему не отвечаешь на звонки?! — Мик шагнул в квартиру. Он никак не мог понять, что происходит. Лай стоял посреди прихожей, смотрел куда-то в бок и молчал. Его лицо ровным счётом ничего не выражало, а их с Крисом он словно не замечал. — Ты заболел или обкурился?

— Мик, это не Лай. — Крис закрыл за собой дверь, это точно был разговор не для посторонних. — Это Эйчер, его брат-близнец.

— Брат? Я не знал, что у Лая есть брат. — Мик растерянно посмотрел на Криса. Он знал Лая не первый год, конечно, он никогда не лез в его личную жизнь, но он даже представить себе не мог, что у того есть брат, да ещё и близнец.

— Никто не знает. Почти никто. Эйчер не совсем здоров, он почти не выходит из дома. — Крис подошёл и обнял Эйчера плечи. Он понимал, что жестоко было приводить сюда незнакомого человека, да ещё когда его брата нет дома. Понимал, что требовать чего-то от него бессмысленно, но всё равно не мог подавить бьющуюся внутри панику. — Эйч, скажи. Ты не знаешь, где Лай?

— Ты не знаешь, где Лай? Лай? Лай ушёл вчера вечером. — Эйчер недовольно стряхнул с себя руки Криса, всё его тело словно окаменело. Такое он мог позволить только Лая, да и то не всегда. Почему все считают, что объятия должны успокаивать? Это же так неприятно. — У меня есть отличная зацепка. Так он сказал.

— Значит, он что-то понял. Тогда почему не удосужился позвонить мне? — Мик сжал кулаки в бессильной злобе. Он злился на себя за то, что по-прежнему не знает, где искать Лая, но теперь уверен, что он во что-то влип. И злился на Лая, за его ненужную самостоятельность.

— Он сказал, что вернётся. — Эйчер неопределённо махнул рукой куда-то в сторону. Потом ещё раз. И растянул губы в неестественной, жутковатой улыбке.

— Эйчер, прости, но... — Крис замолчал, не зная, что сказать. Он может не вернуться? Он и сам не хотел в это верить. Люди не всегда держат слово? Эйчер знает не так много людей, нельзя лишать его веры в брата. Что сказать?

Мик нахмурился, он пытался понять, что не так с этим Эйчером. Парень вёл себя странно, так не похоже на инспектора Нэвана. И всё-таки, такое же лицо, рост — они были похожи как две капли воды.

— Ты не перед ним извиняться должен, Крис. И какого дьявола здесь делает инспектор Дэвис, позволь узнать! — Лай стоял, прислонившись боком к косяку двери. Он смог открыть её совершенно беззвучно, благо Крис так и не закрыл её на замок. С мятого плаща стекали мутные потоки воды, и на правом виске запеклась кровавая корочка. — Я спрашиваю, какого вы оба здесь делаете?

Лай медленно перевернулся на бок и застонал. Тело затекло и болело при каждом движении, затылок буквально раскалывался на части. Последнее, что он помнил — какое-то шевеление в кустах, он повернулся к ним, а дальше ничего, только темнота. Лай попытался встать на четвереньки. Получилось с третьего раза и с большим трудом. Под ним в луже воды обнаружился плавающий мобильный телефон. Он кое-как сел на землю и осмотрел себя. Деньги и пистолет на месте, на голове рана, не глубокая, но неприятная. Вся одежда промокла насквозь. Лай вышел на дорожку, шатаясь и цепляясь за ветки куста, телефон он машинально положил в карман, хотя толку от него всё равно уже не было. Уже утро? Сколько же он провалялся там? Всю ночь, под дождём в какой-то луже. Нет, быть не может, он тогда точно замёрз бы насмерть! Какая-то ранняя или скорее совсем поздняя парочка шарахнулась от него в сторону. Видимо, приняли за пьяницу или бездомного. Лай с мученическим стоном опустился на скамейку. Надо было вспомнить хоть что-нибудь, разобраться в произошедшем. В голове ещё путались остатки полуснов-полувидений, что заполняли его голову, пока он был без сознания. Или он всё-таки спал? Лай зажмурился, перед глазами встали картинки-воспоминания, жестокие убийства и жертвы насилия. Ярче всего выделялся расчленённый труп девушки-подростка, его первое подобное дело. Тогда последовательность отделения частей и направление отрезков показались ему значимыми. В том, как именно была убита та девушка, он увидел страсть и влечение убийцы, красоту процесса. Тогда из-за этой его идеи его куратор вышел на тайного поклонника девушки, который уже долгое время присылал ей странные письма или просто пустые конверты. Он не отрицал, даже гордился. Говорил о своей страсти и о её красоте. Почти теми же словами, что пришли в голову Лаю. Тогда его это испугало, потом он просто начал использовать свои способности в работе. Его разум слишком легко соскальзывал в спутанные дебри безумия маньяков и находил там ответы.

Лай отмахнулся от кошмаров и уцепился за реальные и недавние воспоминания. Надо сообщить инспектору Дэвису, но до этого — вернуться домой, к Эйчеру. Он не должен был оставлять его одного, пообещав вернуться! Эйч верит ему, ему одному в целом мире! Только так и должно быть. Лай тихо зарычал, сжав зубы. Он так и не смог понять, кто его вырубил. В памяти не осталось ни малейшего намёка: ни звука шагов, ни шелеста одежды, ни промелька на самом краю поля зрения. Словно призрак.

Лай встал со скамейки и едва не рухнул обратно. Голова закружилась, его едва не стошнило. Сотрясение? Если и есть, то несильное. Хотя он же так долго пролежал без сознания! Значит, не такое уж небольшое. Или ему ещё что-то вкололи вроде снотворного, чтобы не очнулся не вовремя. Всё может быть. Голова болела так, словно в неё вогнали пару огромных ржавых гвоздей. Тяжелее всего оказалось заставить себя подняться со скамейки и сделать первый шаг. Он всё-таки сделал над собой усилие и сумел добраться до автобусной остановки. Плащ промок насквозь, Лая била крупная дрожь, он едва мог стоять на ногах. Какая-то пожилая женщина неодобрительно посмотрела на него, когда он вошёл в автобус. Наплевать. Пусть думает, что хочет, ему сейчас уже было совершенно всё равно.

Выйти пришлось на остановку раньше. Лай едва успел выскочить из автобуса и отбежать к краю тротуара, его вывернуло дождевой водой.

— Вот ведь развелось наркоманов! — Полный мужчина средних лет оттащил за поводок захлёбывающегося лаем добермана. — Иди, проспись.

Он презрительно сплюнул на тротуар рядом с Лаем. Собака продолжала скалить зубы и

рваться с поводка. Что ж, собаки его с детства не любили. В голове слегка прояснилось, перестало дёргать живот, зато разболелось горло. Лай судорожно вздохнул и оторвал руку от заборчика, за который до этого цеплялся. Ещё одна остановка, совсем рядом, надо сделать всего несколько десятков шагов.

Лай едва не застонал от счастья, увидев свою многоэтажку. В вестибюле было пусто, на его счастье, ещё не хватало пересудов соседей на ближайшие пару месяцев. Ему было безразлично их мнение, но перешёптывания и косые взгляды его раздражали. Хуже, если они полезут с разговорами — это ведь такой богатый материал для сплетен. Консьержки тоже не было — та, что работала в ночную смену, часто отлучалась по своим делам. Лай едва не сполз по стенке лифта — он едва мог стоять, а голова кружилась. Лишь нежелание сидеть в натёкшей с его плаща луже и сила воли удерживали его на ногах. Неладное он почувствовал ещё в коридоре. Никаких особых примет, скорее предчувствие, ощущение чего-то отличного от обычного. Подозрение переросло в уверенность, когда он положил ладонь на ручку двери и надавил. Дверь была не заперта, он осторожно открыл её и вошёл, так же тихо закрыв её за собой. Первым, кого он увидел, был Эйчер, он стоял, отстранённо глядя куда-то в сторону. Руки скрещены на груди, пальцы мнут ткань рубашки — это признак сильнейшего волнения на грани паники. Когда Лай вошёл, он едва заметно повернул голову в его сторону — всего на пару миллиметров, но ему этого хватило, чтобы понять — он заметил. В стороне стоял Крис, бледный и несчастный, бесконечно виноватый перед всем миром. Рядом широко расставив ноги — Мик, растерянный, но готовый идти до конца, если потребуется. Ему здесь было не место, совершенно не место! С другой стороны, он не предаст, наоборот — будет чувствовать себя виноватым и должным. Он промолчит. Лай коротко выдохнул и заговорил, обозначая своё присутствие.

— Ты не перед ним извиняться должен, Крис. И какого дьявола здесь делает инспектор Дэвис, позволь узнать! — Он думал, что будет в бешенстве, но почему-то ему было всё равно. Как будто свершилось то, чего он так долго ждал. Даже спокойней как-то. Крис — добрый парень, но он вряд ли способен быть жёстким. Только один раз он решился на по-настоящему значимый поступок, и этот поступок был его величайшей глупостью. — Я спрашиваю, какого вы оба здесь делаете?

— Лай, жив, мерзавец. — Выдохнул Мик. Кажется, он всерьёз за него испугался. Вроде не так много времени прошло, откуда такая реакция?

— Лай, у тебя кровь. — Побледневшими губами почти прошептал Крис. Мик заметил только после его слов. Отличная наблюдательность для детектива!

Лай отмахнулся от его хмурого взгляда и прошёл в гостиную, по дороге скинув пропитанный водой плащ на пол. Сил вешать и, тем более, чистить его у него не было. Душ. Это единственное, чего он сейчас желал.

— Я сейчас в ванну. Выйду — поговорим. Крис, я принесу аптечку. Мик, просто сядь и ничего не трогай. — Лай повернулся и посмотрел на Эйчера. Тот, как и обычно, не дал ему поймать свой взгляд, просто смотрел в сторону с отсутствующим видом. Лай чувствовал его напряжение, особое, появляющееся каждый раз в непривычный, новой ситуации. Обычно Эйчер справлялся, находил для себя какие-то зацепки, сопоставлял новую реальность с существующей в его голове, выстраивал алгоритм поведения, основываясь на известных ему моделях. Почему-то он не сомневался, что брат сможет принять Мика. — Эйч, приготовь нам кофе.

Ему было нужно время, чтобы прийти в себя после безумной ночи и не менее безумной

дороги до дома. Мог бы позвонить Крису по второму телефону и попросить забрать. Мог бы добраться до ближайшего автомата или кафе и позвонить оттуда. Мог бы, но почему-то не подумал. Ему даже в голову не пришло попросить о помощи, когда она действительно была ему нужна. Лай сбросил мокрую одежду на стиральную машинку и залез в душ. Машинку он купил по просьбе Эйча — ему тяжело было ходить в прачечную, а вот ванну кроме душа поставил он уже для себя. Выглядело это странно, но ему было наплевать. Иногда хотелось расслабиться, а иногда — просто смыть с себя грязь. Эйчу всё равно, а чьё ещё мнение должно его волновать?

Лай включил воду, вытерпел, пока она нагрелась и, наконец, блаженно выдохнул. Постепенно усталость и холод вытекали из его костей и внутренностей. А ему уже начало казаться, что он полностью пропитался этим дождём.

Эйчер высыпал зёрна в ручную кофемолку и повернул ручку. Монотонность простых действий успокаивала, давала ощущение защищённости. Каждый раз, завершая круг, он словно строил барьер, завершал мир так, как ему этого хотелось. Этот новый человек был слишком шумным, от него резко и сильно пахло, но не слишком противно. Он пока ещё был непонятным и оттого неприятным. Эйчеру требовалось немного больше времени, чтобы разобраться — подойдёт ли ему этот человек, или общаться с ним будет невозможно. Но этот человек ждал. Ждал адекватной, по его мнению, реакции, нормального, по его мнению, поведения. Как и все прочие, те немногие, с кем Эйчеру доводилось встречаться после окончания школы. Он не так часто выходил из дома, у него было слишком мало практики в последнее время. Лай не хотел этого, он хотел оставить его только себе. Каждый вечер Эйчер должен был быть дома, когда он возвращался с работы — когда бы ни вернулся. И тогда ему надо было приготовить кофе. Лай мог сделать это и сам, но тот кофе, что он варил, был на вкус каким-то коричневато-синим. Эйчеру не нравился этот вкус, и потому он готовил его сам. Высыпал зёрна и перемалывал. От Лая всегда пахло сигаретами — приятный запах, безопасный и бархатистый. Эйчер провернул ручку, потом ещё раз — с той же скоростью. За ужином Лай часто рассказывал о работе, делился мыслями, порой спрашивал совета. Эйчер закрыл глаза и прислушался. Тихий шелест перемалываемых кусочков кофейных зёрен. Этот звук вытесняет из головы усталость ночи без сна — нарушать привычный распорядок так сложно. Он заполняет голову, опустошает. Он успокаивает. Этот новый человек наоборот заставляет нервничать, он вызывает желание уйти, желание сжаться в комок и закричать, желание ударить. Эйчер чуть сильнее сжал подрагивающие пальцы, он ничего не мог с собой поделать. Мечется. Этот человек мечется по комнате. Как та жуткая птица, что залетела в окно. Он тогда сильно испугался, долго не мог успокоиться, даже Лаю не удалось его уговорить. Сколько им тогда было? Лет восемь? Тогда они ещё жили в том доме. Там не было безопасных мест. Что надо этому человеку? Зачем он пришёл сюда? Лай никогда никого сюда не приводил, кроме Криси. Крис добрый, но от него неприятно пахнет. И он всё время выбирает колючую одежду, неприятно, когда он трогает. Эйчер нехотя остановил вращение, ещё секунду сжимал в ладони приятную, тёплую, привычную рукоятку. Пришлось засыпать зёрна дважды, ведь и в кружки кофе придётся разливать дважды. Два раза по две кружки. Лай вернулся, он же обещал, значит, и дело закончит в срок. Он нашёл то, что искал, если смог увидеть, разумеется. Он не понял и не сможет понять до конца. Он сам не сможет, а Эйчер не собирался давать ему ответ. Только, разве что, подсказку. Ради его же блага. Ради его блага он вообще не найдёт этот

ответ никогда. Но он определённо нашёл то, что искал. Эйчер достал вторую пару кружек. Они всего лишь ловят призрака, который появляется в такой вот дождь. Это им не нужно, но они такие шумные — говорят, обсуждают, по несколько раз одно и то же. Особенно новый. Он останется, будет приходить снова, или Лай запретит ему? Есть ли смысл запоминать его имя? Эйчер поставил ещё две кружки на поднос. Ему было неприятно присутствие посторонних, при них приходилось сдерживаться и контролировать себя. Лай просил его притворяться, чтобы у них не было проблем. Всегда просил притворяться, с самого детства. Пусть они думают, что он ближе к ним, чем есть. Им так проще. Эйчер мог их понять. Ему тоже было тревожно, когда рядом было что-то непривычное. Поэтому он готов был постараться.

Лай вышел из душа согревшимся и переродившимся. В голове ещё шумело, но до него уже доносился запах свежемолотого кофе. Когда он вошёл в гостиную, Эйчер как раз расставлял на столике кружки — две с голубыми мелкими цветами и две белые, стильные, купленные на какой-то распродаже.

— Наконец-то! Ты хоть знаешь, как мы перепугались! — Мик вскочил с кресла и яростно раздул ноздри. Лай заметил, как непроизвольно вздрогнул Эйчер. Непривычный резкий жест, на который непонятно, как реагировать.

— С чего это? Меня не было всего одну ночь. Не вижу ни одной причины для беспокойства. — Лай протянул Крису аптечку и уселся на стул, повернув к нему голову так, чтобы было удобней обрабатывать рану.

— Мортимер поднял крик, едва я пришёл на работу. Тут же кинулся жаловаться на тебя. — Мик брезгливо скривился, он на дух не переносил всегда чистого и аккуратного Мортимера — любимчика начальства. — Ты зачем-то отобрал у него линейку и принялся размахивать ею перед картой. Утром на работу не явился, на звонки не отвечал. И вообще, Лай, тебе к врачу надо.

— Крис справится. — Лай отмахнулся. Мик говорил на повышенном тоне, а у него и так болела голова. — И не ори так. Честное слово, Мик, успокойся и сядь. Я нашёл общую черту.

— Ты нашёл что? — Мик опустил в кресло и некоторое время сидел молча. — Ты нашёл связь?

— Да, нашёл. Всё дело в расстоянии. Мортимер не понял, я проверял расстояния между точками на карте. Между местами, где нашли трупы. — Лай поморщился, когда Крис начал обрабатывать края раны антисептиком. Мортимер просто не способен держать что-то в голове, ему обязательно надо отмечать и записывать. — Мик, расстояние везде равное. И да, я полный кретин.

— Ты вычисли следующее место и пошёл туда в одиночку. — Мик не спрашивал, и так было ясно, какую ужасную глупость совершил Лай. Значит, беспокойство было не напрасным, он действительно мог погибнуть этой ночью. — Ты полный идиот, Лай. Но чертовски везучий идиот, знаешь ли. Ты его хотя бы заметил?

— Нет, только шорох в кустах успел услышать. Очнулся уже утром в какой-то луже, воды даже налечь успел. — Лай чихнул и потянулся к кружке с кофе. Тогда решение казалось ему верным — слишком мало времени, слишком высокий шанс и не такой уж сильный риск. Теперь он понимал, что времени точно было достаточно, шанс был маленьким, а вот риск — огромным. — Сам знаю, что сглупил.

— Я закончил. Но потом всё равно в больницу сходи. — Крис закрыл аптечку и

поставил на стол. Лай благодарно кивнул и тут же пожалел об этом — кожу на виске рвануло болью. — Я всё-таки чаще с трупами общаюсь, чем с живыми людьми.

— Ладно, обещаю. — Лай тяжело выдохнул. Он с детства не любил больницы и особый, больничный запах. Да и всё это ощущение грязи и сломанности — тоже.

Эйчер встал и вышел из комнаты — чтобы можно было продолжить этот разговор, была необходима карта города. У Лая была такая в его спальне. Ему не было интересно всё то, о чём они говорили — и так всё ясно. Причины и последствия действий очевидны, но они почему-то не торопятся переходить к сути. Зачем им так много слов? Эйчер потёр виски. Этот новый человек слишком шумный, как только Лай его выносит? Хотя он интересен Лая, иначе Лай вёл бы себя с ним иначе.

— Значит, мы можем узнать, где будет следующее убийство. — Задумчиво протянул Мик. Вернее, Лай уже это узнал, но убийцу, скорее всего, спугнул. — Кстати, ты уверен, что на тебя напал именно он?

— У меня ничего не пропало, так что ограблением это не было. Да и грабители в парках действуют по-другому, предпочитают вымогать. К тому же, меня зачем-то перенесли в другой конец парка и положили под кустами. Не представляю, кому ещё это могло понадобиться. — Лай отхлебнул кофе и задумчиво посмотрел на расходящуюся кругами тёмную жидкость. И правда, кому? Даже убийце незачем было делать это. Никаких логичных причин, скорее наоборот — так он мог привлечь ненужное внимание. Не тот случай, их маньяк старался держаться в тени.

— Непонятно, зачем всё так усложнять? — Мик покачал головой. Отсутствие логики в действиях преступника означало лишь то, что они эту логику не заметили.

Он так и не нашёл ответа к тому моменту, как вернулся Эйчер, и расстелил карту на столике, придавив кружками с кофе.

— Вот, смотрите. — Лай взял протянутый Эйчером маркер и отметил места убийств. Никакой системы в направлениях не было — убийца, скорее всего, выбирал наиболее подходящее место на определённом расстоянии от предыдущего. — Он ищет парк, сквер или аллею, любое место, где тело могут найти не сразу, но найдут обязательно.

— Нулевая точка. — Эйчер протянул руку и указал на какое-то здание на карте — серый прямоугольник в жилом массиве. Мик посмотрел на него недоумённо, а Крис — встревожено. — Это нулевая точка. Точка начала отсчёта.

— Хочешь сказать, что первое убийство тоже было совершено не в случайном месте. То же расстояние, что и между местами нахождения трупов. Какое-то значимое для убийцы место. — Лай задумчиво покусывал губы, мысленно очерчивая круг нужного диаметра на карте. Эйч прав, это вполне вероятно. Таким местом может быть дом преступника, скорее всего, тот, в котором он жил с той женщиной, или её дом, или место её смерти. Вариантов много, точный ответ зависит от того, кем она была, вернее, кем воспринималась убийцей. — Здесь нет парков, да и вряд ли это парк. А вот жилых домов целая куча, линия проходит через край заводского квартала.

— Край городского квартала. Квартала. — Эйчер всегда повторял слова, когда сильно волновался. Лай хмуро посмотрел на Мика, ожидая насмешек, но тот молчал. — Это та точка. Нулевая. Он начал именно отсюда.

Лай присмотрелся к тому месту, куда указывал Эйчер. Быть не может! Какое-то нелепое совпадение. Хотя и вполне закономерное, если подумать как следует. До мерзости логично.

— Что там? — Подал голос Крис. Ему пришлось тянуться через весь стол, чтобы

получше рассмотреть место на карте.

— Сейчас уже ничего. — Холодно и отстранённо сказал Лай. Эту тему он поднимать не хотел, возвращаться туда — тоже. Эйчер был абсолютно уверен, да и кроме домов, пары заводов и муниципальной школы на окружности ничего интересного не было. Даже больниц и детских садов. Разве что школа ещё могла подойти, но то, на что указал Эйч, подходило намного больше. — Но раньше там располагалась школа-интернат для детей с отклонениями умственного и психического развития.

— Выходит, это место было очень важным для преступника. Отправной точкой всей его охоты. — Мик задумчиво потёр подбородок. Специализированная школа, возможно, была местом, где вырос будущий убийца, либо же начальной точкой его мании. — Нам необходимо осмотреть здание. Думаю, мне не потребуется много времени, чтобы получить разрешение. Если она заброшена, как ты говоришь, Лай.

— Значит, через три часа встретимся у входа. — Лай тяжело выдохнул и закрыл глаза. Он не собирался отдавать это место на разграбление Мику.

— Ты уверен? У тебя была тяжёлая ночь, тебе нужен отдых. — Крис обеспокоено посмотрел на друга. Он понимал его упрямство, но как врач просто обязан был возразить. И как друг — тоже.

— Чем быстрее закончу это дело, тем быстрее отдохну. — Лай взял в руки кружку с почти уже остывшим кофе. Угол карты, который она придавливала, тут же свернулся. — Я хотя бы спал. Эйчер, ты не спал всю ночь и ждал меня, верно? Я же говорил тебе ложиться спать!

— Спать. Я не смог уснуть. — Эйчер отодвинул кружки и свернул карту. Он не стал отвечать на вспышку Лая, тот был слишком измотан, чтобы контролировать себя. — Курил всю ночь. Просто не спалось.

— Ладно, через три часа буду ждать тебя там. — Мик встал с кресла и поправил ворот плаща. Крис последовал его примеру, виновато улыбнувшись всё ещё хмурящемуся Лаю. — Если почувствуешь себя хуже, отправляйся в больницу.

— Хорошо, — отмахнулся Лай. Несколько таблеток обезболивающего и пара часов нормального сна должны были привести его в порядок. Рану Крис обработал, так что об этом можно было не беспокоиться. Хотя он наложил несколько скобок под местным анальгетиком — у Лая в аптечке была даже иголка с нитью для шва — придётся потом идти в больницу и снимать. Или попросить Криса, хотя он точно будет ворчать и возмущаться, но это всё равно лучше.

Крис поглубже надвину капюшон куртки, когда они вышли на улицу. Его щёки всё ещё пылали от стыда за собственную глупость. Это был детский, эгоистичный поступок. Он испугался того, что не успеет, а допустить этого он просто не мог. Вообще. Никак. Никогда.

— Ты спешишь? — Мик догнал его и схватил за руку чуть выше локтя. Крис знал, что он хочет поговорить с ним и даже знал — о чём.

— Тебя буквально распирает от вопросов, инспектор Дэвис. — Он обречённо вздохнул и остановился. В конце концов, он должен был ответить, раз уж втянул его во всё это. — Только не здесь.

— Рядом с участком есть неплохое кафе. Заодно перекусим, а то я ещё не завтракал. — Мик облегчённо выдохнул. Он не знал, как уговорить Криса после всего, что произошло.

До кафе они дошли в полном молчании, каждый думал о своём, прокручивал в голове

возможный разговор.

Кафе оказалось действительно уютным, хоть и небольшим. Мик выбрал столик у окна рядом с высоченным фикусом. За чисто вымытым стеклом лил холодный дождь, и люди бежали, укрывшись зонтами и папками, газетами и пакетами. Кому-то не везло, и он или она бежали без всякой защиты. Один раз Мик даже заметил странно одетую девушку, которая шла, запрокинув голову, и улыбалась. Она уже никуда не спешила, словно хотела раствориться в этом дожде. Мечтательница, которая завтра свалится с простудой. Мик отвернулся от окна, в кафе было сухо и светло, как-то по-домашнему уютно. Резкий контраст добавлял обстановке особого тепла. Вот только говорить им предстояло о чём-то таком же сером и холодном, как льющий за окном дождь. Заказ им принесли довольно быстро — чёрный кофе без сахара и круассан для Криса, ромашковый чай и омлет с тостами для Мика.

— Ты всегда пьёшь несладкий? — Дэвис попытался начать разговор с нейтральной темы.

— Привык. Когда я был студентом, часто бывал у Лая дома, а он всегда пьёт без сахара. Молоко или сливки найти ещё можно, а вот сахар — нет. — Крис пожал плечами. Он не видел смысла отпираться, в конце концов, это он притащил Мика к Нэванам.

— Как ты с ними познакомился? Вы же давно дружите. Когда ты пришёл к нам, вы ведь уже были знакомы, верно? — Мик откусил кусочек тоста и приготовился слушать.

— Да, мы познакомились, когда я заканчивал старшую школу. Знаешь, я никому раньше не рассказывал этого. Не то, чтобы секрет, но... — Крис тяжело выдохнул, собираясь с силами. Признаться в таком действительно было непросто. Тем более тому, с кем потом будешь работать. Подобное меняет отношение, раз и навсегда. — Он вытащил меня из петли. Я пытался покончить с собой, а он не дал. Я потом часа два рыдал у него на плече. Лай тогда ещё учился в академии, был на практике в полицейском участке, когда поступил вызов. Не знаю, сам он решил ехать или его взяли. Я ему больше, чем жизнь должен, Мик.

— Понимаю. — Мик смотрел в тарелку невидящим взглядом. Он не мог даже представить, что жизнерадостный и весёлый Крис был способен на такое. Просто не укладывалось в голове. Как и то, что инспектор Нэван может два часа кого-то успокаивать — он был замкнутым и обычно сторонился людей и уж точно не был расположен прощать им слабости.

— Не думаю, но это не важно. Просто хочу, чтобы ты знал. Я для него сделаю всё, что угодно. Вообще всё. Я в медицинский пошёл только для того, чтобы потом помогать ему. Всё равно не знал тогда, что выбрать. Полицейский из меня точно не получился бы, — Крис невесело усмехнулся, — слишком мягкотелый.

— Расскажи мне об Эйчере. — Мик воткнул вилку в омлет и отломил кусочек. У него были и свои идеи на его счёт, но он хотел знать наверняка.

— Эйчер — брат-близнец Лая. Внешне они похожи, а вот характеры разные, Эйчер гораздо более спокойный и сдержанный. Чаще всего. — Крис замолчал и уставился в кружку с кофе. Он понимал, что должен объяснить всё, но не мог заставить себя начать. Объяснять такое всегда не просто.

— Он... умственно неполноценный? — Мику пришлось сказать вслух то, что он хотел услышать от Криса. А что ещё он должен был предположить?

— Не совсем. Он — аутист. Эйчер умный, на самом деле умный. — Крис поднял глаза и посмотрел на Мика растерянно и почти умоляюще. — Но ему тяжело контактировать с людьми, тяжело выражать свои эмоции и понимать чужие. Он почти не выходит из дома.

Мне кажется, Лай не выпускает его.

— Хочешь сказать, он плохо обращается с братом? — Поражённо спросил Мик. Он несколько раз уже успел пожалеть, что вообще согласился идти домой к Лаю. А потом несколько раз убедить себя, что это было необходимо. Обрушившейся на него информации оказалось слишком много, он не был готов к такой правде.

— Нет, наоборот. Бережёт и заботится о нём. И Эйчер очень привязан к брату. — Крис откусил кусок круассана и начал жевать. Совсем немного времени, но вполне достаточно, чтобы решиться. — А Лай им просто одержим.

— Как это? — Мик пытался выстроить из отдельных слов и фраз Криса общую картину, словно представлял себе место преступления. Крис говорит, парень умный, но разве аутист — это не что-то вроде идиота? Такой полностью погружённый в себя тип, для которого внешнего мира просто не существует? Эйчер Нэван, конечно, вёл себя странно, но он явно прекрасно понимал и осознавал, что происходит, и что он сам говорит и делает.

— Лай буквально помешан на своём брате, мне так кажется. Он старается защитить его от всего на свете. — Крис тяжело выдохнул. Он наблюдал за ними много лет и делал выводы. Любовь Лая к брату порой напоминала ему одержимость. — Наверное, ему приходилось оберегать его от многого в детстве. Он заботился о нём и понимал больше, чем кто бы то ни было. Может быть, он просто до сих пор делает то же самое. Знаешь, я даже рад, что рассказал тебе. Нести эту ответственность в одиночку слишком тяжело.

— Какую ещё ответственность? Я не понимаю тебя, Крис. — Мик нахмурился и начал методично разминать остатки омлета. Конечно, он обязан Лаю жизнью, но это не значит, что он его раб.

— Скажи, если бы с Лаем что-то случилось, если бы ты знал об Эйчере, ты бы позаботился о нём? Про него же почти никто не знает, никто не сообщил бы ему. Он бы так и ждал Лая дома, совершенно один. — Крис устало покачал головой. Он носил это в себе слишком долго, слишком остро хотел передать хотя бы часть этого кому-то другому, но вырывать слова из себя оказалось слишком тяжело. — Мне ведь пришлось бы заботиться о нём. Больше никому. Теперь ещё ты знаешь, если что, сможешь помочь.

— Перекладываешь ответственность? Ах, ты гадёныш, Крис! — Мик сгрёб остатки омлета в кучку и подцепил вилкой. Какое-то время он молча ел.

— Ты забыл ещё — трус, — Крис грустно улыбнулся, — перекладываю. И ещё прошу — сохрани это в тайне. Не хочу, чтобы у Лая были проблемы.

— Какие у него могут быть проблемы? Мы же не в школе, никто не будет над ним смеяться. — Мик пожал плечами. В детстве Нэванам, скорее всего, пришлось пережить много неприятных моментов, но сейчас они оба уже взрослые. — Кстати, они ведь и правда близнецы, причём однояйцовые. Так вообще бывает, чтобы странности были только у одного?

— Не знаю. Мне кажется, они оба близки к грани относительной нормальности, только каждый со своей стороны. А про нас смешки... не это главное. — Устало вздохнул Крис. — Они же близнецы. Лая могут отправить на дополнительную проверку, да и карьеру ему это может подпортить.

— Но он же с красным дипломом академию закончил и прошёл все проф-тесты! — Мик только теперь начал понимать, почему Крис с Лаем хранили существование Эйчера в такой тайне.

— Знаю. Но у него брат-близнец с отклонениями. Это может вызвать вопросы, сам понимаешь. Его могут заставить повторно проходить психологические тесты. Ему этого

точно не надо. — Крис привычно протёр ножик салфеткой и даже оглянулся в поисках ванночки со спиртовым раствором.

— Да и повышения ему не видать. К тому же, в нашем участке врагов у него больше, чем друзей. Если пойдут слухи, несладко ему придётся. — Мик обречённо вздохнул. Ему тоже придётся хранить страшную тайну Лая Нэвана. Хотя бы просто потому, что они друзья. Нет, скорее коллеги, которые часто работают в паре. Друзьям обычно больше доверяют. — Ладно, не дёргайся, я никому не скажу. Зато теперь у Лая передо мной должок.

Крис выдохнул с облегчением и полез в карман за бумажником. Они выяснили главное, теперь можно было вернуться к расследованию.

— Кстати, надо будет тебе потом тот парк обыскать. Может быть, что-нибудь найдётся. — Крис вытащил пару изрядно мятых купюр и положил на тарелку. — Это же была не типичная ситуация убийства, а спонтанное нападение. Убийца мог ошибиться, оставить свидетелей.

— Как только разберусь с той школой, сразу отправлюсь в парк. Улики, которые могут быстро исчезнуть, уже давно смыло дождём. Всё остальное дождётся. — Крис внимательно посмотрел на Мика, и тот всё-таки сдался. — Ладно, пошлю туда своих ребят, пусть всё прочешут без меня. В школу тоже возьму парочку — так мы точно быстрее всё обьщем.

— Что ты хочешь там найти? — Крис улыбнулся и подался вперёд. Он снова излучал жизнелюбие и любопытство. Как будто ушла дождевая туча, и снова выглянуло солнце.

— Знаки, записи, может, порванный портрет. Что угодно, что могло быть оставлено убийцей. Какие-нибудь свежие следы. Возможно, это его убежище. — Мик положил на свою тарелку деньги и встал. — Или не найдём ничего. Тоже весьма вероятно. В любом случае, если Эйчер Нэван прав, это место имеет огромное значение для нашего маньяка. Это его отправная точка, начало его истории. Лай как-то говорил, что у каждого маньяка есть своя истории. Может быть, там он сможет найти что-то, что поможет ему лучше понять преступника. Чтобы его понять, надо разобраться в том, как он думает.

— Жуть какая! — рассмеялся Крис, — лезть в голову психу-убийце. Хорошо, что я должен лезть только во внутренности его жертв. Там как-то спокойнее.

— Определённо, — усмехнулся Мик и открыл дверь кафе. На улице всё ещё лило, та странная девушка уже куда-то делась, и он очень надеялся, что под крышу.

У него ещё было около двух часов на то, чтобы разобраться с парком, получить документы и успокоить Мортимера. Должно хватить, если он больше не будет тратить время впустую.

Лай мазнул ладонью по стене, ища выключатель. Он проспал два часа, голова теперь почти не болела, но тело ныло, его несильно трясло. Тускловатая лампочка зажглась нехотя, Эйчер, сидевший за столом с сигаретой в руках, мотнул головой и закрыл глаза. Ему не нравился яркий свет.

— Не спишь ещё? — Лай подошёл к раковине и налил себе воды в стакан. Во рту всё ещё стоял мерзкий привкус дождевой воды, даже после кружки кофе. — Зачем шторы задёрнул?

— Не спится. — Равнодушно соврал Эйчер. Он не спал всю ночь и теперь едва не засыпал сидя. В пепельнице рядом с ним лежало несколько окурков. Он разложил их в ряд, один к одному. Если добавить к тем, что лежали в банке на балконе, получится ровно тридцать два.

— Какого дьявола, Эйч? — Лай тяжело опустился на стул рядом с братом. Какого дьявола что? Он впустил Мика с Крисом? Откуда ему было знать. Влез со своими комментариями? Лай сам просил его помогать. У Эйчера отлично работала логика, он был внимателен к деталям, умел сопоставлять и делать выводы. А ещё он всегда использовал логику там, где большинство полагалось на эмоции. Какого дьявола вообще происходит? Хотел бы он сам это знать.

— Не спится. — Повторил Эйчер, делая затяжку. Лай не знал, что ответить ему. Он был благодарен Эйчеру за то, что он волновался за него, если, конечно, это было так. Если он просто не придумал себе что-то своё.

Молчание затягивалось, повисло в воздухе вязкой горчащей карамелью. Лай не мог и не хотел его разрушать. Дым от сигареты вытягивался вверх, причудливо изгибаясь. Эйчер мог видеть в этом дыму всё, что угодно, потому он и начал курить. Потом уже присоединился и Лай.

— Не надо было ждать меня. Я же сказал, что вернусь. — В голосе невольно дрогнул стыд. Он ведь обещал не задерживаться.

— Как мне вести себя с ним? — Эйчер стряхнул столбик пепла в пепельницу и затянулся снова. Простой вопрос — какую из схем поведения с обычными людьми выбрать.

— Как с Крисом, думаю. Можешь вести себя также. Мы коллеги, часто работаем вместе. — Лай не смог сказать — друзья, хотя, наверное, они всё-таки ими были. Не в меньшей степени, чем с Крисом, если быть точнее.

— Он другой. Он не похож на Крису. — Эйчер покачал головой. Пока что, он не мог понять, какое выражение лица Мика означает какую эмоцию. Требовалось время, чтобы привыкнуть и начать реагировать ожидаемо.

— На первое время хватит и этого. Не переживай, Мик никому ничего не расскажет. — Лай на секунду прикрыл глаза. Короткий разговор утомил его, слишком непростым он оказался. Слишком тяжёлым. Двух часов сна всё-таки не хватило, но больше он себе позволить не мог. Снова повисла карамельная тишина, вязкая и сладковатая. Эйчер курил и не торопил его, с этим и без того хорошо справлялись настенные часы.

Лай молчал, глядя куда-то в стену равнодушным пустым взглядом. Он был полностью погружён в свои мысли, сейчас для него не существовало ни этой кухни, ни переполненной пепельницы, ни даже тусклого света и перестука дождя за окном.

— Анальгетик на разделочном столе. От простуды — там же. — Эйчер стряхнул пепел на верхушку аккуратного пепельного холмика в углу пепельницы. Карамельная тишина разбилась с тихим звоном.

— Спасибо. — Лай встал и подошёл к столу. Эйчер разложил таблетки в порядке возрастания их величины.

— Спасибо. Спасибо? — Эйчер замолчал на пару секунд, осмысливая сказанное. — Лишнее.

— Да, конечно. — Лай усмехнулся и сгрёб в ладонь таблетки. Анальгетик для головы, ещё кое-что, чтобы не заболеть — теперь можно отправляться на встречу к Мику и нескольким осколкам неприятного прошлого.

Когда Лай уходил с кухни, Эйчер сидел в той же позе и что-то монотонно напевал себе под нос. Почему-то в этот раз ему стало немного спокойней от его пения, хотя обычно оно вызывало только навязчивую безотчётную тревогу.

Когда Лай ушёл, Эйчер встал и затушил на половину докуренную сигарету. Он

отправился в душ, чтобы смыть с себя всё, что было ночью и утром. Слишком много людей, слишком много шума и слишком много информации. Всё это необходимо было систематизировать, но для этого он слишком устал. Когда тёплая вода бархатисто коснулась кожи, Эйчер с наслаждением закрыл глаза и расслабился. Ему не нравилась ванна — холодный металл, сквозь воду касающийся кожи, так что душ подходил ему гораздо больше. Лай просто не чувствует. Эйчер давно понял — Лай ощущает всё иначе. Он не стал пытаться понять как именно, просто запомнил те его реакции, которые счёл важными.

Глава 3 Смех в пустой комнате

Мик переступил с ноги на ногу и посмотрел на часы, Лай опаздывал, хоть и не сильно. Пока ещё не сильно. Двое его детективов маялись неподалёку. Он вытащил их с какого-то мелкого дела, парк оставил Чену. Тот был достаточно опытным, да и организовывать людей умел просто отлично. Он точно заставит их прочёсывать парк даже в такую погоду. Мик не слишком-то надеялся на успех, но не исключал, что они найдут очередное тело. В любом случае, этот труп может оказаться посвежее прошлых.

Мик раздражённо пнул пустую жестяную банку с яркой картинкой. Рядом в луже мокла пустая пачка из-под чипсов. Ещё года три назад здесь был тихий и спокойный, вполне престижный район. Потом построили новый квартал, перенесли туда часть супермаркетов и кинотеатр, выкупили и снесли несколько частных домов под новое крупное предприятие. Оно оказалось неприбыльным, даже не смогло окупить собственную постройку, и год назад его закрыли. Цены на квартиры в этом районе упали, как и его статусность. Теперь это обычный жилой квартал среднего уровня.

Мик невольно передёрнул плечами, ему было неуютно рядом с огороженным высоченным забором заброшенным зданием. Не отпускало ощущение чужого взгляда на коже, проникающего под одежду до самых костей. Там никого нет, он напоминал себе об этом каждые пять минут. В крайнем случае, там могут жить бездомные, но их ему бояться было совсем глупо.

— И долго тебя ждать, Лай? — В голосе против воли скользнуло облегчение. Мик махнул своим людям и шагнул навстречу инспектору Нэвану. — Мне дали разрешение по первому же запросу. Кажется, это здание никому не нужно.

— Абсолютно, — криво усмехнулся Лай, — хорошо, что не было проблем. Ты послал своих людей в парк?

— Да. А тебе давно пора было надавить на Хэрли и выпросить у него пару вакансий. Пора уже обзаводиться своими собственными подчинёнными, а не выпрашивать моих. — Мик вытащил из кармана связку ключей и разложил на ладони. Кажется, тот чиновник из управления госимущества говорил, что от ворот должна быть карточка. Вот, тут же к связке прицеплена. — Ты же не герой дешёвого боевика, который пафосно заявляет, что работает один.

— Не герой уж точно. Я подумаю. Знаешь, давно пора. Хэрли даёт мне всё больше работы, я уже не справляюсь один. Эксперты у нас у всех общие, но иметь несколько умеющих думать и работать подчинённых мне точно не помешают. — Лай пожал плечами. Ему действительно не интересно было работать с большинством людей. Мик — другое дело, хоть он и был тем ещё неудачником, вечно раздражающимся по пустякам, но хотя бы беззаветно влюблён в свою работу. Наверное, это в нём и привлекало Лая. Людей инспектор Дэвис подбирал себе таких же увлечённых. А вот Лай не был уверен, что сможет найти хоть кого-нибудь, кто станет его терпеть.

Ворота противно скрипнули, но открылись без проблем. Внутри за высоким забором располагался большой двор, когда-то засаженный газонам с разбитыми клумбами. Теперь же он был заброшен, кое-где высились кучи мусора — какие-то давно расплзшиеся и слипшиеся в ком папки и бумаги, обломки мебели. Справа у самой стены лежало несколько кроватей с отвратительно скрипучими пружинами, тёмные потёки дождя в свете уличных

фонарей были похожи на кровь. Само здание с частично выбитыми стёклами казалось пустым и мёртвым, похожим на скелет какого-то доисторического зверя.

— Жутковато здесь, инспектор. — Лейтенант Зария сжал спрятанный под форму крестик. Он был, наверное, самым суеверным из подчинённых Мика. — Как в склепе.

— Не говори глупостей, просто заброшенное здание, до которого у муниципалитета никак руки не дойдут. — Мик фыркнул и перекинул ключи из одной ладони в другую. Обычно он не одёргивал Зарию, но сейчас ему и самому было несколько жутковато. — Ладно. Пойдём парами. Ты бери Лойдса, я пойду с Нэваном. Если хоть что-то найдёте, сразу звоните.

— А что мы вообще ищем? — Лойдс, молодой любопытный парень, огненно рыжий и слишком улыбочивый для полицейского, разглядывал обломки парты, лежащие у самого входа. Кажется, он нашёл там пару интересных надписей и теперь вытягивал шею, чтобы лучше разглядеть.

— Любые следы недавнего чужого присутствия. Есть версия, что убийца бывает здесь или был не так давно. Если получится, фотографии и портреты учеников и учителей. Нам нужны те, у кого черты лица похожи на отрезанные части лиц жертв. Если не найдёте ничего, потом посмотрим по базе данных школы. — Лай пожал плечами. Поэтому он и не любил работать в группе. На объяснение очевидных вещей уходило слишком много времени. Для него это часто перевешивало возможность получения альтернативного мнения и более тщательного осмотра места преступления.

— Ладно, парни, разошлись. — Мик махнул рукой в сторону одного из входов в школу, расположенного рядом со спортивной площадкой.

— И почему мы туда? — недовольно протянул Лойдс. Ему не хотелось тащиться под дождём по мокрой земле, усыпанной битым стеклом и кирпичом и заваленной обломками мебели.

— И чем тебе тот вход не угодил? — нахмурился Мик.

— У беговой дорожки форма странная, слишком вытянутая. Поворот неудобно делать. — Лойдс усмехнулся и зашагал к входу. Зария посмотрел ему вслед несколько неуверенно и с опаской. Мику даже думать не хотелось, какие сатанинские знаки он прочитал в слишком вытянутой форме беговой дорожки. Лойдс часто подначивал Зарию за его суеверность, это было не более чем шуткой.

— Ладно, Лай, нам тоже пора. — Мик проводил взглядом Лойдса с Зарией и повернулся к напарнику. Лай чихнул, прикрыв рот ладонью, и раздражённо шмыгнул носом. — Ты как себя чувствуешь?

— Удовлетворительно. Выпил что-то от простуды и добавил горсть анальгетиков. Какое-то время я буду в полном порядке, Мик. — Лай подошёл к двери и толкнул её. Она поддалась с тихим скрипом, выпустив наружу небольшое облачко пыли из разохшихся досок.

Внутри царило полное запустение. Здесь не было мусора и сломанных вещей, только кое-где лежали перетянутые бечёвкой стопки старых газет. И повсюду, особенно у двери, была пыль. Она затягивала серым слоем поверхности, висела в воздухе, цеплялась за редкую паутину. Лай наклонился и поднял с пола чей-то портрет в перекошенной раме. Через пыльное расколотое стекло на него устало смотрела пожилая женщина в белом медицинском халате. Хелена Эверт, доктор психиатрии детей младшего школьного возраста — гласила потускневшая табличка под портретом. Доктор Эверт, она была здесь самой

главной. Приторно добрая и вежливая ко всем, особенно к родителям. Она искренне хотела помочь детям стать нормальными. Лай всегда её опасался, а Эйчер боялся.

Мик прошёл чуть дальше и открыл одну из дверей. Комната оказалась абсолютно пустой, в ней не было даже шкафов и стеллажей.

— Здесь столько пыли, он не мог не оставить следы. — Мик непроизвольно понизил голос, словно старался не потревожить тишину. — Если он, конечно, не призрак.

— Кто знает. — Безразлично ответил Лай и положил портрет на стол в одной из комнат.

Тогда они и услышали стон в первый раз. Тонкий, как натянутая струна, болезненный, словно его тянули прямо сквозь кожу. Мику показалось, что стонал ребёнок. Стон перешёл в плач и оборвался, оставив жуткое ощущение незавершённости.

— Это где-то наверху, надо спешить! — Мик готов был уже сорваться с места, когда Лай положило ему руку на плечо. — Как это понимать, инспектор Нэван?

— Там никого нет. — Лай сжал руку на плече Мика. Вряд ли он сможет объяснить так, чтобы его напарник понял. Там никого нет — это они выучили в первую же неделю после переезда в школу.

— Да с чего..., - Мик не успел закончить, его телефон выдал какую-то заунывную стандартную мелодию. — Инспектор Дэвис!

— Вы это слышали, инспектор? — Взволнованный голос Зарии едва не сорвался на крик. Он был напуган не на шутку и почти не пытался это скрыть.

— Там никого нет, успокойтесь и продолжайте поиски. — Приказал Лай, выхватив телефон из рук Мика. Зария ничего не ответил и сбросил звонок. Лаю было абсолютно наплевать, что мог подумать обо всём этом один из подчинённых Дэвиса.

— Лай, ты же сам только что слышал этот стон! — Мик замолчал, потому что сверху раздался детский крик, резкий и бьющий по нервам как в дрянных фильмах ужасов.

— Мик, там никого нет. Верхний этаж закрыт и заколочен уже больше тридцати двух лет. И там постоянно кто-то стонет. Скорее всего, это просто ветер. — Лай устало вздохнул и пошёл вперёд, шаря лучом фонарика у себя под ногами.

— Откуда ты знаешь, Лай? — Голос Мика упал до едва слышного шёпота — он догадался.

— Я учился здесь. Я отлично знаю это место и его призраков. — Холодно ответил Лай, подтвердив его догадку. Это и так было слишком очевидно, чтобы скрывать.

— Выходит, ты... — Мик не стал договаривать, в конце концов, это же не могло быть правдой. И он не мог спросить такое — всё равно что обвинить друга во лжи.

— Я не бросил бы здесь Эйча одного! — Огрызнулся Лай. Он не был в настроении вытаскивать своё прошлое напоказ. И тем более, не собирался ни перед кем и ни за что оправдываться. — И я прошёл все психологические тесты, ты же знаешь!

— Знаю, Лай, успокойся. — Мик примирительно вскинул руки. Нэваны провели детство в таком жутком месте — это просто не укладывалось в голове.

— Верхний этаж и чердак открывали несколько раз только на моей памяти. Там проверяли всё, что только можно, даже полы и стены простукивали. Там ничего не нашли. Даже если там кто-то и жил раньше, он давно должен был умереть от голода. — Лай говорил быстро, отрывисто, вытаскивая доказательства одно за другим. Он не хотел и не ждал возражений, потому что давно подготовил ответы на все. — Иногда оно плакало и стонало целую ночь, а иногда замолкало на несколько недель. Мы всегда считали, что это просто

призрак. В школе даже было одно жестокое наказание — провести ночь в комнате рядом с запертой дверью на верхний этаж. Многие её боялись.

— А ты боялся? — Заворожено спросил Мик. Он никогда не верил во всякие страшилки, но Лай не стал бы придумывать подобное — это было не в его стиле.

— Нет. Я всегда знал, что взрослые и живые люди намного опасней любого школьного призрака. Кстати, призраков тут достаточно много, знаешь ли. — Лай усмехнулся холодной, пугающей улыбкой, которой Мик у него раньше не видел. Его словам верилось до жути, он говорил так спокойно, что не мог солгать.

— А как вы сюда попали? Я имею в виду, была какая-то особая причина? — Мик попытался сменить тему, но, ещё не договорив, понял, что сделал это крайне неудачно.

— Мать отправила нас сюда, когда нам было восемь или около того. Эйча за его странности, меня — за компанию. — Лай равнодушно пожал плечами. Он делал вид, словно ему всё равно, но Мик чувствовал в напряжённость в его позе, голосе, взгляде. Инспектор Нэван явно очень не любил вспоминать своё детство.

— Но она ведь приезжала к вам? — Мик уверенно посмотрел на Лая. Какими бы они ни были, Нэваны были её детьми. Даже если она не могла дать им нужное воспитание и лечение, не могла же она их бросить! Скорее всего, она отправила их сюда, что бы они могли получить образование и коррекцию под присмотром специалистов.

— Да, два или три раза. Последний раз, когда нам было по десять. Больше я её не видел ни разу. — Лай стоял спиной к Мику и смотрел в стену. Воспоминания оказались тяжелее, чем он предполагал. Вытягивать их из себя оказалось также больно, как вросшую в плоть ржавую проволоку.

— Почему? — Мик облизал пересохшие губы. Он знал, что не должен спрашивать, а ещё знал — не спросит сейчас, не узнает никогда.

— Потому что вышла замуж, и мы стали мешать. А приезжать перестала, потому что родила ребёнка. Нормального ребёнка. — Голос Лая словно заledenел, он произносил слова, но не чувствовал их. Словно внутри него говорил кто-то другой, кто-то, кто ещё был способен говорить и вспоминать. — Я даже не знаю, мальчик это или девочка. Никогда не видел. Даже на похороны её не приехал. Мне всё равно, Мик. Когда меня брали в академию, никому и в голову не пришло выяснять, в какой школе я учился. Просто очередное учебное заведение с именем какого-то святого покровителя, которое я закончил с отличием. Мик, если они узнают, если кто-нибудь узнает.... Это не тайна, это то, о чём лучше не упоминать, понимаешь?

— Да, Лай. Спасибо. — Мик наклонил голову. Правда оказалась тяжелее, чем он предполагал. Конечно, Лай всегда был странноватым и замкнутым, но эта школа — клеймо психа на всю оставшуюся жизнь. Слишком жестоко и несправедливо, он ведь пошёл сюда только из-за брата. — Что доверился.

— Убери этот пафос, Мик, он тебе не идёт. — Лай горько усмехнулся. Сейчас было не время и не место предаваться воспоминаниям и делиться тайнами. Где-то на чердаке опять с надрывом заплакал ребёнок. Лай только поморщился — он привык не бояться и не переживать, слишком долго слушал эти бесплотные крики. Одна девочка как-то сказала, что это кричат души всех детей, что учились в этой школе. Что это всё, что они прячут внутри себя. Её, кстати, потом отправили в психушку. Многих детей отправляли туда, когда им исполнялось восемнадцать. Тех, кого так и не смогли вылечить. — Нам надо заняться делом.

Мик кивнул и направился к лестнице. Он понимал, что затронул слишком личное и

слишком болезненное. А ещё то, что он бы здесь просто свихнулся. Если эта школа всегда была такой, он бы точно не смог проучиться здесь несколько лет и остаться нормальным. Мик мотнул головой и до скрипа сжал перила лестницы. Что за дурь лезет в голову в этой развалюхе? Ещё немного, и начнут являть приведения, а искать он будет не следы маньяка, а чей-нибудь труп, замурованный в стену.

На втором этаже располагались медицинские кабинеты. За первой же дверью слева от лестницы он нашёл смотровую. Кушетка, пыльная и продавленная, с остатками простыней, лежащая на полу ширма, слегка покосившийся и абсолютно пустой стеклянный шкаф. И тишина. Замолкли крики на верхнем этаже, шагов Лая он не слышал. Мик прошёл вперёд, случайно задел небольшую стопку бумаг. Сухой шелест прозвучал неестественно громко. Мик наклонился и поднял с пола листок. На нём была изображена какая-то клякса, жутковатая и расплывчатая.

— Ты должен был увидеть здесь бабочку. — Мик вздрогнул, услышав голос Лая, он ведь не слышал его шагов. — Тут легче всего было увидеть бабочку, Мик.

— Да нет тут никакой бабочки! И не подкрадывайся больше! — Мик резко положил листок на стол и повернулся к напарнику. На губах Лая скользила, то появляясь, то исчезая, странная и несколько пугающая улыбка.

— Знаю. Это тест Роршаха, надо увидеть что-то в этих пятнах — человека, животное... Здесь лучше всего было видеть бабочку. — Лай наклонился и поднял ещё несколько листов, почти с презрением бросил их на стол. — Обычно эти тестом выявляют черты характера, здесь же врач просто искала отклонения. Очень быстро дети учились отвечать не честно, а так, как от них ждали. Те, кто мог, конечно. Прости, Мик. Не думал, что помню так много.

Лай вышел из смотровой. Он не понимал, почему так легко потерял самоконтроль. Конечно, здесь ему пришлось нелегко, но это было давно, очень давно. Он уже далеко не тот, кем был тогда. И Эйчер тоже. Они оба выбрались отсюда, раз и навсегда, неужели что-то осталось? Не должно было...

— Слушай, Лай, у меня есть к тебе один вопрос. — Мик подошёл и положил руку на плечо напарнику. Он никогда прежде не видел Лая таким напряжённым, таким встревоженным. Даже когда притащились те журналисты, даже на первом заседании суда — ему тогда не повезло, первого же его арестованного взяли себе братья Ланг. Никогда раньше его взгляд не был таким заледеневшим и пустым. — Может и глупый, конечно. Ты не мог бы рассказать мне, как люди знакомятся.

— Что? — Лай недоумённо посмотрел на Мика. Он никак не ожидал такой резкой смены темы. Это даже не казалось тактичностью — инспектор Дэвис не очень-то был на неё способен. Казалось, это действительно его волнует. Но зачем ему? — Как люди знакомятся? И ты спрашиваешь об это меня? Может быть, найдёшь кого-то, у кого больше друзей?

— Нет уж. Для них это естественно, никто и никогда не задумывается о таких вещах. А ты можешь ответить. — Мик пожал плечами. Лай всегда неплохо разбирался в мотивах человеческих поступков. К тому же, с таким братом он точно должен был знать, как именно строятся отношения между людьми. Не на уровне интуиции, а в виде схем и алгоритмов. — Только давай не будем здесь останавливаться, надо всё-таки поискать следы.

— Хорошо. Давай я попробую объяснить. Для начала два человека должны встретиться и узнать друг друга хоть немного. Иначе они просто пройдут мимо. Нужен сколько-нибудь продолжительный контакт. — Лай задумчиво потёр подбородок. Наверху кто-то тоскливо заныл, но он даже не обратил на это внимания. В конце концов, это же просто ветер, не так

ли? Он и сам себя в этом убеждал долго, очень долго. — Тут обычно бывает три варианта.

Мик кивнул, показывая, что он внимательно слушает. Лай увлёкся его задачей и оттаял. Про себя Мик назвал это именно так. Его взгляд стал задумчивым, но уже не таким холодным. Обычный, знакомый Лай, поглощённый очередным сложным делом — таким он нравился ему гораздо больше. Всё-таки тайнам прошлого лучше всего оставаться в прошлом, если они, конечно, не содержат состав преступления.

— Первый — людей знакомят друзья или родственники. Они оказываются в одной компании, и им приходится общаться. Они узнают друг друга лучше и либо сближаются, либо нет. — Лай толкнул следующую дверь и поморщился — собственный зубоврачебный кабинет. Никто не стал демонтировать и вывозить огромное тяжёлое кресло с креплениями для конечностей как на электрическом стуле. Одно из самых страшных мест в школе. Мик заглянул туда всего на секунду, что-то невнятно пробормотал и вернулся в коридор. Всё-таки многие дети боятся стоматологов, а детские страхи имеют обыкновение оставаться с человеком до самого конца его жизни.

— Второй вариант — коллеги по работе или учёбе. Вынужденный общий круг интересов и общения. Опять же, людям приходится общаться так или иначе, как-то оценивать друг друга и налаживать отношения. — Лай закрыл дверь слишком уж поспешно и пошёл к следующей, распахнутой настежь. Там были всего лишь ряды коек — по шестнадцать у каждой стены. Всего лишь, если ничего не знать и не помнить. Эту дверь он закрыл медленно, но внутрь смотрел не больше секунды. Там ничего не было, он был в этом абсолютно уверен.

Мик задумчиво кивал и осматривал комнаты по другую сторону коридора. Никаких следов — только толстый слой никем не тронутой пыли. Часть мебели была сломана, часть стояла нетронутой, на полу то и дело попадались листы бумаги. Распечатки, схемы графики — ни личных дел, ни фотографий. В конце концов, кровавые надписи на стенах и снимки с обведёнными маркером лицами жертв бывают только в дешёвых фильмах. Тех самых, в которых всякие призраки и маньяки выпрыгивают под душераздирающую музыку из тёмных углов. Коридор перегородил завал из обломков мебели.

— Третий вариант — самый интересный. Люди встречаются случайно, сталкиваются в какой-то новой, непонятной ситуации. Иногда нелепой, иногда смешной. Знаешь ведь, сколько историй начинается со слов "мы с моим будущим мужем или лучшим другом познакомились случайно"? Обычно это "случайно" бывает этой самой необычной ситуацией. — Лай поставил ногу на нагромождение обломков мебели, проверяя прочность конструкции. Дерево под каблуком скрипнуло, но выдержало, когда он перенёс на него свой вес. Лай наклонился вперёд, ухватился за какую-то железку и перенёс ногу через завал, нащупывая опору. Мик недовольно нахмурился, но полез за ним. — Так или иначе, это всё лишь начальный этап, то, что не даёт людям просто пройти мимо, не заметив друг друга. Мы встречаемся с сотнями людей каждый день, но не знакомимся. Самое важное — это интерес.

Лай остановился, чтобы отряхнуться, и прислонился спиной к стене. Голова слегка кружилась, его бросило в жар от начавшего действовать лекарства. Мик перелез с трудом, кряхтя и тихо ругаясь под нос.

— Два человека познакомятся только тогда, когда заинтересуются друг другом. Тогда и только тогда они продолжают общение. И знакомство их будет продолжаться до тех пор, пока не исчезнет этот интерес. Хотя некоторые остаются вместе по привычке. — Лай пожал плечами. Его такие отношения никогда не привлекали, как и общение с теми, кто был ему не

интересен. Бессмысленная трата сил и времени. — Не важно, что возникнет потом — дружба, любовь или что-то иное, в основе всего лежит интерес. Помнишь, как мы с тобой встретились в первый раз?

Мик нахмурился и отцепил край плаща от изогнутого гвоздя, торчащего из доски. В первый раз? Старший инспектор Хэрли вошёл в комнату совещаний, рядом с ним стоял бледный парень с ледяным взглядом и лицом, похожим на маску. Лай Нэван, теперь работает с нами, не обижайте его. Потом Хэрли рассмеялся. Мику тогда было совсем не смешно, скорее страшно. Он возненавидел надменного новичка почти сразу и поначалу постоянно его доставал. До первого их совместного дела. Хэрли надоела их непрекращающаяся грызня, и он просто поставил их на одно долгое и сложное расследование. Они вместе работали в поле, ночевали в офисе за отчётами, таскали друг другу кофе. Мик понял, что Лай не надменный, просто замкнутый, не умеет или не хочет общаться с людьми. Зато неплохой специалист и криминальный психолог. Потом они часто работали вместе, но Мик так до конца и не понял Лая, не разобрался в нём. Как Лай и говорил — он всё ещё был ему интересен.

— Ты показался мне жутко надменным выскочкой. — Ответил Мик и усмехнулся. Это было правдой, Лай и сейчас держался в стороне от остальных.

— А ты мне — неудачником, рвущимся наверх по карьерной лестнице и которому не хватает таланта подняться хоть на ступеньку. — Лай пожал плечами и вытащил из-за пазухи сигарету. Будь это местом преступления, он не позволил бы себе подобного, но следов они так и не нашли. Вероятно, преступник сюда действительно не возвращался. — Но я заинтересовал тебя настолько, что ты сразу же дал мне свою оценку. Как видишь, наши отношения — тоже результат взаимного интереса.

— Как-то это всё слишком цинично звучит. — Мик поморщился, когда сверху донеслись жалобные стоны. Зарии после такого точно придётся давать отпуск хотя бы на день.

— Ты сам спросил, так что не жалуйся. — Лай усмехнулся и подошёл к лестнице. Вверх или вниз? Если нет ни единого следа на нижних этажах, на верхних они точно ничего не найдут. — Спускаемся. Так зачем тебе это?

— Хочу познакомиться с кем-нибудь. — Мик замялся, он понимал, что этот вопрос неизбежен. Если он спросил Лая, откровенничать придётся до конца.

— Жениться собрался? — По губам инспектора Нэвана скользнула дьявольская улыбка. Мику нестерпимо захотелось пнуть его с лестницы вниз, но он сдержался. При желании Лай мог вывести из себя кого угодно.

— Да, собрался, что в этом такого? — С вызовом спросил Мик. Лай остановился и поднял с пола потрёпанный детский рисунок — нагромождение ярких цветных линий и геометрических фигур. В их сочетании было что-то странное, почти противоестественное. Мик мотнул головой, этот рисунок напомнил ему прочитанную ещё в юности книгу — какой-то мистический ужастик, в котором с помощью особого сочетания геометрических фигур открывались врата в другую реальность. Он потом несколько ночей не мог заснуть, ему всё мерещилось копошение за стенкой.

— Есть разница между "мне хочется" и "так положено". — Лай скатал рисунок в трубочку и положил в карман. Мик предпочёл бы просто сжечь. — Какой вариант подходит тебе?

— Я уже не молод, знаешь ли. Пора уже и о семье думать. — Недовольно пробурчал

Мик. Он обратился к Лаю за советом, как к другу, единственному достаточно близкому для такого разговора. И достаточно молчаливому.

— Но ты не хочешь этого, Мик. Брось эту затею, у тебя ничего не выйдет. — Лай равнодушно пожал плечами и оглянулся назад. На пыли чётко отпечатались их следы — только их — до самого завала и дальше. Здесь ничего не было, напрасно они пришли в заброшенную школу.

— В каком это смысле — не выйдёт? — Мик ошарашено уставился на напарника. Он не ожидал настолько категоричного ответа. У него ведь были подруги раньше, просто сейчас он совсем закопался на работе, на личную жизнь просто не оставалось времени.

— Тебе не нужна жена. Ты не хочешь обременять себя кем-то, ты просто думаешь, что кому-то что-то должен. Вернее, должен обществу. — Лай повернулся и внимательно посмотрел в глаза Мику. Конечно, каждый платит свой долг человеческому сообществу, в котором он существует, но это совсем не то, что он обязан делать, если может сделать что-то кроме. — Ты уже женат на работе. Подумай сам, какая тебе нужна жена? Та, что никак не будет связана с полицией, чтобы ты смог отдохнуть от своих обязанностей хотя бы дома? О чём ты будешь с ней говорить? Мик, брак — это ещё и разговоры, совместное времяпрепровождение. Если ты выберешь ту, с которой у тебя будет о чём говорить, ты просто не будешь уходить с работы никогда, потому что говорить дома вы будете о преступлениях и расследованиях.

— Ты прав, Лай, я как-то не думал об этом. — Мик растерянно смотрел в пол. И действительно, о чём ему говорить с женщиной? Он давно перестал общаться со старыми друзьями — интересы разошлись. Свою пустую квартиру он просто оправдывал нехваткой времени. Лай не очень-то хорошо ладил с людьми, зато неплохо в них разбирался. — Значит, без шансов?

— Ну почему же. Если действительно хочешь, найди себе хобби. Что угодно — научись вязать на спицах, запишись в спортзал — найди увлечение, тему для разговора, не связанную с полицией. Только и всего, Мик. — Лай усмехнулся и хлопнул его по плечу. То ли попытка поддержать, то ли раздражающе покровительственный жест — не понятно. — Заодно и круг общения расширишь.

— Я должен поблагодарить тебя, Лай. — Мик сам не был уверен, что должен ему хоть что-то за этот монолог, полный чувства собственного превосходства.

— Не утруждай себя, Мик, мне это не нужно. Мне было интересно поделиться своими наблюдениями. — Лай отмахнулся от его слов как от чего-то незначительного. Мик раздражённо фыркнул.

— Сам не понимаю, почему терплю тебя. У тебя отвратительный характер. — Это не было преувеличением, кроме него в их полицейском участке с ним никто в паре не работал.

— Я инженер, а не пользователь. Я могу разложить и разобрать на детали мотивацию и психику человека. Могу понять, что движет человеком, но со стороны, без вмешательства в процесс. — Лай задумчиво посмотрел в потолок, словно искал там подходящее объяснение. — Инженеру-конструктору ведь не обязательно уметь пользоваться тем, что он может нарисовать в виде схемы?

— Другими словами, в человеческих отношениях ты — скорее теоретик, чем практик. — Мик улыбнулся и положил руку на плечо напарника. Всё-таки Лай был совсем неплохим парнем, просто непростым. Очень непростым. — И это ты прячешь под своим высокомерным "они мне не интересны".

Лай только вздохнул и улыбнулся в ответ. Действительно, он слишком привык видеть угрозу в людях, это здание отлично напомнило ему — по какой причине. Но у него был Крис — слишком преданный и немного наивный, был Мик — старый ворчун, помешанный на работе. Он может сколько угодно говорить про карьеру, но на самом деле хочет заниматься оперативной работой, которую любит. И был Эйчер — его единственный обожаемый брат, тот, кто всегда будет с ним, что бы ни случилось.

Мик чувствовал, что сейчас происходит что-то важное, что-то слишком личное, но не мог понять — что. Лай улыбнулся ему не так холодно, как обычно. Неужели он позволил ему зайти немного дальше, чем позволял раньше? Резкий и противный телефонный звонок разорвал хрупкую, как тонкая кисея, тишину. Мик едва не выронил телефон, когда спешно вытаскивал его из кармана. Лай достал ещё одну сигарету, спрятал окурочек первой в пачку и потянулся за зажигалкой. Его лицо снова окаменело.

— Какого..., Чен? — Мик наконец смог попасть пальцем по кнопке приёма. Давно пора было сменить старый "кирпичик" на "раскладушку". — Что-то нашли?

— Не что-то, инспектор, а труп. Судя по почерку, наш приятель. Так что, мне бы очень хотелось видеть вас всех здесь. — Чен замолчал, решая, говорить или нет. — Мне просто очень не хочется общаться с Лангами самому.

— А эти что там забыли? Сейчас будем! — Мик сбросил звонок и сразу же перезвонил Лойдсу. — Заканчиваем, идите к выходу. У нас ещё один труп, так что поторопитесь.

— Значит, мне ещё повезло. Или я всю ночь пролежал рядом с мертвецом. — Лай растянул губы в фальшивой улыбке. Его ударил убийца, он действительно мог поймать его, но вместо этого глупо попался. Выходит, ему ещё повезло, что он не женщина.

— Не забивай себе голову, ты ничего не мог сделать, потому что лежал под кустами в какой-то луже. — Мик пожал плечами. Сейчас было уже не до пространных разговоров о сути человеческих взаимоотношений и тем более не до переживаний. — Прошое не изменить, в сожалениях нет никакого толка, Лай. Поверь, я всё-таки старше тебя и в чём-то опытнее.

Лай только кивнул. Он не сожалел о том, что мог спасти девушку, только о том, что так и не увидел убийцу. В любом случае, они скоро его поймают, тогда у него будет возможность заглянуть ему в глаза. Странная привычка, что-то вроде хобби — смотреть в глаза маньякам и психам. Он как будто искал там какой-то ответ, что-то важно и значимое, понятное лишь ему одному. Найти пока не удалось.

Чен встретил их у входа в парк, злой и мокрый как бродячая собака. Торчащие слипшимися прядями волосы лишь добавляли сходства. Мик давно не видел его таким разозлённым. Наверное, с того самого случая с обкраденными квартирами. Он тогда впервые позволил ему самостоятельно обследовать место преступления, но зацепки ему найти так и не удалось. Ключ к разгадке нашли случайно, тогда у Мика было слишком много работы, чтобы уделить этому делу достаточно времени — по крайней мере, он всегда оправдывался перед собой именно этим.

— Ланги притащились час назад, инспектор. Оба. — Чен скрипнул зубами, он на дух не переносил придирчивых юристов. — Они не мешают и формально имеют право присутствовать во время осмотра места преступления. Я не могу их прогнать.

— Успокойся, мы возьмём их на себя. Что там по месту? — Мик искренне надеялся, что Лангами займётся Лай, он хотя бы мог их различать.

— Сами увидите. — Чен пожал плечами и ускорил шаг. Прогулка по пропитавшемуся влагой парку под дождём явно ему не нравилась. Он предпочитал тёплые помещения и приятную женскую компанию вместо коллег. А эта бесконечно льющая с неба вода могла вывести из равновесия даже такого спокойного человека, как он.

Идти пришлось довольно далеко, вглубь парка. Они прошли поляну, на которой неизвестный напал на Лая, и остановились на следующей — более открытой, хорошо просматриваемой с дорожки. Девушка сидела, прислонившись спиной к дереву, на ней так же, как и на прочих, не было одежды. На груди и плечах чётко были различимы колотые ножевые ранения, судя по всему и ставшие причиной смерти. Рядом с телом на коленях стоял Крис, Мик не мог рассмотреть, чем он занят. Чуть в стороне рядом со ступнями трупа Гарри собирал образцы почвы. На скамейке у самой дорожки сидели братья Ланги, как всегда абсолютно одинаковые и беспримерно самонадеянные.

— Лай, кто из них кто? — Мик ядовито улыбнулся братьям-юристам. Он уже успел понять, как их злит, если кому-то удаётся их различить и не перепутать. А они должны были понять, как ему не нравится присутствие посторонних.

— Слева Юлий, справа Клавдий. — Лай пожал плечами, для него никогда не представляло сложности различить братьев. Возможно, он просто слишком хорошо знал, насколько сильно могут отличаться друг от друга близнецы. И привык замечать мельчайшие изменения и несоответствия в лице, которое похоже на его собственное, но при этом совершенно другое. — Не понимаю, как их вообще можно путать.

— А мы надеялись, что нас не отличить друг от друга. — Клавдий встал и неторопливо направился к стоящим на дорожке Лаю, Чену и Мику. — Так ведь намного забавнее.

— Вы совершенно разные. Так что вам здесь нужно? — Лай ответил слишком грубо, это было не слишком разумным поступком. Клавдий мог превратить в ад жизнь любого человека на свой выбор. Проклятая головная боль, проклятый дождь!

— У нас есть на это право, если ты забыл. — Ядом, сочащимся из улыбки Клавдия, можно было отравить полгорода. Они действительно могли, если собирались вести это дело — чтобы доподлинно знать, как и в каких условиях собирались улики и насколько полно они были задокументированы. Право, которым редко кто пользовался. — И что-то мне подсказывает, это тело будет особенным.

Лай отвернулся и зашагал по мокрой, скользкой под каблуками земле, к Крису. Возможно, Клавдий был прав, возможно, убийца оставил им какой-нибудь след. Если, конечно, напал на него именно он.

— Рад, что ты жив и относительно цел, Лай. — Крис поднял голову и улыбнулся своему другу. Для такого холодного, дождливого и серого дня его улыбка была слишком искренней. — Хочешь посмотреть?

— Показывай. Крис, что он взял в этот раз? — Лай присел рядом с женщиной и надел протянутые Крисом латексные перчатки. Убитая оказалась совсем молодой и достаточно привлекательной особой, хотя потёки туши ей совсем не шли.

— Левую ноздрю. Не самое приятное зрелище, знаешь ли. — Крис отвёл мокрые пряди волос с лица жертвы, чтобы Лаю было лучше видно. — Но он продолжает идти по той же схеме.

Лай кивнул, заморожено глядя на лицо мёртвой девушки. Он видел её раньше, столкнулся вчера вечером, когда спешил домой. Красивая, но грубая и вульгарная. Теперь она сидела голая на земле, раскинув руки, с потёками туши на щеках. Мёртвая.

— Лай, ты чего? — Крис обеспокоенно посмотрел на друга. Тот замер, словно увидел призрака. — Ты её знал?

— Столкнулся вчера вечером, когда шёл домой. Вульгарная и самовлюблённая пустая женщина. — Лай недобро усмехнулся. Где-то в глубине шевельнулось тёмное и ехидное "ты ведь рад, что она мертва?". Эйчер бы точно не одобрил этого. — Кажется, нашему маньяку нравится убивать именно таких.

— С чего ты взял, инспектор Нэван? — Юлий Ланг стоял, прислонившись спиной к дереву в паре метров от них. Клавдий чуть в стороне спорил о чём-то с Миком.

— Из материалов дела. Если поискать как следует, легко можно определить привычки и образ жизни убитых. — Лай равнодушно пожал плечами. Обычная практика — искать детали во внешности жертв и оставленных уликах, чтобы выяснить их типаж. Если нет совпадений по внешности, искать совпадение по характеру и поведению вполне логично. — Дешёвый маникюр и краска для волос, яркая косметика, алкоголь в крови, не самое спортивное телосложение — они явно пытались подать себя лучше, чем могли позволить. К тому же, они почти не сопротивлялись, только плакали, принимая свою судьбу. Все жертвы были пустышками, видимо, это соответствовало представлению убийцы о той женщине.

— Интересное умозаключение. Думаешь, он презирал ту, чей портрет пытается собрать? — Юлий подошёл к телу и наклонился, заинтересованно рассматривая жертву. Его длинные светлые волосы, перевязанные чёрной лентой, едва не касались её перекошенного в предсмертной агонии лица. Разумеется, Хэрли передал ему все материалы дела и отчёты, даже предварительные догадки. Ланги были в курсе всех их рабочих версий. — А что ты можешь сказать о самом убийце?

— Перед судом узнаешь, — недовольно отмахнулся Лай. Адвокат вполне имеет право присутствовать при осмотре места преступления, но предварительные выводы ему знать не обязательно. Ланг слишком ловкий, он может потом использовать их на суде, Лай совершенно не хотел давать ему такую возможность. Хотя всё равно узнает, но отказать — приятнее.

— Доктор Ленно, у неё левая ладонь сжата в кулак. — Юлий присел на корточки и протянул руку к труп.

— Не трогайте там ничего! Сам сейчас посмотрю. — Крис раздражённо оттолкнул руку Ланга. Он тоже заметил сжатый кулак, но собирался разобраться с ним в морге. Там вполне могли оказаться кусочки ткани одежды или волос убийцы. Пальцы жертвы уже окоченели и разгибались с трудом. Крис отчаянно надеялся, что не придётся ломать кости, чтобы разжать ладонь.

— Крис, там бумажка какая-то. — Лай нахмурился. Это была не улика, а намеренно оставленный след. Убийца всё точно рассчитал, даже учёл погоду, спрятав этот кусок бумаги в руку жертвы. Он не оставлял им зацепок, просчётом это быть просто не могло.

— Вижу, постараюсь достать. Эй, кто-нибудь! Притащите зонтик уже! — Крис сдавленно ругнулся. Юлий Ланг усмехнулся и раскрыл над ним свой зонт-трость. Ему самому дождь, казалось, совсем не мешал, хотя тонкие струйки то и дело сбегали по стёклам очков.

Минут через пять Крис всё-таки смог вытащить листок, оказавшийся сложенным в несколько раз рекламным флайером.

— Эй, Мик! — Лай позвал напарника, который всё ещё продолжал спорить с Клавдием. — Мик, чтоб тебя дождём смыло! Хватит пытаться переспорить юриста, ты же

знаешь, что это безнадежно! Иди сюда, мы кое-что нашли.

Лай разгладил флайер, протянутый ему Крисом. Вроде бы, реклама какого-то ресторана, но он первый раз видел его название. Адрес — недавно отстроенная высотка, полная всяких магазинов, клубов, офисов. Большая их часть ещё не открылась.

— Что тут у вас? — Мик был зол на себя и на приставучего Ланга. Он никогда не мог переспорить ни одного из братьев, но они всегда втягивали его в безнадежный спор ради собственного развлечения.

— Он оставил нам приманку. — Лай протянул флайер Мику. Это не могло быть неосторожностью, да и вряд ли он принадлежал этой девушке. Реклама ресторана — совсем не то, за что будешь цепляться в последнюю минуту жизни. К тому же, раньше он ничего такого не оставлял.

— Ты знаешь, что это за место? — Мик нахмурил и перевернул листок бумаги, надеясь найти адрес. Новостройка в перестраиваемом квартале. Там недавно снесли кучу старых домов и поставили новых. — Какой-то ресторан, похоже, ещё не открытый. Лай, что это может быть такое?

— Приглашение. Это может быть только приглашение. — Лай пожал плечами. Маньяку надоело просто мстить, он решил развлечься с полицией. Если он так хорошо знал их методы, если так умело заметал следы, значит, был абсолютно уверен, что не попадётся. Серийные убийцы попадают чаще всего в двух случаях — когда ошибаются из-за чрезмерной самоуверенности, или когда они хотят, чтобы их поймали. — Он решил поиграть с нами. И уверен, что мы придём.

— А с чего ты взял...? — Мик замолчал, а потом выругался. Он ругался долго и достаточно однообразно. На третьем круге Лаю уже стало скучно его слушать. Наконец, инспектор Дэвис выдохся и устало стёр с лица дождевую воду. — Мы придём в эту чёртову ловушку. Мы придём, как кролики в пасть удава. Потому что у нас нет ни одной чёртовой зацепки! Ещё немного, и Хэрли возьмёт нас за горло!

— Именно. Мы знаем, что придём. Он знает, что мы придём. Всё просто, ничего не поделаешь. — Лай улыбнулся уголками губ. Ему начала нравиться эта игра в догонялки. Пока что противник опережал их на несколько ходов, а они никак не могли сократить дистанцию. — Думаю, лучше будет отправиться туда вечером. Судя по флайеру, ресторан ещё не открылся, да и в здании большая часть офисов пока пустует. Но там могут быть рабочие и персонал. Нет смысла подвергать их лишней опасности.

Ему было плевать на людей, но он не хотел, чтобы кто-то мешал их поединку. Да и лишние жертвы только всё испортят. Лай не собирался никому признаваться в этом, он всегда считал — чтобы поймать маньяка, надо самому быть хоть немного маньяком. Он допускал подобные мысли лишь для того, чтобы суметь понять и просчитать действия убийцы. Им потребуется вся их удача, чтобы хотя бы увидеть его, чтобы найти хоть один след.

— Согласен, Лай, теперь отправляйся в больницу. Я заеду вечером. — Мик сурово посмотрел на напарника, тот слишком часто пренебрегал своим здоровьем. К тому же, не хотелось потом вытаскивать его из неприятностей в этой многоэтажке, если он додумается идти туда один.

— Я съезжу к тебе и привезу чистую одежду. — Крис робко улыбнулся, с надеждой глядя на друга — ну же, соглашайся. Это означало — я предупрежу Эйчера и узнаю, как он там. Большого он сейчас сделать не мог. — Как только закончу с осмотром места

преступления.

— Ладно. Я поеду в больницу. Хотя не думаю, что в этом есть такая уж необходимость. — Лай развёл руками, признавая победу Мика и Криса. Сейчас возражать не было никаких причин. Голова болела всё сильнее, и ему всё больше хотелось лечь куда-нибудь и заснуть. Не то, чтобы хотелось именно спать — просто не чувствовать, как голову сдавливает раскалённый обруч.

Лай кивнул внимательно слушавшим их братьям Лангам и направился по дорожке к выходу из парка.

— Эй, Мик, иди сюда! — Лай остановился, отойдя всего несколько шагов от поляны, на которой работала следственная группа. Мик подошёл почти сразу и вопросительно посмотрел на Нэвана. Тот кивнул ему на сидевшего на скамейке подростка в наушниках. — Почему здесь посторонние?

— Эй, парень. — Мик подошёл и положил подростку руку на плечо, чтобы привлечь внимание. Тот поднял на него апатичный, равнодушный взгляд и потянулся за плеером. Дождавшись, когда он выключит звук, Мик продолжил. — Ты что здесь делаешь, почему не в школе?

Подросток равнодушно пожал плечами и снова потянулся к плееру. Ему было всё равно, отвечать на такие вопросы ему было не интересно. Он постоянно прогуливал, просто сидел в парке и слушал музыку, отгородившись от всего мира.

— Ты часто здесь бываешь? — Спросил Лай. Он был уверен, что этот ребёнок приходит сюда едва ли не каждый день и всегда садится на эту скамейку. Людям, погружённым в себя, легче контактировать с миром одним и тем же набором действий и фраз. Он слишком часто сталкивался с подобным.

Подросток кивнул, его рука остановилась на полпути к плееру.

— И вчера вечером был? — Мик нахмурился, он понял, что пытается выяснить Лай. Свидетели. Они слишком привыкли, что их никогда нет, и в этот раз он даже не додумался спросить Чена об этом. Парень снова кивнул.

— Видел что-то необычное? Кого-то? — Лай слегка наклонился вперёд, он попытался перехватить взгляд мальчика, но настаивал не слишком сильно.

— Да. — Голос подростка оказался таким же вялым и апатичным, как и его поведение. — Видел. Мужик дрался.

— Какой ещё мужик? — Мик непонимающе покачал головой. Через секунду до него начало доходить. Он ткнул пальцем в Лая. — Этот?

— Этот. — Мальчик кивнул, явно теряя интерес к беседе.

— Видел, с кем он дрался? — Мик попытался ухватить ускользающее внимание подростка.

— Не видел. — Ответил мальчик и включил плеер, снова отгородившись от всего мира. Мик взял Лая за руку и отвёл в сторону. Это, по крайней мере, доказывало, что на инспектора Нэвана напали, и он, вероятно, видел, кто именно. Хотя, скорее всего, из-за удара по голове не помнил.

— Лай, давай в больницу. За парня — спасибо, мы его допросим как следует в участке. — Мик хлопнул напарника по плечу.

— Не дави на него. Расспросите здесь и не трогайте. Он всё равно придёт сюда завтра и послезавтра. Надо будет — найдём. — Лай поморщился и махнул Мику на прощание рукой. — Я ещё заеду в управление, заберу кое-что. Потом сразу в больницу.

Мик только отмахнулся от слов напарника. Сейчас его больше интересовала мёртвая девушка, и рекламный флайер, оставленный убийцей у неё в руке. Инспектор Нэван был абсолютно уверен, что это именно ловушка. Порой Мику казалось, что Лай слишком уж романтизирует психов. Наверное, это была одна из причин, по которой он так невзлюбил его в самом начале. Но заинтересовался, в этом Лай прав.

Когда он вернулся на поляну, Чен ожесточенно спорил с одним из Лангов. Тот опять рвался лично осмотреть труп.

— Ладно, пусть смотрит, только ничего не трогает. Крис, проследи, чтобы наши юристы не оставляли улики против себя. — Мик недобро прищурился. Соблазнительно было упечь одного из них за решётку, но практически невыполнимо. Даже если будут прямые улики, у них хватить связей и денег выкрутиться. Да никто просто не рискнёт пойти против одной из самых влиятельных семей города.

— Ты — сама любезность, инспектор Дэвис. — Второй Ланг вежливо улыбнулся и откинул за спину волосы. Мика всегда раздражала показушность этих двоих. — Но я хотел бы напомнить тебе. Мы — твои союзники, мы на одной стороне. Нам лишь хочется немного ускорить процесс, если это возможно. Сейчас всё достаётся вам, нам тоже хочется.

— Это не игра! И не развлечение, чтобы вы там себе не думали. — Раздражённо отмахнулся Мик.

Именно это больше всего раздражало его в Лангах — почти маниакальная увлечённость работой. Наверное, потому что он сам был на них в этом очень похож. Как там говорил Лай — у него ничего нет, кроме работы? Это действительно было так. Но Лангам хватало и других развлечений, которые давали, однако, гораздо меньше адреналина. Эти двое были столь пресыщены злом, что оно уже не пугало их, а забавляло. Лай к этому хотя бы относился серьёзно.

— Ну и с кем я работаю? Убийца — маньяк, коллега — маньяк, юристы — и те маньяки. — Мик покачал головой и зло зашипел, угодив ботинком в лужу.

— Инспектор, поосторожней со словами. А то подчинённые подумают, что вы и их в ту же компанию записываете. — Усмехнулся Чен. Он сейчас вместе с Гарри занимался фотосъёмкой места преступления и ближайших окрестностей. Мик усмехнулся в ответ и отошёл в сторону. Крис уже почти закончил с описанием тела и подлежащей земли. Дальше он будет работать у себя в морге, но вряд ли найдёт что-то новое. Мик задумчиво скручивал в трубочку флайер, наблюдая за работой своих подчинённых. Люди оставляют улики всегда, хотя бы какую-то мелочь вроде следов или волос, ниток с одежды. Этот не оставил ничего. Как ему это удавалось, куда он девал окровавленную одежду? Идти в такой по улице как минимум рискованно. Полиция уже разместила объявления с наградой за сотрудничество. Если кто-то что-то и видел, то либо не предал этому значения, либо просто не понял, что именно он видел. Или ему плевать. Как тому подростку — он просто сидит и часами слушает музыку. Мик убрал скатанный в тугую трубочку флайер в карман.

— О чём думаешь, инспектор? — Один из Лангов подошёл и встал рядом. Он снял очки и протёр их белоснежным носовым платком с вышитыми инициалами. — Мне не терпится посадить ублюдка или даже отправить в глубины ада.

— Почему? Не думаю, что тебе жалко девушек. — Мик давно привык к цинизму братьев-юристов. Одному из них его хватало на то, чтобы оправдывать самых отъявленных мерзавцев, а второму — использовать материалы дел брата для того, чтобы увеличить срок, если они попадались вторично. А они попадались всегда.

— Мне просто любопытно. Хочу понять, что он за человек. Хочу найти кое-что. — Клавдий Ланг поднял голову и посмотрел вверх на затянутое серыми тусклыми тучами небо. — Мне интересно, является ли этот человек истинным безумцем.

— Истинным безумцем? Как это? — Мик спросил тихо, пытаясь не спугнуть редкое откровение и, в то же время, не дать Лангу замолчать. — Что ты имеешь в виду?

— Я видел такого однажды. Ещё ребёнком, когда мы с родителями пришли на открытый процесс. Судили серийного убийцу, защита настаивала на повторной психиатрической экспертизе. Обвинение — что он заслужил высшей меры при любом её результате. — Клавдий опустил голову, нашёл глазами брата. Тот повернулся, почувствовав его взгляд, и кивнул, разрешая продолжить. Мик уже не в первый раз замечал, что они умели читать мысли друг друга. — Его приговорили к смерти. Без права помилования и обжалования в оставшиеся до казни дни. Когда судья огласил приговор, он рассмеялся. Не как обречённый, без злобы, без превосходства. А потом сказал: "В Аду меня уже заждались! Я хочу увидеть его, хочу снова увидеть его! Отпустите меня в Ад!". Так он сказал.

Клавдий замолчал. Казалось, он говорил это всё, обращаясь к небу и растёкшейся в кашу земле под ногами. Он вспоминал и не требовал слов и оценки. Мик попытался представить себе подобное, вообразить, какое впечатление это могло произвести на ребёнка, подростка.

— Я бы хотел встретиться с ним снова и спросить, какой он — ад. — Клавдий тонко, едва различимо улыбнулся. Это откровение граничило с навязчивой идеей, одержимостью. — Можно сказать, это наше хобби — искать истинных безумцев. Что-то вроде пари — кто найдёт первым. Не пойми меня превратно, это всего лишь игра.

— Понимаю. Но мне действительно кажется, что меня окружают одни психи. — Мик пожал плечами и отвернулся. Он не хотел сейчас встречаться глазами с Клавдием Лангом, как будто тот показал ему что-то до непристойного личное, то, что он точно не хотел видеть. Слишком много мрачных тайн для одного дня. — И я всё равно не дам вам мешать мне и моим ребятам. Как поймает, делайте с ним всё, что хотите, а до этого — не топчитесь по месту преступления!

— Не стоит так нервничать, инспектор. — Юлий Ланг насмешливо посмотрел на брата и поправил очки. Мику показалось, что даже то откровение было частью какой-то их дьявольской игры. И ему в ней была отведена роль пешки. — Мы уже уходим. Хотя по закону имеем право здесь находиться. И мы на одной стороне.

Мик покачал головой. Эти двое всегда были только на своей собственной стороне. Чен помахал ему рукой, подзывая. Мику совершенно не хотелось ломать голову над интригами Лангов, поэтому он просто выбросил их из головы. Если им нечем заняться, пусть развлекаются, лишь бы не мешали работать.

Лай потёр виски кончиками пальцев. В ящике рабочего стола была только упаковка аспирина, всё остальное успело закончиться — дождь лил уже больше недели. Он зашёл только, чтобы скачать кое-какие материалы по расследованиям — текущему и прошлому. Полоса загрузки ползла раздражающе медленно, и он мог только ждать.

— Нэван! — Мортимер остановился в двух шагах от стола. Он буквально исходил праведным гневом и метал взглядом молнии. Лай оторвался от созерцания монитора компьютера и безразлично посмотрел на коллегу. Сил и желания препираться с кем бы то ни было у него не осталось. — Ты хоть представляешь, что устроил тут Дэвис утром? Как это вообще можно понимать? Может, объяснишь мне?

— Почему я должен тебе что-то объяснять? Мортимер, ты слишком шумный. — Лай прикрыл глаза, цветные круги расплылись под веками и начали пульсировать в такт боли. — Слушай, давай ты сейчас выйдёшь из моего бокса, подойдёшь к инспектору Женье и пригласишь на свидание. Все будут счастливы и довольны, да?

— Думаешь, она согласится? — Мортимер опешил от такого предложения, даже голос понизил до свистящего шёпота. Он был уверен, что его интерес к Люси — тайна за семью печатями, да и кто отважится на такое? Она не просто отказывала, она ещё и высмеивала всех, кто рисковал её приглашать. Высмеивала так, что некоторым пришлось уволиться. — То есть, какого чёрта, Нэван! С чего ты вообще взял...?

— Думаю, она согласится. На одно свидание точно. Потом у вас будут бурные и сложные отношения. — Лай пожал плечами. Он заметил интерес Мортимера и некоторую заинтересованность Женье уже давно. Вечерами, когда не было срочной работы или просто хотелось расслабить мозг, он собирал информацию о коллегах, и выстраивал в голове разные варианты развития их отношений. Это было забавно. — Скорее всего. А теперь уйди, прошу. У меня зверски болит голова, мне надо в больницу, а ты загораживаешь проход.

— В больницу? С чего это вдруг тебе понадобилось в больницу? — Мортимер сознательно сделал вид, что не услышал его первой фразы. Но запомнил — в этом Лай был уверен. Скоро всё управление будет гудеть от слухов об этой парочке.

— Надеюсь, ничего серьёзного. — Лай скосил глаза на монитор компьютера, старенького, но удобного. Нужные данные скопировались, больше ему здесь делать было нечего. — Когда вернётся инспектор Дэвис, можешь попробовать расспросить его. Я спешу.

— Да что б вас обоих! — Выругался Мортимер и пошёл к своему столу. Ему было что обдумать, кроме аргументов в споре с Лаем. Сейчас он был готов простить ему если и не половину, но минимум треть всего, что его в нём раздражало. Если, конечно, он прав насчёт Люси.

Лай встал из-за стола, выключил компьютер и направился к выходу. Кто-то окликнул его, но он решил не обращать на это внимания. Кажется, это был старик Хэрли. Тем более, не стоит.

На улице моросил мелкий, но частый дождь, затяжной и монотонный, как нотации Мортимера. К несчастью, его нельзя было остановить так же просто — переключив внимание на что-то более приятное. Прохладный ветер быстро выветрил из головы и лёгких пропитанный запахом кофе, сигарет и информации воздух офиса полицейского управления. Голова стала болеть немного меньше.

До больницы было недалеко, Лай решил пройтись пешком, хотя Мик бы этого точно не одобрил. Да и Крис тоже — что если убийца его выследит и решит добить? Особенно, если он видел его лицо. Или если ему внезапно станет плохо, что он будет делать? Лай раздражённо отмахнулся от голоса разума, в этот раз говорившего с интонациями Криса. Обычно он такой же, как у него, только менее выразительный. Лай на секунду закрыл глаза. Как же хочется домой, к Эйчу! Он единственный мог помочь ему, согреть. Хотя, скорее всего, он просто проигнорирует его присутствие, как и всегда. Эйчер безучастен до определённого предела, крайней грани, за которой он уже не может позволить себе отстраняться. Лай слепо нашарил в кармане помятую и чуть влажную пачку сигарет. Он знал, что эгоистичен, прекрасно понимал, что не должен был привязывать к себе Эйчера так крепко, прятать от всего мира, но отпустить просто не мог. Эйч только его, он никому не его отдаст.

Женщина в дорогом пальто прошла мимо, окинув его презрительным взглядом. Лай устало усмехнулся ей в след. Слишком старая, чтобы стать жертвой, а жаль. Такая же глупая пустышка. Презрение — признак слабости и неуверенности, нельзя возвыситься за чужой счёт. Кто так делает, обречён пасть ниже последнего из низших. Лай повторил про себя ещё раз эти слишком пафосные и странные слова. Нет, странными они не были, уж точно не непривычными, наверное, сказывались занятия по религии в школе. Их пичкали сложными нравоучениями и богословскими книгами в надежде спасти больную душу. Лай до сих пор не до конца понимал, как их всех там не сочли одержимыми и не сожгли тихонько во дворе.

У самой больницы на перекрёстке его едва не сбила скорая помощь. Машина вылетела откуда-то из-за угла, пронеслась на красный свет и, не снижая скорости, подъехала к главному входу. Определённо, день сегодня был не самым удачным. Лай задержался, пропуская бригаду медиков, спешащих к машине, и не торопясь поднялся по ступеням. В холле было светло и просторно, посетителей было немного. Обычно в такую погоду их бывает больше. Лай направился к стенду с расписанием приёма врачей. За спиной прострекотали колёсами носилки, врачи что-то обсуждали громким шёпотом. Видимо, серьёзный случай.

— Вам чем-нибудь помочь? — Миловидная молоденькая медсестра остановилась рядом с Лаем. — Вам нужна помощь?

— Нет, не нужна. С чего вы взяли? — Лай нехотя отвернулся от стенда с расписанием. Он нашёл нужную ему фамилию, к счастью, она сейчас принимала.

— Вы очень бледный. — Смущённо ответила медсестра. Она действительно хотела помочь — из тех, кто идёт на медицинский факультет из убеждений, ещё не отравленная цинизмом выбранной профессией. — Если вам надо помочь дойти до кабинета, я могу...

— Не надо, я сам справлюсь. Всё в порядке. — Лай повернулся к девушке спиной и направился к лифту. Почему-то его такие невинные особы раздражали. Они смотрели на мир незамутненным взором и не желали видеть его грязи и зла. Он же видел только грязь, ложь, жестокость и лицемерие, и просто не понимал таких, как эта медсестра.

Лифт остановился на шестом этаже и нехотя открыл двери. Светлый, чистый и белый как операционная коридор, какие-то растения в кадках. Лай раздражённо передёрнул плечами, отгоняя воспоминание. Неужели он действительно так плохо выглядит? В больнице не было зеркал — администрация сочла их наличие неэтичным. Лай подошёл к кабинету своего доктора, очереди не было, поэтому он просто постучался и вошёл. Доктор Ведеева приветливо ему улыбнулась. Невысокая женщина немного за сорок, ещё не начавшая сидеть, уверенная и компетентная. Он выбрал её..., да не было никакой особой причины. Первый раз придя в эту больницу, Лай просто ткнул пальцем в первую попавшуюся фамилию, а потом приходил только к ней. Без какой-либо особой причины.

— Добрый день, Нэван. С чем сегодня? — Доктор встала со своего стула и подошла к нему. Она продолжала улыбаться своей привычной мягкой, понимающей улыбкой. Лай к ней успел привыкнуть и никогда не принимал на свой счёт — она всем так улыбалась. — Опять головные боли в дождливую погоду? Ты плохо выглядишь.

— Нет. — Лай замялся, лгать этой женщине было практически бесполезно. — Не только. На меня напали вчера вечером и, кажется, ударили по голове. Я пришёл в себя только утром в парке в луже.

— Боже, Нэван! Почему ты сразу не отправился в больницу! У тебя же наверняка сотрясение! — Доктор обеспокоенно посмотрела на Лая, словно опасаясь, что он может

снова упасть в обморок. — Были потери памяти, тошнота, головокружение, головные боли?

— Памяти? Наверное, да. Вроде бы, один подросток видел, как я с кем-то дрался. — Лай опустился в предложенное доктором кресло. У неё в кабинете были очень удобные и глубокие кресла. — Я ничего такого не помню. Только шорох в кустах и темноту. Тошнило, но, по-моему, я просто нахлебался дождевой воды. А голова у меня болит уже полторы недели.

— Вероятность высокая. Как долго длилась потеря сознания? — Доктор Ведеева подошла поближе, чтобы проверить ширину зрачков. — У тебя рана на голове!

— Крис всё обработал. Там ничего страшного. Я пришёл в парк поздно вечером, а очнулся утром. — Лай пожал плечами, если это и было сотрясение, то несильное. Скорее всего, он просто уснул. — Крис — это наш судмедэксперт.

— Судмедэксперт? Замечательно. Но Нэван, это может быть что-то действительно серьёзное. Надо сделать МРТ и как можно скорее. Потеря сознания на такой длительный срок, это может быть очень опасно, Нэван. — Доктор говорила, продолжая осматривать наложенный Крисом шов. Придаться к его работе не получилось — судмедэксперт и патологоанатом полицейского участка вполне мог управляться и с живыми пациентами.

— Меня больше беспокоит переохлаждение. Не думаю, что у меня с головой что-то серьёзное. — Лай раздражённо передёрнул плечами. Ещё не хватало, чтобы его отправили в больницу на долгий срок. Он не может оставить Эйчера одного!

— Принимал какие-нибудь лекарства? — Доктор Ведеева подошла к столу и взяла в руки блокнот, приготовившись записывать. Лай перечислил всё, что дал ему утром Эйчер. Действие их уже должно было закончиться. — Тогда сейчас сделаем МРТ, а потом проверим, что у нас с переохлаждением. Ночь была холодной, а ты лежал в воде или на земле. Вообще-то, мог и умереть.

Лай кивнул и закрыл глаза. Он старался никогда не спорить с профессионалами за работой. Бессмысленно и велик шанс ошибиться. Доктор Ведеева отвела его в нужный кабинет и проследила за процедурой. Она выглядела озабоченной и даже встревоженной. Лай же чувствовал только навалившуюся апатию и опустошённость. Для одного дня уже произошло слишком много всего, а он ещё и не думал заканчиваться. Результаты МРТ, кажется, приятно удивили доктора. Лай даже не знал, радоваться ему или нет. С одной стороны — хорошо, что ничего серьёзного. С другой — нет никакого объяснения тому, что он был без сознания так долго.

— Что ж, всё не так критично, судя по всему, лёгкое сотрясение. — Доктор облегчённо выдохнула и сложила снимки в папку. — Пойдём обратно, надо проверить общее состояние организма. Думаю, ты просто везунчик. Хотя не представляю, как ты мог заснуть в таких условиях.

— Я тоже, — отрешённо ответил Лай. Он оставил попытки пытаться понять, что же произошло с ним ночью. Такое же уже было однажды — в детстве, когда они с Эйчером жили в общежитии при школе. Из памяти выпал целый вечер, и Эйч наотрез отказался рассказывать, что произошло. Вернее, он просто молчал.

— Кстати, раз уж ты всё равно пришёл. Я как раз собиралась звонить тебе вечером. Пришли результаты последних анализов. — Ведеева покачала головой и потёрла переносицу. Она всегда так делала, когда сомневалась или не была в чём-то уверена. — Знаешь, физически для твоих головных болей нет никаких причин. Можно сказать, ты здоров. Невролог, конечно, нашёл повышенную возбудимость нервной системы, но это не

может быть причиной. По крайней мере, тогда это не зависело бы от погоды. Мне всё больше кажется, что это психосоматическое.

Лай равнодушно пожал плечами. У него не было плохих воспоминаний, связанных с дождём. У него не было нелюбви к нему. Это у матери он всегда вызывал тревогу, она всегда раздражалась больше обычного в такую погоду. Может быть поэтому? Потому что она кричала на них?

— Тебе стоит сходить к психологу, Нэван. — Ведеева открыла дверь своего кабинета и пропустила его внутрь. — Обещай мне, что сходишь.

— Если найду время. — Лай вернулся в своё кресло и вытянул ноги. Никогда. Ему хватило тестов в полицейской академии.

— Ты вечно находишь причины не ходить. Это же совсем не страшно, даже интересно. — Ведеева ободряюще улыбнулась. Она искренне хотела помочь своему пациенту, делала всё возможное, но знала так мало.... — Кстати, как ты вообще оказался в том парке, почему на тебя напали?

— Тайна следствия. — Лай бросил шаблонную фразу. Доктор тем временем выкладывала на столик жутковатого вида измерительные приборы. — К тому же, вам это совсем не интересно.

— Ты прав, как всегда. Это называется вежливостью — интересоваться делами другого человека, даже если тебе они не очень-то интересны. — Доктор улыбнулась и подошла к Лаю. — Надо измерить пульс и температуру. Конечно, симптомы уже сильно смазаны за давностью, но что-нибудь думаю, найдётся.

Лай просто позволил доктору делать всё, что необходимо. Ведеева хмурилась и спешила, она явно приняла его апатичность за результат переохлаждения. Это было не так, вернее, не совсем так. Лаю казалось, что за утро он испытал слишком много эмоций. Сначала Мик в его квартире, потом ещё школа — слишком много на редкость паршивых воспоминаний. И почему только Эйчер решил, что именно школа была отправной точкой? Это могла быть одна из множества квартир. Лай прекрасно понимал — Эйч не ошибается, да и совпадение не могло быть случайным. Кто же тогда? Кто-то, кого он знал лично, кто-то, кто был до или после него? Последнее вряд ли, школу закрыли через несколько лет после того, как они с Эйчером выпустились.

— Сильного переохлаждения тоже нет. Я бы сказала, с учётом погоды этой ночью и твоей одежды, ты мог пролежать на земле часа три, в воде — не больше двух. — Доктор села за свой стол и начала выписывать рецепты. — Я сделаю сейчас тебе пару уколов. У тебя есть время? Ты мог бы поспать у меня тут.

— Есть немного. Благодарю. — Лай действительно был благодарен Ведеевой за то, что она не стала развивать мысль и спрашивать, где он был всю ночь. Разве что убийца сначала положил его на лавочку, а потом только оттащил под куст, при этом стараясь не разбудить.

— Что ж, отлично. Тогда на кушетку. Отдых тебе точно необходим, Нэван. — Доктор улыбнулась мягко и участливо, впрочем, как и всегда.

— Закончу расследование, возьму пару отгулов. Тогда и отдохну. — Лай выжал из себя ответную улыбку. Это было проявлением вежливости — отвечать на чужие улыбки. Сейчас ему больше всего хотелось вернуться домой, но он не мог. До тех пор, пока не разглядится потревоженная чернильная гладь воспоминаний о школе, он не хотел возвращаться к Эйчеру. Эйч поймёт, почувствует волны на этой глади, у него всегда это получалось, Лай не знал — как. Уже засыпая, он продолжал спорить с самим собой, убеждая себя, что остаться в

больнице, как и хотел Мик, было лучшим решением. И продолжал сомневаться.

Клавдий оперся локтями о подоконник и повернул голову к брату. Юлий сидел на том же подоконнике мужского туалета городского суда и курил, выпуская дым в открытую форточку. У них обоих скоро должны были начаться заседания, но время на беседу ещё оставалось.

— Что там будет? — Клавдий первым нарушил молчание и озвучил то, о чём думали они оба. Он достал из портсигара сигарету и сжал зубами. Прежде, чем ответить, Юлий наклонился вперёд, поджигая его сигарету от своей.

— Ловушка, разумеется. Не думаю, что он решил играть с полицией. Скорее, он решил избавиться от них. Я бы так и поступил. — Юлий безжалостно улыбнулся. Он защищал достаточно поджигателей, отравителей и убийц, чтобы знать, как работает их логика. — Зачем ты так откровенничал с Дэвисом? Он, конечно, забавен, но твои слова его испугали.

— Мы находили безумцев, тех, кто смотрел в глаза смерти с вожделением, усталостью, надеждой — с чем угодно, только не со страхом. У нас их целая картотека, список, кладбище, если хочешь. — Клавдий пожал плечами. Он рассказал правду инспектору Дэвису про того человека. Он не солгал ему ни в одном слове, только умолчал, сколько человек они находили потом, и что случилось с тем, первым. — Но тот был особенным.

— Да. Через два часа после суда он начал плакать и кричать, что ничего не совершал, что это ошибка. Что никто не имеет права казнить его без суда. — Юлий растягивал слова, перекачивал их на кончике языка и пробовал на вкус. Эту историю они знали из чужих уст и повторяли снова и снова много лет подряд. — Он не помнил ни убийство, ни процесс. Он всё отрицал и был прав. Тот человек действительно ничего не совершал и был осуждён без суда.

— Уникальный случай, справедливо осуждённый за убийство и казнённый невинным. — Подхватил Клавдий, почему-то эта история всегда вызывала в нём непонятный восторг. — У него было расщепление личности. Убивал и был осуждён один, понёс кару — второй.

— Тот, первый, больше не появлялся, он исчез после суда. — Юлий прикрыл глаза и выдохнул горьковатый пряный дым через неплотно сведённые губы. — Если бы кто-то и хотел узнать у него правду, он не смог бы. Казнён был невиновный. Никто так и не узнал, стал ли тот Ад, о котором он говорил, причиной этого разделения, или тот Ад видел лишь второй.

— Эта полная история, но Дэвису она бы не понравилась. Думаю, ему достаточно того, что он узнал. Он решит, что я поделился чем-то весьма личным, и будет очень осторожен. Это ведь высшая степень доверия, а доверие делает уязвимым. — Клавдий улыбнулся жестоко и холодно, не пряча свои желания и чувства под маской добропорядочного горожанина. Лишь Юлию дозволено было видеть его таким обнажённым. — Он ответит на доверие доверием, сам зайдёт в мои сети и обвяжется верёвками. Он будет моим. Ещё немного, всего пара деталей, и он больше не сможет противиться мне.

— Зачем он тебе, брат? По-твоему, он такая интересная игрушка? — Юлий ревниво надул губы. Ему не нравилось, когда брат обращал внимание на кого-то, кроме него, если, конечно, этот интерес не испытывали они оба.

— Он — самый короткий путь к Нэвану. Этот точно не подпустит к себе никого. А вот он уже нам интересен, не так ли? — Клавдий хищно прищурился, разглядывая лицо брата,

точно такое же, как его собственное. — Весьма любопытный экземпляр. Думаю, можно попробовать поиграть с ним.

— Рискованно. Он хорошо читает такие вещи. — Юлий затушил сигарету и спрыгнул с подоконника. — Возможно, ты прав. Если действовать аккуратно, может получиться. Нам уже пора. Я обдумаю твои слова, брат.

Клавдий улыбнулся и положил ладонь на плечо брата. Долгий взгляд в глаза — не дуэль, как бывало, разговор, безмолвный спор. Они почти что приняли решение, но время не дало им лишних минут. Братья Ланги не опаздывают на заседания суда. Они неотвратимы и пунктуальны. Таким было их правило — одно на двоих.

Глава 4 Огненные цветы в ночном небе

Что такое безумие? Нежелание принимать правила и законы общества, отсутствие сострадания? Или слишком глубокий уход в себя, стремление жить внутрь, а не наружу? Может быть, это разрыв между реальностью и её восприятием, видение того, чего не существует? Или неспособность контролировать собственные действия, мысли и слова? Или это что-то непонятное и пугающее, а от того опасное. Искажённое восприятие или навязчивые идеи. Или это просто слишком сильное отклонение от усреднённого значения мышления? Где та грань, что отделяет сумасшедшего от всё ещё нормального человека? Кто решает, где проходит эта грань? Можно ли оправдать преступника, если его отклонение достаточно сильно? Сослаться на то, что он не осознаёт, что делает? Нет. Он понимает и пропускает всю приходящую извне информацию через свои анализаторы, свой мозг. Отличие лишь в том, какую информацию он получает и по какой логике обрабатывает. Ничего не происходит без причины, никто не совершает нелогичных поступков, лишённых для него всякого смысла. Принять и понять иную, слишком отличную логику порой бывает невозможно — тогда такого человека называют безумцем. Наш мозг строит картину мира, которую считает объективной, исходя из того, что получает в качестве внешних данных. Любой мозг обрабатывает ту или иную информацию тем или иным способом. Каждый из нас живёт в весьма субъективно построенной объективной реальности. Ненормальной она становится лишь тогда, когда начинает отличаться от реальности большинства. Можно ли судить человека по законам, которые он не может или не хочет принять? Закон един для всего общества, поэтому есть лишь два пути — исключить человека из общества, либо судить его, вне зависимости от его восприятия.

Такова плата за слишком сильное отклонение от среднего. Изменение, иная логика, иное видение всего, что окружает. Отторжение общества и отторжение обществом. Весь объективный мир являет собой объединение субъективного восприятия населяющих его людей. Вероятно, всё странное и кажущееся нелогичным, что в нём происходит, всего лишь следствие влияния на объективную реальность субъективного мира безумцев. Всё, что меняет мир и заставляет двигаться вперёд. Безумие — это энтропия, непредсказуемость. Это то, что должно быть сведено к минимуму.

Так что же такое безумие? Где искать ответ на этот вопрос? В глазах тех, кто блуждает в собственных видениях или тех, кто считает себя не тем, кем является в наших глазах. Читать его в бесконечных строках на стенах больниц или в пустых переулках рядом с очередной зарезанной маньяком жертвой? Он уже есть, его только надо услышать, разглядеть в собственных ночных кошмарах, в том, что пугает в темноте. Его надо не побояться прочесть в собственном отражении, на страницах любимых книг. Заглянуть внутрь и не испугаться открывшейся бездны. Задать ей вопрос, мучительно, до боли вслушиваясь в тишину. Ответ — там, в глубине каждого разума, рискнувшего задать себе этот вопрос. Он там, он ждёт, пока его услышат. Ответ, который каждый должен получить для себя сам. Иногда увидеть грань можно, лишь переступив через неё.

Низкие, влажные, тяжёлые тучи прятали в своих недрах верхние этажи нового высотного здания в недавно расчищенном и застроенном районе города. Стоящие рядом дома, ещё недостроенные, пытались пробить дождевую хмарь красными размытыми

огоньками. Через некоторое время здесь будет элитный и дорогой район с охраняемыми парковками и парками, офисами важных фирм и клубами для избранных. Ещё один блестящий кусочек в мозаике города.

Мик заворожено смотрел вверх из-под зонта. Где-то там, на самой крыше была вертолётная площадка и кафе. Правда сейчас они скрывались в липком влажном тумане, во чреве рокочущей тучи. Когда уже закончится этот дождь?! Мику начинало казаться, что ещё немного, и на его плаще и зонте начнут расти грибы. Зария отчаянно чихнул и полез за носовым платком. После той закрытой школы Мику с большим трудом удалось уговорить его пойти с ним.

— Он просто одержим, это же очевидно. — Не слишком внятно пробормотал Зария в свой платок. — Одержим дьяволом.

— Кто именно? — Недоумённо посмотрел на него Чен. Он обычно не обращал внимания на бурчание Зарии, но и тот никогда прежде не высказывался настолько категорично.

— Убийца. Та школа, где он учился — точно проклятое место. И он такой же. Не уверен даже, что он человек! — По конец Зария уже откровенно истерил. Кажется, он действительно был очень напуган. Или очень простужен.

— Хватит, отставить панику. — Рывкнул Мик. Это уже переходило все границы, он многое позволял Зарии, но такое определёнno слишком. — Лейтенант Зария, мы имеем дело с человеком, никакие высшие силы тут не замешаны. Держи себя в руках, или мне придётся тебя отстранить.

По глазам подчинённого Мик прочитал, что тот вовсе не против такого исхода. Лойдс только ободряюще хлопнул напарника по плечу и улыбнулся, его всё это совсем не заботило, скорее наоборот — было интересно.

— Давно ждёте? — Лай подошёл неслышно, он всегда умел появляться незаметно откуда-то из-за спины. Мик привычно вздрогнул и ругнулся себе под нос. Нервы и так были натянуты до предела — им предстояло сунуться в пасть волка, совершенно не зная, что их ждёт.

— Почти полчаса. Ладно, не важно. Я получил разрешение. Лифты на ночь отключают, но для нас оставили грузовой. Он, кажется, работает всё время. Поднимемся на этаж и осмотримся. Дальше по обстоятельствам. — Мик шагнул под козырёк над входом и сложил зонт. Теперь отступать было уже поздно и как-то глупо. — Будьте очень внимательны, важным может оказаться всё, что угодно. Вперёд.

Мик зашёл в здание первым, за ним — Чен и Лай, потом сержант Ханнес и, наконец, Зария с Лойдсом, который его едва не тащил за руку. Сработали датчики движения, холл осветился тускловатым и каким-то неживым светом. Видимо, нормальные лампы ещё не поставили.

— Нам направо по тому коридору и вглубь. — Мик махнул рукой в сторону какой-то тёмной двери сбоку от стойки администрации. Он долго изучал схему здания перед тем, как отправиться сюда. Лифт у них был только один — грузовой для обслуживающего персонала и рабочих, по лестнице на тридцать второй этаж подниматься безопасней, но труднее. Из лифта они почти сразу попадали в ресторан, так что времени переформироваться у них просто не будет. — И парни, ещё раз, будьте внимательны. Мы не знаем, чего ждать.

Грузовой лифт они нашли без проблем, Чен нажал кнопку вызова. Ждать пришлось долго — то ли он ехал с последнего этажа, то ли не очень-то спешил. Мик успел

занервничать, да и тихое бормотание Зарии совсем не успокаивало. Он уже успел пожалеть, что взял его с собой, но обычно религиозность не мешала лейтенанту работать. Конечно, заброшенная школа была жутковатым местечком, но они же жили не в средние века, чтобы верить во всякую чертовщину! Зария же не первый раз участвовал в расследовании серийного убийства и никогда раньше не сомневался в человеческой природе преступника.

Наконец двери лифта медленно и со скрипом разошлись в стороны. Здание совсем недавно сдали в эксплуатацию — они либо не успели разработаться, либо изначально были слишком тугими. О втором варианте не хотелось думать — Мика совершенно не грела мысль застрять в лифте с подчинёнными и Лаем. Он всё-таки не настолько был женат на работе.

— Лай, что сказала доктор? — Мик решил воспользоваться временем, пока лифт неторопливо ползёт вверх. Всё равно слушать бормотание Зарии он уже не мог.

— Я почти полностью здоров. Небольшое сотрясение, слегка продрог и нахлебался грязной воды. — Лай пожал плечами. Он и сам не понимал многого, но посвящать Мика в свои опасения не собирался. — Я в норме.

— Понятно. — Мик как-то неуверенно кивнул. Лай не стал бы врать в таком важном вопросе — они не на пикник собирались, значит, утаивать правду опасно. На него полагаются, и он не должен, не имеет право подвести.

Лай прекрасно это понимал, но после нескольких часов сна и пары уколов он действительно чувствовал себя намного лучше. Как будто просто не выспался. Лифт полз, номера этажей, помаргивая, сменяли друг друга. Как в дурном ужастике — сейчас мигнёт и погаснет свет. Лай отбросил глупые мысли — и так Зария наводит жути своими нескончаемыми молитвами и заговорами от зла. Как будто это может сработать, даже если там действительно сидит демон. Для экзорцизма нужна искренняя вера, а не фанатизм и три горсти суеверий. И уж точно не страх. Страх лишь питает подобных тварей. Лаю в детстве нравилось думать, что его школа действительно одержима, он ходил по ночам и искал тёмных тварей. Эйчер тогда часто ходил вместе с ним, он, казалось, совсем не боялся, только иногда начинал не к месту смеяться. Почему-то тогда это пугало даже больше всяких неясных теней. Словно он что-то слышал или видел такое, чего не видел и не слышал Лай. Наверное, так оно и было.

— Какого свинорылого дракона он ползёт так медленно. — Чен несильно стукнул кулаком в стенку лифта. — Из-за этого бормотания Зарии мне кажется, что он везёт нас в Дию!

— Куда? — Сержант Ханнес заинтересованно посмотрела на стершего коллегу. Ей как-то удавалось сохранять спокойствие.

— Это китайский ад. — Чен уже успокоился. Табличка с номерами этажей мигнула и погасла, двери начали медленно открываться. — Наконец-то. Зария, заткнись уже!

Лай хмыкнул и первым шагнул наружу, не дожидаясь, пока двери лифта полностью откроются. Небольшой коридор, достаточно широкий для переноски чего-нибудь крупногабаритного. Дальше шла зала ресторана, заставленная столиками и абсолютно пустая. Тишина была такой полной, что никто, даже Зария, не решился нарушить её.

Лай медленно прошёл между столиками — никаких улик, следов, знаков, которые им мог оставить преступник. Свет строительных огней и окон соседних домов, рассеиваемый и отражённый низкими тучами, казался каким-то призрачным. Нереально. Лай двигался словно во сне, в полной тишине и неестественном свете.

— Как тихо. — Первой заговорила Ханнес, кажется, у неё оказались самые крепкие

нервы или самое слабое воображение. — Я ничего не вижу здесь.

— Попробуйте посмотреть под столами, за стойкой. Что-то должно быть. — Мик вовсе не чувствовал той уверенности, которую попытался вложить в свой голос. Получалось, он зря притащил своих людей сюда на ночь глядя, переполошил строительную компанию, владельцев ресторана, ещё и Хэрли потом будет зудеть.

— Если и не будет ничего, тем лучше. — Жизнерадостно ответил Лойдс. Он старался поддержать разговор, чтобы тишина снова не украла все звуки. Лай вполне мог понять его, ему и самому начало казаться, что он не слышит стук собственного сердца. — Никто не пострадает, мы просто уйдём отсюда. Не переживай, инспектор. Если что — я не в обиде. Может, та девчонка просто очень хотела сюда попасть.

— Может, и так. — Мик почти не сопротивлялся жизнерадостному напору своего подчинённого. Может быть, так действительно лучше?

— Инспектор! — Голос Зарии дрожал, когда Мик повернулся и поймал его взгляд, он увидел в его глазах ужас. — Инспектор, я могу ошибаться, но тут..., - он указал куда-то под столик, — бомба.

— Какого.... — Мик оказался рядом с ним за считанные секунды, Ханнес едва не врезалась ему в спину.

К крышке столика снизу был прилеплен прозрачный пакет. Сквозь него хорошо была видна взрывчатка и идущие от неё проводки. Видимо, она управлялась дистанционно, когда именно произойдёт взрыв, угадать было невозможно. Может быть, всего лишь муляж. Может быть, им осталось жить пару секунд.

— Уходим отсюда, немедленно! — Лай резко тряхнул Мика за плечо. Если убийца следил за ними, он мог уже заносить палец над кнопкой. — С нами не играют, Мик. Нас хотят вывести из игры!

Лай сам не узнал собственного, ставшего вдруг хриплым, голоса. В голове было легко, сердце билось где-то в горле, а в мышцах покалывало. Это страх? Когда поднимаются волоски на шее, и пальцы подрагивают.

— К лестнице! — Рывкнул пришедший в себя Мик. Он не собирался геройствовать и пытаться обезвредить бомбу. Это самоделка, тут нужен опыт и чутьё. В ней нет таймера, он даже не знает, сколько у него времени, и есть ли оно вообще. В конце концов, он не собирался рисковать людьми. И это всё равно ничего им не дало бы. Лай прав, мелкий чертяка!

Возвращаться к лифту было рискованно, если бомба взорвётся, они просто упадут вниз. На тридцать два этажа. Мик выломал пожарную дверь плечом, он и сам потом не мог понять, откуда взялись силы. Просто кроме него никто не смог бы. Ханнес он втолкнул первой — девушка, да и просто попалась под руку. Лойдс втащил Зарию почти силой — тот не сопротивлялся, скорее, впал в ступор.

Лай успел обернуться. Как в странной замедленной съёмке стол просто перестал существовать. Он уже стоял на пороге, снаружи был только Чен — он ушёл дальше всех от двери, когда искал следы. Лай протянул руку и схватил его за ворот куртки. Рванул вниз и по кругу — буквально отшвырнул к стене. Так медленно. Даже сердце стучит раз в минуту — не чаще. Время пружиной раскрутилось и замерло на пару секунд в наивысшей точке. Ханнес захлопнула дверь и прижалась к ней спиной. Её отшвырнуло почти сразу. Но потом к двери прижались Мик, Зария, Лойдс и Лай. Пружина с треньканьем разжалась. Время снова начало бежать с дикой скоростью.

Дверь быстро накалилась, за ней творился настоящий ад. Мик стиснул зубы и прикрыл глаза — если отпустит, весь этот ад прорвётся сюда. Лойдс хрипел рядом, Зария молился, Лай сидел с таким же отрешённым выражением лица и диким взглядом. Ханнес тихо скулила, баюкая левую руку — то ли сломала, то ли вывихнула.

Больше книг на сайте — Knigoed.net

— Инспектор. — Голос Чена был каким-то непривычно высоким. — Инспектор Дэвис.

Мик открыл глаза. Из ноги у Чена торчал здоровый осколок дерева.

— Лай, Лай, придурок, очнись! — Мик пнул в бок напарника. — Ты хоть что-то в этом смыслишь? Всё время же в морге ошиваешься!

— Сейчас. — Лай ответил как-то слишком спокойно и почти равнодушно. Он не чувствовал ни страха, ни волнения, только абсолютное, пугающее спокойствие. Чен едва не отмахнулся от такого предложения. Он всё ещё считал, что в морг ему рановато. — Если задета бедренная артерия, то всё. Если нет, дотащим.

— Что значит всё? — Пискнула Ханнес.

— Значит, он истечёт кровью и при том очень быстро, — раздражённо пояснил Лай, — это одна из самых крупных артерий в человеческом теле. Лучше дай сюда свой шарф, попробуем сделать жгут. Мик, не тупи. Подопри чем-нибудь эту проклятую дверь. Мы не можем здесь сидеть. Там куча всякого пластика, дым уже просачивается. Мы не сгорим, мы задохнёмся!

— Ты прав. Зария, Лойдс, быстро найдите мне хоть что-то. — Мик тяжело вздохнул. Лай прав, как всегда. Теперь главный вопрос — куда идти, вверх или вниз. Дым будет подниматься вверх, к крыше и вертолётной площадке. Ещё он, скорее всего, заполнит вентиляцию. Если огонь перекинется на нижние этажи, шансов у них не будет. Если распространяться будет только вверх, они смогут уйти. Хуже, если здание начнёт рушиться. К тому же, на лестнице может образоваться что-то вроде аэродинамической трубы, тогда им точно конец. Мик мотнул головой, пытаясь прочистить мысли. Конечно, в академии и на всякие курсах и инструктажах им рассказывали о пожарах и последовательности действий, но он уже плоховато помнил детали. Если они здесь сгорят, он будет являться архитекторам этого импровизированного крематория лично. Мик медленно вдохнул и резко выдохнул. С каждой минутой шансы уменьшались. Искать их тут никто не будет, когда приедут пожарные — неизвестно. Рассчитывать они могли только на себя.

— Кто-нибудь, проверьте телефоны. Может, добьёт. — Мик подвинулся, давая Лойдсу и Зарии место, чтобы подпереть дверь найденным где-то сейфом. Ему даже думать не хотелось, откуда они его взяли.

— Глухо, сигнал не проходит. — Ханнес дрожащей рукой убрала телефон в карман. — Тут куча высоток и строительной техники. Да мало ли. Сигнала нет, инспектор.

Мик мысленно выругался и дал себе увесистого пинка. Ханнес сейчас просто разревётся, Лойдс и Зария смотрят на него как на последнее спасение, Лай пытается шарфом перетянуть ногу Чена. Если он сейчас же не примет решение, они все погибнут.

— Так, команда неудачников. Сейчас мы в ловушке, и вариантов у нас всего два. Идти наверх и надеяться, что нас увидят, спасут, или что там ловит мобильный. — Мик встал и с трудом выпрямился. Ему казалось, что со спины слезла вся кожа. — Второй вариант — идём вниз и надеемся, что не задохнёмся. Там тоже может пробить сигнал и там, если что — выход на улицу.

— Ты забыл самое приятное. — Лай криво и очень недобро усмехнулся. В начавшем

просачиваться дыму его лицо казалось почти демоническим. — Здание может рухнуть. Или начать заваливаться. В любом случае, торчать здесь нет смысла, если только никто не хочет умереть в роскоши.

— Верно. Подъём, ребята. Мы с Лаем будем помогать Чену. Зария, Лойдс, на вас Ханнес. — Мик сжал руки в кулаки и судорожно выдохнул. Сейчас он не может позволить себе панику. Не имеет права, он не один. — Не спорить. Будем меняться, когда устанем. Вы двое — резерв сил.

— Хорошо, но каждые три пролёта, инспектор. Вы уже не так молоды, чтобы тащить этого китайца в одиночку. — Лойдс протянул руку Ханнес, помогая девушке подняться.

Лай только усмехнулся и помог Мику поднять потерявшего сознание Чена. Первые несколько шагов дались тяжело, потом они привыкли. Внизу дыма пока не было, но идти слишком быстро всё равно не получалось.

Через два пролёта Чен пришёл в себя и даже дёрнулся, попытавшись освободиться из рук Мика и Лая. Потом затих, постарался двигаться вместе с ними и больше не мешать. Ещё через пролёт Лойдс едва ли не силой отобрал его у инспектора. Только избавившись от ноши, Мик понял, каким тот был тяжёлым. Спина и плечи немилосердно болели, но они прошли всего-то полтора этажа. Впереди ещё восемнадцать с половиной, а воздух уже стал заметно горячее.

— Через каждые два этажа проверяем телефоны. — Устало выдохнул Лай. Голова предательски кружилась, а ноги подкашивались. Организм успел исчерпать все свои резервы ещё утром, когда он пытался добраться до дома. Хотелось есть, он даже не смог вспомнить, когда и что ел в последний раз. Не считать же за завтрак кружку крепкого кофе? Надо было стащить у Эйчера хотя бы горсть конфет.

Мик аккуратно придержал за плечи Ханнес и пошёл вниз вслед за Лойдсом и Зарией. Последнему тяжесть висящего на нём тела коллеги явно шла на пользу. Он был занят делом и совершенно не отвлекался на свои мрачные приметы и молитвы.

— Не стоило соваться сюда, никого не предупредив. — Лай тяжело дышал и поминутно вытирал со щёк выступившие слёзы. — Вопли Хэрли пережить легче, чем этот проклятый дым.

— Не так ещё и задымлено. — Отмахнулся Мик. Он и сам понимал, что поступил по-мальчишески глупо, хотя сам осуждал Лая за самодеятельность.

— Я уже предвкушаю. — Ядовито улыбнулся Лай. Настроение было не просто паршивым, оно было почти похоронным. Наверху что-то закрипело и грохнуло. Кажется, вздрогнул даже Чен, снова успевший впасть в забытие. Щупальца дыма просачивались через воздухопроводы, вентиляторы гнали его на все этажи. Противопожарную сигнализацию установить ещё, видимо, не успели.

Не сговариваясь, Лойдс и Зария пошли быстрее. Напрягая все мышцы, они тащили Чена вниз. Мик тоже прибавил шаг, придерживая за плечи Ханнес. Лай был вымотан настолько, что даже не пытался помочь. Его сил едва хватило на то, чтобы заставить себя подставить плечо на пересменке. Под тяжестью Чена он едва не рухнул на бетонный пол. Ребята и так отмахали два этажа, на пролёт больше, чем договаривались.

Потом они сменились снова, и ещё раз. Лай уже ничего не соображал, едва не выплёвывая лёгкие от кашля. Спина и плечи лопались от боли, ноги подкашивались и дрожали. Он не знал, на каком они этаже, и сколько ещё идти. Лестница казалась бесконечной.

— Кажется, сигнал есть. Парни, сигнал! — Ханнес прижала телефон к уху. Мик накрыл её руку своей — пальцы девушки так дрожали, что она вполне могла его выронить.

Противно заверещал чей-то телефон. Лай воспользовался тем, что они остановились, и сгрузил Чена пол. Мик, грязно ругаясь, вытащил мобильный и приложил к уху.

— Что? Какого... тебе надо, Ланг? — Голос Дэвиса хрипел и срывался. Почему Клавдий позвонил ему, что ему может быть нужно сейчас? — Где мы? Что значит, где мы? Ребята, какой этаж? — Мик прикрыл рукой телефон и посмотрел на Лойдса.

— Тринадцатый. Мы прошли семь этажей. — Лойдс сидел на ступеньке и ошалело смотрел на начальника.

— Тринадцатый, — эхом повторил Мик, — хорошо. Ждём.

— Что это было, Мик? — Лай закашлялся и потянулся к Чену. Тот совсем сполз на пол, его надо было поднять, чтобы он не задохнулся.

— Эти пройдохи, кажется, подогнали сюда пожарных. Нам сказали ждать здесь, если получится. — Мик ошалело уставился на друга, мысли в его голове ползали как надыхавшиеся дымом улитки.

— Тогда помоги мне поднять его. Надеюсь, они скоро придут. — Лай упёрся руками в пол и подтянул ноги. Ему и самому не помешала бы помощь, но просить о ней он не стал.

Ждать пришлось действительно не долго. Ближайшую дверь на этаж буквально выломали. Лай едва не рассмеялся, когда увидел неуклюжие фигуры в красных несгораемых костюмах. Эти самые фигуры достаточно ловко уложили Чена на носилки и натянули на оставшихся респираторы. Дышать стало легче, но голова всё равно кружилась, а пол плыл под ногами. Дальнейший спуск он помнил плохо. Бесконечные лестницы, чьи-то руки в красных перчатках, что поддерживали его. Кажется, он пытался отбиваться. Остальным было не лучше, Чен хотя бы был без сознания почти всё время.

Лай буквально рухнул на асфальт, судорожно отплёвываясь от дыма. Рядом сидели Мик и Зария. Куда делись Лойдс и Ханнес, он не видел. На улице шёл дождь, благословенный холодный дождь, смывавший с асфальта потёки копоти. Пожарные всё ещё пытались там что-то тушить.

— Живые всё-таки. — Клавдий Ланг остановился рядом с Миком и наклонился. В его усмешке читалось неприкрытое самодовольство.

— Какого ты тут забыл, Ланг? — Мик закашлялся и огляделся. Чена уже грузили в машину скорой помощи, Ханнес что-то доказывала усталому врачу в мокром белом халате, размахивая здоровой рукой. Лойдс и Зария стояли рядом с пожарной машиной и растерянно озирались. Все на месте и живы. — И что здесь вообще происходит?

— Никакой благодарности. — Покачал головой второй из братьев Лангов. — Могли бы и спасибо сказать за спасение ваших жизней, инспектор.

Мик пробурчал что-то невнятное, не слишком сильно похожее на "спасибо". К нему подошёл один из врачей, помог подняться на ноги, укутал покрывалом и прижал к лицу кислородную маску. Увести себя Мик не дал.

— Мы подозревали, что это ловушка. К счастью для вас, мы тоже видели тот флайер. — Второй Ланг пожал плечами. Кажется, происходящее его только забавляло. — Догадаться, что вы пойдёте сюда без санкции старшего инспектора Хэрли, тоже было не трудно. Мы не знали, конечно, что именно он задумал, поэтому пригнали сюда всё, что смогли. Пожарных, медиков, специалистов по биологическому, радиоактивному и химическому заражению,

эпидемиологов, сапёров.

— Последнее было не лишним, хотя они всё равно не успели бы. — Прохрипел Лай, он стоял, кутаясь в такое же, как у Мика, покрывало и прижимая к лицу кислородную маску. — Зачем?

— Нам было любопытно. Если честно, хочется всё-таки лично пообщаться с этим маньяком. — Первый Ланг заинтересованно посмотрел на Лая, словно только сейчас его заметил. — У нас были свои цели и свои планы — и на него, и на вас. Так что не стройте себе никаких иллюзий.

— Я и не строю, Клавдий Ланг. — Лай усмехнулся, его умение различать братьев ужасно их раздражало. — Но вы были очень вовремя.

— Этот убудок совсем зарвался. Хорошо хоть там не было никого. — Мик снова прижал ко рту маску. Он старался дышать как можно глубже и чаще, от избытка кислорода кружилась голова.

— Никого, кроме нас, Мик. Он хотел вывести из игры нас и только нас. Убивать посторонних он не намерен. — Лай дошёл до пожарной машины и устало опустился на ступеньку. Ноги подкашивались, а ему совершенно не хотелось упасть на асфальт к ногам Лангов. — Он всё просчитал. Даже то, что мы пойдём после конца рабочего дня. Никто не должен был пострадать. Кроме нас. Ему даже не обязательно было следить за нами, он мог просто установить таймер. Активировать, когда, например, мы вошли в здание.

— Хочешь сказать, нам ещё крупно повезло? — Мик зябко поёжился. Бомба могла взорваться, когда они были в лифте или когда только выходили из него. Тогда у них не было бы ни шанса.

— Мне кажется, он не хотел убивать, только вывести из игры на долгий срок. — Лай закрыл глаза, голова кружилась так сильно, что он переживал даже за ту давно выпитую чашку кофе. — Хотя может быть, я просто его переоцениваю. Так или иначе, нам надо проверить, вписывается ли это здание в схему.

— Какую схему? — Клавдий Ланг достал из кармана плаща блокнот в кожаном переплёте с выдавленными на обложке инициалами. Они с братом иногда менялись ими, когда хотели кого-нибудь позлить.

— Прошу вас не требовать от моих пациентов слишком многого! — Незнакомый мужчина, полный и лысоватый в белом халате остановился рядом с братьями Лангами. — И не мешайте им дышать кислородом!

— Кто здесь главный? — Хмурый мужчина в красном защитном костюме неодобрительно посмотрел на врача. — Сколько человек было в здании?

— Моих пятеро кроме меня. Больше никого не должно было быть. Мне сказали — здание полностью в нашем распоряжении. — Мик пожал плечами. Если преступник был внутри — это его проблемы. — Можете ещё уточнить у компании-владельца.

— Благодарю, надеюсь, больше никого. Пожар мы локализовали, конструкции вроде бы должны выдержать, но вы бы уезжали отсюда. — Пожарный поднял голову и посмотрел наверх. Дым всё ещё валил клубами, освещаемый редкими уже всполохами пламени.

— Ладно, разочтёмся и поговорим позже. — Клавдий Ланг полушутливо отдал честь Мику и Лаю и, кивнув брату, направился к припаркованной в стороне машине.

Мик нахмурился и покачал головой. Ему не понравились слова Ланга, быть должным такому человеку — слишком опасно. С другой стороны, он был жив, и его ребята — тоже. Чтобы там ни говорил Лай, они все могли там погибнуть. Должны были погибнуть. Доктор

увёл их к машине скорой помощи и усадил внутрь. Мик не сопротивлялся, сил у него на это уже не было. Напряжение постепенно отпускало, бетонной плитой навалилась усталость. Рядом натужно кашлял Лай, в соседней машине тайком от врачей переругивались Зария и Лойдс. Они выжили. После того, как Зария обнаружил бомбу, у него не было ни секунды на то, чтобы остановиться и осознать произошедшее. Они спускались вниз, кое-как тащили Чена. Они боролись, старались не задохнуться, спешили. Теперь — всё, можно никуда не спешить, ни за кого не отвечать. Они живы, все живы. Мик до сих пор с трудом в это верил. Конечно, они работают с Лаем в паре, но Чен, Ханнес, Зария и Лойдс подчиняются ему, и это именно он повёл их сюда, без санкции Хэрли и прикрытия. А если бы они пришли днём, а если бы не пошли вовсе? Сейчас это уже было совершенно не важно.

— Лай, какого дьявола? Лай.... — Мик говорил тихо, словно боясь спугнуть тишину. Время, до этого гнавшее с бешеной скоростью вместе с дымом вниз, затормозило, почти остановившись.

— С ним всё будет в порядке. С Ченом. И с остальными тоже. Со всеми нами. — Лай говорил так же тихо, он сидел почти неподвижно, глядя в потолок машины. — Я есть хочу. Сутки уже без еды.

— Вот ведь чертяка! Ты же сам чуть не стал хорошо прожаренным бифштексом. — Мик хрипло рассмеялся. Напряжение и запоздалый страх отступили, уступив место неоправданному, непонятному веселью.

— Скорее копчёным окороком, Мик. Знаешь, если бы мы не были знакомы, это была бы та самая необычная ситуация, в которой мы могли бы познакомиться. — Лай тоже улыбнулся одними губами. Его трясло, тело ныло и болело, как будто его несколько часов избивали. — Жаль, не смогли познакомиться с нашим маньяком. Это была бы забавная встреча.

— Ты псих больной, Лай. Ты — совершенно больной псих. Тебе этого никто не говорил? — Мик положил руку на плечо друга. Почему-то сейчас он был даже рад, что они здесь, вместе. Конечно, без взрыва было бы лучше, но без Лая... никак. Упрямый, замкнутый, колючий, но до безрассудного смелый, нет, скорее, просто плюющий на опасность и риск. Лай знал, что они выберутся, откуда-то он знал это с самого начала. Мик увидел это в его глазах и поверил. Как оказалось — не зря.

Лай кивнул и откинулся на спинку сиденья, закрепил ремешки на кислородной маске. Убийца сделал свой ход, сильный и жестокий. Они потеряли Чена — он ещё долго не сможет работать, значит, не будет рядом того, на кого Мик сможет спокойно оставить своих людей. Это связывало им руки. Зарии и Лойдсу тоже потребуется время на то, чтобы прийти в себя. Они с Миком не могли позволить себе такой роскоши. Каждый день промедления может стоить им человеческой жизни и, что ещё хуже, возможности поймать серийного убийцу. Этот раунд приходилось признать проигранным. Лай едва заметно, одними краешками губ, улыбнулся. Он был уверен — время взрыва было рассчитано так, чтобы они сумели уйти. Если бы не Чен, они и спустились бы гораздо быстрее. Могли успеть. Убийца всё рассчитал. Что бы там ни думал Мик или братья Ланги, Лай был уверен — убивать их не собирались. Припугнуть, отправить в больницу — да, но убивать — нет. Они не вписываются в женский портрет, который он собирает — совершенно не вписываются. Да и пожаров за последние лет тридцать в школе не было. Лай успел почти задремать, когда машина, наконец, тронулась с места. Им предстояла ночь в больнице как минимум. Оставалось надеяться, что хотя бы утром их отпустят. Он должен вернуться домой, должен,

во что бы то ни стало. Он дал слово тому, кто ждёт его там. Кто всегда будет его ждать. Он должен вернуться к Эйчеру. Они не могли погибнуть сегодня, он ведь обещал....

Клавдий откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. Это оказалось гораздо более захватывающим приключением, чем он ожидал. Забавно. Взрыв, в котором никто не погиб, хотя казалось бы — обречены были они все. Тонкий расчёт, намёк или что-то намного большее?

— Ты настоял на том, чтобы мы поехали. Мы могли оставить их в неведении, брат. — Юлий улыбнулся и продолжил накручивать на палец волосы Клавдия. Длинные прядки скользили по его ладони. Юлий пропустил их между пальцев, позволил водопадом стечь на плечо Клавдия. — Тебе так сильно нужна услуга Дэвиса и Нэвана?

— Ревнуешь? Нет, мне захотелось посмотреть. — Клавдий усмехнулся, ему льстило то, как последовательно и почти без изъяна Юлий выстраивает стену между ними и окружающим миром. — Подумай сам. Это больше не обычный маньяк-убийца. Это человек, способный собрать и пронести бомбу, рассчитать время, всё подготовить и прямо хоть и не без изящества заманить в ловушку полицейских.

— Вот только собирался ли он это делать? Собирался ли он их убивать? — Юлий оставил в покое волосы брата и отвернулся к окну. Он всё ещё ощущал запах горящего пластика и дыма. — От ответа зависит — промахнулся ли он или, наоборот, великолепно исполнил план.

— И впрямь. Промах ли это был? — Клавдий провёл рукой по стеклу, словно пытаясь стереть следы от капель с другой его стороны. Бесполезно. Так же бесполезно, как и пытаться угадать его следующий ход.

— Это становится интересным. Может быть, мы всё-таки сможем найти нужного нам человека и завершить свою коллекцию? — Юлий снял очки, на тонких стёклах отражались блики пронесшихся мимо фонарей и витрин. Так забавно, весь город дрожал в их поверхности, словно в капле воды. Весь город, что был в их руках, но был им не нужен. Они оба искали иное: тёмное, глубокое, гораздо более сильное, чем деньги или власть. Потому что то, что они искали, не интересуется ни деньгами, ни властью. А значит, не подчиняется им. Они искали истинное безумие, силу, выше которой нет ничего.

Эйчер нажал кнопку приёма на своём телефоне. Там был только два номера — экстренный Лая и Криса — на всякий случай.

— Эйч, как ты? — Голос Лая звучал как-то хрипло и взволнованно. Что-то произошло — это Эйчер знал и без звонка. Иначе он вообще не стал бы звонить.

— Как ты? — Эхом отозвался он, не зная, что ответить. Ему требовалось время, чтобы сформулировать то, что не испугает Лая. Как...?

Ему пришлось выйти из дома за едой и в прачечную. Обычно Лай закупал продукты по дороге с работы, но в этот раз они просто кончились. Эйчеру пришлось одеваться и идти в магазин. Его рубашка была в стирке, и пришлось надевать ту, что обычно носил Лай. Ему не нравились чужие вещи. Хотя сам поход в магазин был не такой уж сложной задачей, но всё-таки неприятной. Обычно, если была такая необходимость, он ходил в круглосуточный ночью. В магазине было слишкомлюдно, он шарахнулся от какой-то женщины, которая задела его плечом, и чуть не свалил стенд с шоколадными батончиками. Она даже не заметила. Ему говорили в детстве, что он слишком погружён в себя, но ему казалось —

намного меньше, чем "нормальные" люди. Голова потом болела ещё несколько часов.

В прачечной было самообслуживание, и из посетителей — только старый китаец. Тому было всё равно, он просто сидел и читал свою газету, дожидаясь конца стирки, а стирал он, кажется, на всю семью. После магазина Эйчеру казалось, что и этого слишком много. Ему нравилось гудение стиральной машины, поэтому он всегда сам ходил в прачечную. У Лая почти никогда не оставалось времени на стирку, поэтому он согласился, хотя его и бесило то, что Эйчер вынужден выходить из дома. Единственное, что его примиряло с этой необходимостью — это то, что в прачечной обычно почти никого не бывает.

Пока бельё стиралось, Эйчер успел немного прийти в себя. Он стоял, выстраивая рядами капсулы с порошком, всего тридцать две штуки — это помогало привести мысли в порядок. Всё идёт хорошо, так, как и должно быть. Лаю ничего не угрожает. Повторять это как молитву, пока крутится барабан машинки. Осталось совсем немного, пазл почти дособран. Ещё немного подождать.

Эйчер два раза обжёт руку, пока готовил. Второй раз он этого даже не заметил. Его кожа была не такой чувствительной к боли, зато он ощущал до болезненного остро любое неосторожное прикосновение — неприятное, оставляющее навязчивый след.

Вкус приготовленной еды ему не понравился, но он упрямо доел всё и полчаса потом мыл одну и ту же тарелку. Всё-таки он переживал. Успокоиться до конца не получалось.

Из всего этого надо было выдать лишь то, что не заставит волноваться Лая. Ему сейчас нельзя думать о нём больше, чем о работе.

— Всё нормально? — Лай говорил простыми шаблонными фразами — он не один, рядом кто-то есть. Лай никогда не сказал бы "нормально". Это слово было не для них.

— Всё нормально, — повторил Эйчер и замолчал на пару секунд. Нельзя дальше тянуть, иначе он что-то может заподозрить. — Хорошо. Когда будешь?

— Думаю, смогу вырваться в обед. Но переночую в больнице. — Молчание. Он не ждал, что Эйчер что-то скажет, просто делал вид. — Ничего серьёзного, просто не хотят отпускать. Не переживай и ложись спать.

Как будто говорит с подружкой. Эйчер медленно кивнул, потом ещё раз. Да, я не буду волноваться, меня это вообще не волнует. Указательный палец рисует на столешнице круги. Больше, меньше, снова больше. Спокойно и закрыто. Это — безопасность, это — защита. Ему — меньше, Лаю — больше.

— Хорошо, я буду ждать тебя дома. — Эйчер с трудом подавил в себе необходимость повторить его фразу. Нельзя, слишком часто — опасно. Ему редко приходилось лгать Лаю — только в таких ситуациях.

— До встречи. — Гудки. Просто обозначить, что не придёт. Просто хотел услышать голос, или соскучился? Эйчер постоял ещё немного, слушая гудки, потом положил трубку и пошёл на кухню. Ещё одна бессонная ночь. Губы кривились желанием рассмеяться. Так можно было сбросить напряжение, выплеснуть всех людей, которых он касался, чьи разговоры слышал. Их было много, они мешали.

Эйчер взял с полки пачку и рассыпал по столу сигареты. Он пересчитывал их снова и снова, каждый раз брал последнюю и зажигал от предыдущей, пока не осталось тридцать две штуки. Сидеть на кухне, пить кофе и курить всю ночь напролёт. То, о чём Лай никогда не узнает. Бесконечная череда ночей без сна. Он придёт, он обещал, он обязательно придёт.

Мик откинулся на спинку кровати и закрыл глаза. Его только недавно оставили в покое,

закончили процедуры и поставили капельницу. Чена увезли на переливание почти сразу, врач сказал, если бы не жгут — мог бы не выжить. У Ханнес оказался просто вывих, она ещё легко отделалась. Остальных обещали отпустить утром, если не будет осложнений.

Дверь открылась, впуская в палату плотного мужчину с седеющими волосами и лицом строгого учителя. Или какого-нибудь пехотного генерала.

— Доброй ночи, старший инспектор Хэрли, какими судьбами? — Мик приподнялся и оперся спиной о подушку. Он не ждал своего начальника раньше утра.

— Какими? Ты смеёшься надо мной, Дэвис? Ты сначала приходишь ко мне, ничего не объясняя, просишь выдать тебе разрешение на обыск в недостроенном элитном здании. — Хэрли подтащил стул к кровати и развернул его спинкой вперёд, уселся, скрестил руки на груди. В его взгляде мешались праведный гнев, возмущение, облегчение и любопытство. — А потом меня выдёргивают из постели сообщением о том, что два моих инспектора, три лейтенанта и сержант доставлены в больницу, а то элитное здание полыхает так, что с другого конца города видно. Как это понимать, Дэвис?

— У нас была зацепка. — Мик обречённо вздохнул. Выкрутиться не получится, разве что сказать не всё, только необходимое. — Улика, мы пошли её проверить.

— И это оказалась ловушка, так? — Хэрли усмехнулся. Мик знал эту ухмылку — ему предстояло выслушивать долгую проповедь о том, как полезно подозревать людей в худших их проявлениях. И о том, как важно прикрывать тылы. Конечно, Хэрли был прав, они облажались, так что кара была вполне заслуженной. — Ты хотя бы заподозрил, что это может быть ловушка?

— Лай был в этом уверен. Да что там, это было просто очевидно! — Мик сжал кулаки, противно запищали аппараты, предупреждая о резком увеличении показателей. — Но у нас нет других зацепок. Этот убудок нам ничего не оставляет! Мы не могли не пойти. Да и кто же мог предположить, что он взорвёт там самодельную бомбу?

— Мог бы взять с собой сапёров. Дэвис, я всё понимаю, но это уже никуда не годится. Ты запросил разрешение работать во всех районах города без привлечения местных полицейских. Я дал тебе его. — Хэрли положил руки на спинку стула и слегка откинулся назад. Мик поморщился, старший инспектор был не в духе. В отделе такое его состояние называли "режим инквизитора". Этот режим мог проявляться по-разному, сейчас Хэрли явно был настроен поиграть в медленные и неторопливые нравоучения. — Ты попросил в напарники инспектора Нэвана, я дал тебе его. Нэван уже второй раз в больнице, муниципалитет понёс огромные убытки. Кто, скажи мне, будет компенсировать стоимость уничтоженного здания? Да там ремонт будет дороже стоить, чем строительство. Верхние этажи прогорели полностью, всё задымлено, часть конструкций перегрелась и деформировалась.

— Тогда часть компенсации на себя придётся взять строительной компании. Они явно нахалтурили с проектом. Дым шёл не только вверх, но и вниз по вентиляции. — Мик попытался защититься, свалив всё на строителей. Глупо было рассчитывать, что Хэрли не заметит его уловки — ответить только на последний вопрос. — Не думаю, что серийный убийца — миллионер. Денег от него точно не дождёшься.

— Верно, верно. Кстати, спасибо что напомнил, Дэвис. — Хэрли растянул губы в многообещающей улыбке. Мик заранее напрягся, он пытался понять, где именно и что он сказал не так. — Я ведь предупреждал тебя держаться подальше от Лангов. Предупреждал же?

— Предупреждал, — нехотя согласился Мик, — но что я могу поделаться, если они являются на место очередного убийства? Они имеют право там находиться, потому что оба застолбили себе это дело. Они взялись за него!

— Успокойся, а то врач меня выгонит. Дэвис, я всё понимаю, но, для твоего же блага, держись от них подальше. Ты и так им серьёзно задолжал. — Хэрли покачал головой, в его глазах было скорее беспокойство, чем осуждение. — А они ничего и никогда не делают просто так. И ничего никогда не забывают, запомни. Так что у тебя на этого парня? Не зря же я лишил Нэвана обещанных отгулов?

— Мы знаем, как он выбирает места, есть версия о том, почему он убивает. — Мик потёр лоб ладонью. По его словам казалось, что у них есть почти что всё, но на самом деле у них ничего не было. — Но про личность убийцы мы ничего не знаем. У нас пока ничего толком нет, старший инспектор. Иначе мы не полезли бы в ловушку неподготовленными.

— Ладно, хватит. Понимаю, дело сложное и странное. — Хэрли встал, вернул стул на место и направился к выходу. У самой двери он остановился и повернулся к Мику. — Прижми этого ублюдка, Дэвис. Я рассчитываю на тебя. У тебя отличные люди, и инспектор Нэван — спец по всяким психам. Вряд ли можно собрать команду лучше.

— Я понимаю, старший инспектор. Я сделаю всё, что в моих силах. — Последние слова Хэрли уже не услышал, он вышел из палаты, мягко прикрыв за собой дверь. — И даже больше. Этот ублюдок перешёл границу.

Мик коротко выдохнул и закрыл глаза. Успокоиться, расслабиться и выспаться — надо вырваться из больницы как можно быстрее. Завтра утром он уже должен вернуться к работе. Ребят и Лая тоже придётся выгнать, тут уж ничего не поделаешь. Хотя он хотел бы дать им ещё отдохнуть после пережитого. Мик открыл глаза, над ним был ровный белый потолок. Как и во всех больницах, во всех палатах — просто белый.

Расследование всё больше превращалось в погоню, и пока что они безнадежно отставали. Он ничего не мог изменить. Пока не мог. Мик пытался вспомнить всё, что успел узнать о личности убийцы. Единственное, что касалось его лично — точка, указанная братом Лая — школа для умственно неполноценных детей. Есть ли в этом действительно связь, или это просто случайность? Они ничего там не нашли. Может, действительно стоит просмотреть архивы, старые фотографии? Им нужен хоть какой-то подозреваемый. Для начала надо определить, кого они вообще ищут. Мику ужасно не хотелось касаться чего-либо, связанного с той школой. Наверное, заразился от Зарии мистической подозрительностью. Зброшенное здание казалось зловещим даже ему со всей его практичностью и скептицизмом. Но Мик не верил в людей, которые не совершают ошибок. А значит, убийца попадётся. Уверившись в своей силе и безнаказанности, он обязательно совершит ошибку. И тогда Мик не упустит свой шанс. Ни за что.

Глава 5 Обесцвеченный мир. Забытый сон

Так что же такое безумие? Слишком сильное отклонение, иное субъективное восприятие? Ложь тела или интерпретации его сигналов мозгом? Не стоит романтизировать то, что называют безумием. Это болезнь, потому что это не нормально. Отличие от нормы, то, что необходимо держать под контролем и по возможности корректировать. Или уничтожать. Слишком сильное отклонение от усреднённого значения — это угроза всей системе. Люди не могут функционировать в обществе, если не соответствуют усреднённым критериям. Без этого общество не может существовать, а без общества не может существовать человек. Индивидуальность и приоритет человеческого "я" — ложь. Чтобы выжить, надо соответствовать. Так было всегда. Больных лечили, изолировали или устраняли. Безумие — это болезнь. Поэтому его надо выявлять и контролировать, изолировать, как больную клетку в теле. Безумие, ещё не найденное, не выявленное — это скрытая угроза. То, что может разрушить систему, нарушить баланс общества. Это не протест, это не вызов — это опасность. Тот, кто слишком сильно отличается — враг. Тот, кто не понятен — источник опасности и страха. От такого люди стараются отгородиться, такое они стремятся уничтожить. Никто не считает это неправильным, ведь на самом деле ценна не человеческая жизнь сама по себе. Для каждого члена общества ценной может быть лишь жизнь другого члена этого же общества. И ценна она на столько, насколько полезен обществу человек. Уничтожить опасного чужака вполне допустимо, даже если он относится к тому же биологическому виду. Потому что он не является часть общества. Вот только порой получается, что для безумца чужаками являются все люди. Именно тогда он становится слишком большой угрозой, чтобы просто его изолировать. Не стоит обелять или оправдывать безумие, не стоит искать в нём что-то большее. Это просто отклонение, угроза, от которой необходимо избавиться. Ради блага большинства.

Мелкий морозящий дождь серой взвесью висел в воздухе. Тонкие струйки стекали по стёклам, разрисовывая их немислимыми узорами. В кафе было светло и сухо, но на улице было темно, несмотря на раннее утро, и до омерзения сыро. Инспектор Дэвис отвернулся от окна и зябко поёжился. Их отпустили всего час назад, ещё минут сорок пришлось возиться с бумагами. Теперь он собрал остатки своей команды в кафе рядом с больницей. Они ждали только Криса Ленно, он обещал приехать, как только сможет.

Ханнес осталась в больнице, Чен пришёл в себя ночью, его жизни больше ничего не угрожало, но на больничную койку он попал надолго. Напротив Мика сидел Лай, задумчивый, бледный и какой-то особенно молчаливый. Рядом с ним расположился Лойдс. Рыжий вёл себя непривычно тихо, только кашлял украдкой. Зария что-то увлечённо писал в блокноте. Да уж, они выглядели потрёпанными, и если вспомнить — подкопчёнными.

— Всем привет. Бодро выглядите для покойничков. — Крис подошёл к их столику и поставил на него поднос с четырьмя высокими стаканами.

— Нет, Крис, за что? — Застонал Лойдс, когда понял, что Ленно принёс им кислородные коктейли. — Я видеть уже этот кислород не могу. Ну серьёзно!

— Не спорь с патологоанатомом! — Нахмурился Крис. Сейчас он выглядел почти до смешного серьёзным. — Никогда не спорь с патологоанатомом! Я тоже врач!

— Вот когда попаду к тебе на приём, точно спорить не буду! — Жалобно простонал

Лойдс, но свой стакан с коктейлем взял.

— Вот и отлично. Я за вас, между прочим, перепугался. — Крис подтащил к столу стул и сел рядом Миком.

— Потому ты и не оперативник, Крис. — Лойдс пожал плечами. Ему ужасно надоело бояться за Чена и пытаться вычислить, где они ошиблись. — Боишься много.

— Именно! Когда действуешь, это не так ощущается, а когда просто сидишь и ждёшь, всё иначе! — Крис надулся. Он действительно сильно за них испугался. Хэрли позвонил в морг среди ночи — Крис работал с теми женщинами, их жертвами. Ему вообще нравилось работать по ночам, никто не мешал. В больницу сразу его не пустили, он места себе не находил до самого утра, когда ему наконец-то позвонил Мик. — Я врач, а не полицейский!

— Ещё скажи, что спасаешь людей. Крис, хватит истерить. — Лай холодно оборвал перебранку своего друга с Лойдсом. — Мы здесь не для того, чтобы переживать о случившемся, а для того, чтобы решить, что делать дальше.

— Лай прав. Ребята, давайте успокоимся и соберём всё, что у нас есть. — Мик закашлялся и торопливо отхлебнул коктейль. У него был клубничный, светло-розового цвета. Какой-то совсем уж девчачий. Интересно, Крис всем такой взял? — Этот у блюдок зашёл слишком далеко.

— Его поведение не типично, так что нам это может пойти на пользу. — Лай продолжил. Сейчас важна была любая, даже самая мелкая деталь, вот только для деталей нужна хоть какая-то основа. — Слишком сильно различие между тем, как он убивал женщин, и этой бомбой. Как будто другой почерк.

— Это могли быть разные люди? Например, кто-то увидел труп и решил устроить полиции ловушку. — Лойдс прикусил коктейльную трубочку и улыбнулся. Слишком натянуто, зато вполне неплохо.

— Вряд ли. Скорее всего, он чётко разделяет тех женщин, нас и всех остальных. — Лай некоторое время молча пил коктейль, потом продолжил. — Женщины — кусочки мозаики, его поиск, месть или что-то подобное. Мы — угроза, те, кто пытается ему помешать. Все остальные — не имеют значения.

— То есть, он попытался нас убить, чтобы мы не мешали ему? — Мик сцепил пальцы в замок и упёрся в них подбородком. Маньяк, пытающийся прикончить тебя каким-нибудь особенно громким и неприятным способом — кому же такое понравится?

— Нет. Никто из нас не погиб, если бы Чен не ушёл так далеко в сторону, если бы его не ранило, мы бы спустились намного быстрее. Мы могли бы выбраться оттуда сами, без помощи пожарных. — Лай отставил почти пустой стакан и окинул взглядом кафе в поисках девочки-официантки.

— Ты что задумал? — Подозрительно прищурился Крис. Он всё ещё не мог простить им того, что они едва не погибли. У Лая перед ним была двойная вина — ведь он едва не погиб дважды.

— Закажу себе кофе, — равнодушно пожал плечами Лай. Дождь раздражал его даже больше, чем тупая боль в висках.

— Тебе нельзя! Ты же ещё не оправился от всего этого. Лай, послушай меня, хватит издеваться над своим организмом. Да надо мной черти в аду смеяться будут, когда ты туда попадёшь! — Крис обречённо развёл руками — Лай уже заказывал себе кофе, самый крепкий, какой у них был. — Определённо.

— Не хорони его раньше времени, Крис. — Мик хлопнул патологоанатома по плечу.

Крису сейчас самому не помещала бы приличная порция алкоголя или хотя бы кофе. — Лай, ты что хочешь сказать, он не пытался нас убить?

— Хотел бы, бомба сработала бы, когда мы были рядом с ней. Или когда только вошли на этаж. Этот парень всегда всё чётко рассчитывает, если бы он захотел, мы все здесь были бы уже мертвы. — Лай достал сигарету и зашарил по карманам в поисках зажигалки. Мик поморщился, но ничего не сказал. — Ну, кроме Криса, пожалуй.

— И как прикажешь искать этого твоего замечательного психа? — Лойдс водил трубочкой по дну стакана, собирая последние капли коктейля. — Проведём обряд экзорцизма и будем читать молитвы — кто от них шарахнется, тот и преступник?

— Не говори глупостей. Мы будем искать следы. — Лай фыркнул и, всё-таки найдя зажигалку, прикурил. — Серийные убийцы всегда совершают ошибки. Это защитный механизм общества — заложить в их подсознание факт неправильности их действий. Пусть это и не осознанное понимание — оно заставляет их ошибаться. Другой вопрос — поймёт ли кто-нибудь эту ошибку, или нет. Ему не стоило пытаться вывести нас из игры так грубо. Крис, что скажешь по трупам?

— Ничего особенного. — Крис пожал плечами. Он всю ночь провёл в морге, исследуя тела убитых женщин и пытаясь найти в них хоть какой-то намёк. — Все женщины были убиты одним и тем же способом, одним и тем же оружием. Нож со средней ширины лезвием и односторонней заточкой. Хорошо наточен. Вполне может быть обычным кухонным ножом.

— Выходит, нам надо обыскивать все дома подряд и проводить анализ кухонных принадлежностей. — Лойдс невесело усмехнулся. С самого начала было понятно, что по оружию они ничего не найдут, разве что убийца попытался бы избавиться от него. Но он ведь ещё не закончил, так что вряд ли.

— Начнём с домохозяек? — Мик поболтал остатки коктейля на дне стакана и допил одни глотком. — Есть у кого-нибудь идеи?

— Мы можем вычислить следующее место охоты — по радиусу от предыдущего. — Лай отхлебнул крепкий кофе и поставил чашку на блюдце. Сигарета почти закончилась, одной ему явно не хватит. — Место ловушки можно не учитывать — оно выпадает из его схемы. Мы — другой уровень. Можно устроить в нужном месте засаду.

— Предлагаешь вытащить туда толпу полицейских? — Мик удивлённо посмотрел на напарника. Даже если переодеть их в штатское, затея была весьма сомнительной. — Какой дурак на такое поймается?

— Он не дурак, поэтому как раз и может. Возьмём полицейских из других округов — везде, где он наследил. Переоденем в штатское, расставим по всему парку. — Лай стряхнул пепел в пепельницу и снова потянулся за кофе. В голове немного прояснилось, хотя в висках ещё ломило болью.

— И ты думаешь, он сунется в капкан среди бела дня? — Мик хмыкнул и покачал головой. Полицейские в штатском, да ещё и в таком количестве — да любой идиот догадается, что тут что-то нечисто.

— Сунется. Он весьма самоуверен и думает, что нам его никогда не поймать. — Лай затушил сигарету и вытащил из пачки следующую. Чувство собственного превосходства может сыграть с ним плохую шутку, заставить совершить ошибку. — Даже весьма охотно. Он ведь хочет доказать, что умнее и сильнее нас. Кроме того, мы же сунулись в его ловушку, даже зная о ней.

— От безысходности, Лай. И чего мы этим добьёмся? — Мик вертел в пальцах трубочку от коктейля. Предложение Лая теперь казалось ему весьма логичным.

— В самом худшем случае — свежий труп. Совсем свеженький, только что найденный. — Лай недобро усмехнулся, зажав сигарету между зубами. Зария чуть не подавился остатками своего коктейля и стиснул рубашку на груди там, где был крестик. Мик только покачал головой — Лай мог порой выглядеть как последний маньяк, особенно, когда слишком увлекался. — А значит, полный улик и в окружении свидетелей.

— О каких уликах ты говоришь? — Крис подался вперёд, его всегда завораживало умение его друга распутывать подобные дела и придумывать ходы.

— Не смытые ещё дождём следы на земле. Свежие отпечатки. Не очищенный как следует нож в кармане у одного из гуляющих людей. — Лай спрятал полубезумную улыбку под одной из своих равнодушных масок. — К тому же, всегда найдутся люди, чаще всего наблюдательные дамы старшего возраста, которые обращают внимание на все парочки в парке. Скорее всего, убийца заманивал свои жертвы в укромные уголки и там убивал. Если показать фотографию или портрет жертвы, кто-нибудь может вспомнить, с кем её видел. Или кто недавно выходил из тех кустов, в которых мы её найдём.

— Мы уже искали свидетелей, Лай. Давали объявление. — Мик устало вздохнул и покачал головой. Это было совершенно бесполезной тратой времени и денег.

— Сколько времени ты помнишь человека, мимо которого прошёл на улице? Если вообще заметил его лицо. Сколько, Мик? — Лай выдохнул струйку дыма и снова затянулся. На языке горчило, тихая музыка навязчиво лезла в уши, заполняя фоном мысли. Всё очень просто, он сам дал им шанс и он должен был это понять. — Минуту, две? Если ты обратил на кого-то внимание, то сколько? Десять? Потом лицо просто забывается, и ты идёшь дальше. Через пять часов ты точно ничего не вспомнишь. А если показать тебе фото девушки, которую ты видел десять минут назад? Ещё живой и с женщиной? Его ты вспомнишь? Гораздо больше шансов, Мик.

— Ты прав, Лай. Я не подумал об этом. — Мик прикусил нижнюю губу. Они ни разу не смогли найти труп достаточно рано, каждый раз успевало пройти несколько часов. Единственный свидетель — тот странный подросток в парке, мало что мог им рассказать. Он был слишком безразличен ко всему и, кажется, не до конца понимал большую часть их вопросов.

— Знаю, что не подумал. Меня беспокоит другое. — Лай нахмурился, его действительно беспокоила личность убийцы. Эйчер всегда говорил ему — человек, как и любой предмет, состоит из частей. Если тебе нужна одна часть, незачем изучать остальные. С историей, характером и детскими страхами убийцы будут разбираться криминальные психологи, им же надо просто его найти. Сейчас это стало похоже на какую-то игру. Дрянную, несмешную, смертельную игру. Лаю это не нравилось, его всё больше затягивало ощущение, что он влез во что-то очень и очень неприятное. Он чувствовал, что должен остановиться, и не мог. — Он знает, что мы там будем. Он знает, что мы вычислили его последовательность. Он знает, что мы выжили и очень злы. Но я почему-то абсолютно уверен, что он придёт.

— Как-то это всё слишком страшно. Как будто он управляет нами, просчитывает наши ходы. — Крис зябко поёжился. Он, как никто, мог улавливать настроение своего друга. Интуитивно он ощущал беспокойство Лая и тоже начал нервничать. — Если бы я не был врачом, мог бы и поверить в то, о чём сейчас подумал Зария.

— Как будто ты мысли читать умеешь! И как будто среди врачей нет верующих! — Зария раздражённо посмотрел на патологоанатома. После слов Лая ему действительно стало жутковато, вспомнилось его собственное предположение о том, кем является их серийный убийца.

— Мне не нравится то, как всё поворачивается. Он знает всё, что знаем мы, водит нас за нос и выставляет дураками. Мы ни в чём не можем опередить его. — Лай скрестил руки на груди и запрокинул голову, уставившись в потолок. Взрыв был только началом, их он в покое точно не оставит. Упрямый сукин сын. — Единственное наше достижение — его последовательность. Он не может от неё отклониться. Отправная точка и расстояние имеют для него значение. Я в этом уверен.

— Не спеши с выводами и не переоценивай его. Мы проверим, но пока не обнаружен следующий труп, мы не можем утверждать, что он не сменил эту последовательность. — Мик тоже скрестил руки на груди. — Так, мальчики, слушаем меня и выполняем в точности. Крис, на тебе фоторобот. Поднимай наших спецов, пусть по правым частям восстановят левые и составят мне примерный портрет женщины. Раздадим полицейским в парке, пусть присматривают за всеми, кто частично похож.

— Хорошо, займусь образцами. — Крис кивнул и встал из-за стола.

— Дальше. Зария, на тебе поиск по базам данных. Берёшь у Ленно фоторобот и лезешь в архивы школы, ищешь там кого-то похожего. — Мик не собирался больше таскать Зарию на оперативные задания без нужды. У парня и так нервы не в порядке после всего пережитого. Ещё не хватало, чтобы он к концу расследования свалился с нервным срывом или окончательно ушёл в религию.

— Есть, инспектор. — Зария вяло козырнул. Ему нравилось работать за компьютером, и монотонность работы совсем не пугала. Он был достаточно терпеливым и усидчивым — весьма ценные качества в подобных случаях.

— Лойдс, займись координацией, обзвони от моего имени соседние участки. Будешь пока замещать Чена. — Мик вздохнул. В связях и координации действий Чен был незаменим, Лойдс может справиться, но у него на это уйдёт больше времени и сил. Парень ещё слишком неопытный.

— Займусь, — не слишком уверенно ответил Лойдс.

— Лай, на тебе анализ личности убийцы. Попробуй найти подводные камни прежде, чем мы налетим на них со всего размаха. И да, вычисли нам следующее место, пожалуйста. — Мик дождался утвердительного кивка от своего напарника и тоже встал. — Расходимся и за дело. Чем быстрее организуем слежку, тем лучше. Лойдс, полицейские должны меняться, не забудь. Чтобы не примелькались и не слишком промокли. Не хочу, чтобы меня от всей души прокляло столько человек.

Лай бросил одолженный у кого-то зонтик в общую подставку и направился к своему боксу. На улице лило как из прорвавшейся трубы, он совершенно не завидовал тем полицейским, которым придётся дежурить на месте будущего убийства первым. Что может быть подозрительней людей, упрямо гуляющих в такой ливень? Да ещё и в таком количестве? Лай усмехнулся и стащил с себя плащ, повесил его стекать на вешалку. Так, сейчас кофе, карта, ещё кофе и посидеть, подумать. С парой стаканчиков кофе и сигаретой.

— Нэван, ублюдок! — Лай повернулся на крик. В следующий момент он уже летел по проходу. Пол оказался ожидаемо близким и жёстким, на секунду у него потемнело в

глазах. — Какого дьявола, Нэван!

— Люси. — С трудом выдохнул Лай. Инспектор Женье сгребла его с пола, держа за ворот рубашки, и припечатала спиной к стене.

— Какого дьявола, я спрашиваю тебя, ты лезешь в то, что тебя не касается? — Люси коротко, без замаха ударила его кулаком в живот. — Думаешь, самый умный? Думаешь, если Дэвис с тебя пылинки сдувает, всё управление в тебя по уши влюблено, да? Все в рот тебе смотрят?

За её спиной уже начала собираться толпа. В первом ряду маячил испуганный и растерянный Мортимер, где-то из задних рядов слышался голос Эльзы, их врача.

— Я не думаю, чёрт, Люси! Убери руки, задушишь! — Лай попытался оттолкнуть женщину, но получил ещё один удар в живот и отставил попытки. Люси была не просто зла, она была в бешенстве. Лай никогда прежде не видел её такой. Это должно было быть страшно.

Люси замахнулась чуть больше, чем раньше. Лай не стал ждать удара, вывернул руку, перехватив запястье, и рванул на себя, по направлению движения. Люси охнула, неловко развернувшись на каблуках.

— Какого ты творишь, бешеная! — Лай попытался перехватить её руки, заблокировать, но получил коленом в живот. Из лёгких вырвался воздух, в ушах зазвенело.

— Люси, прошу тебя, хватит. — Мортимер предпринял неловкую попытку разнять их.

— Отвали, слизняк! — Рывкнула Жженье. Она стояла над согнувшимся пополам Лаем и потирала запястье, за которое он дёрнул.

— А ну разошлись! — Эльза наконец-то пробилась к ним и встала между Люси и Лаем. Доктор Хортоф была миниатюрной, хрупкой на вид блондинкой с большими серо-зелёными глазами. Она вовсе не казалась опасной, но слушались её беспрекословно. — Вы трое, ко мне в кабинет! Инспектор Мортимер, помогите инспектору Нэвану.

Эльза зашагала вперёд, дробно цокая каблучками по полу. Лай усмехнулся и распрямился, опершись на руку Мортимера. Кажется, он что-то натворил, хотя пока что не мог понять, что именно. Хотя идеи у него были.

В кабинете врача полицейского участка было как всегда светло и стерильно чисто. Эльза рассадил троих инспекторов на кушетки и пошла к шкафчику за льдом.

— Люси, надеюсь, ты ничего ему не отбила? — Доктор обернулась через плечо и внимательно посмотрела на инспектора Женье. — Мне тут пришло кое-что от одной дамы из городской больницы. У Лая небольшое сотрясение было позавчера, да и отравление угарным газом ночью.

— Вот дерьмо! Оно и видно, что по голове приложили! — Люси тихо зашипела. Она не знала о том, что Нэвану так досталось. Знала бы, била по коленям и рукам.

— А теперь объясните мне, с чего началась драка. Вроде не детишки в песочнице. — Эльза протянула Лаю пакет с сухим льдом. Ему ещё предстояло пройти обследование, но пока надо было хотя бы смягчить боль.

— Я просто шёл за кофе, когда эта бешеная на меня набросилась. — Лай с трудом распрямился и прижал пакет к животу. Если бы было что-то серьёзное, боль была бы намного сильнее, но синяк будет точно. — Не помню, что я ей такого сделал. Разве что, инспектор Женье решила избить меня авансом.

— Да заткнись ты уже, психопат обкуренный! Не понимает он! — Люси вскочила с кушетки и сжала кулаки. Эльза бросила на неё один из своих убийственных взглядов. —

Какое он имеет право лезть в чужую личную жизнь!

— Нэван? В личную? Это что-то новенькое, Женье. — Эльза удивлённо посмотрела на Лая. Она была уверена, что он совершенно не совместим с тем, что называется личной жизнью. — Расскажи-ка подробнее.

— Это личное. — Люси отвернулась. Кончики её ушей заметно порозовели. Эльза — не психолог, лезть в чужую душу она не имеет права!

— Расскажи. Если из-за этого "личного" ты набросилась на сотрудника полицейского участка, это моя проблема. И если мне придётся лечить его — тем более. — Эльза подошла к Лаю, отобрала у него пакет со льдом и задрала рубашку. — Ты же не хочешь, чтобы я довела дело до кабинета старика? Я распишу ему всё в самых чёрных красках, можешь не сомневаться.

— Ладно. Уговорила. Хэрли это точно не касается. — Люси вздохнула и взяла Мортимера за руку. Тот вздрогнул, но руку не отнял. — Вчера вечером Морт предложил мне встречаться. Не знаю сама почему, но я согласилась. Вот так вот.

— Замечательно. Чистюля и бешеная. Отличная пара, я серьёзно. Но причём тут наш застенчивый психопат? — Эльза выпрямилась и опустила рубашку Лая обратно. У парня оказался вполне неплохой и приятный на ощупь пресс и никаких признаков внутренних повреждений. Но вот ушибы и синяки были. Люси — стервозина.

— Я не застенчивый. Эльза, ты уже закончила? Какой приговор? — Лай с безразличием, разбавленным парой капель любопытства, посмотрел на доктора Хортоф.

— Жить будешь, но в ближайшие дни — с синим животом. Скажи спасибо этой ненормальной. — Эльза подошла к Люси и встала, уперев руки в бока. Стоя она всего на полголовы возвышалась над сидящей женщиной, но всё равно выглядела угрожающе. — Так причём тут Нэван?

— Утром мы с Мортимером поссорились. Какая-то мелочь, уже и не помню толком. — Люси пожала плечами. Это действительно была сушая мелочь — кажется, он забыл принести ей кофе... или принёс его не достаточно быстро. — Морти сказал тогда, что Нэван его предупредил. Отношения у нас будут непростыми. И вообще это он насоветовал ему предложить мне встречаться. Вот какого он лезет, куда не просят?

— Угомонись, Женье. Без этого Мортимер вообще мог не решиться. — Эльза тяжело вздохнула. Люси была слишком вспыльчивой и сразу переходила к рукоприкладству. Идеальная пара для зануды Мортимера с его предрасположенностью к тому, чтобы быть подкаблучником. — Ладно, Нэван. Теперь твоя очередь каяться.

— Мне не в чем, — усмехнулся Лай, — они давно уже друг другом интересовались. Просто не могли по разным причинам себе в этом признаться. А характеры у них такие, что без конфликтов не обойтись. Эльза, мне просто надоели постоянные придирки Мортимера, вот я и переключил его внимание на Люси. Он просто срывал на мне свою неудовлетворённость и боялся признаться Женье, только и всего. Все боятся.

— Всё с вами ясно, детишки. — Эльза подошла к стеклянному шкафу с лекарствами и достала оттуда пузырёк, несколько секунд изучала этикетку прежде, чем швырнуть её Люси. — Вот, успокоительное. Принимай перед едой по одной таблетке. И прекрати уже цепляться к мужчинам, у тебя уже свой есть, пользуйся. Нэван, держи мазь, синяки обрабатывать. Надеюсь, этот урок пойдёт тебе на пользу. Вот скажи мне, если тебе так интересно копаться в чужих головах, почему ты пошёл учиться на полицейского, а не на психолога? Криминального, например, или психиатра.

— Так получилось. — Уклончиво ответил Лай. Просто в полицейской академии смотрели только на оценки. На факультете психологии точно поняли бы, что за школу он закончил. Или это всплыло бы во время обучения. Просто психологические тесты он прошёл и не хотел рисковать снова. А ведь пришлось бы, хотя бы для практики.

Эльза только пожала плечами, она не хотела допытываться у него, по каким причинам он выбрал именно эту профессию. Она не психолог, просто врач. Хотя часто ей приходилось разбираться во внутренних проблемах полицейских. Потому что умела слушать, и потому что у неё всегда была припрятана бутылка виски. Так получилось. Слишком частый ответ на самые сложные вопросы.

Лай взял мазь, сунул в карман и вышел из кабинета. Эльза не вовремя затронула болезную тему. Конечно, работать психиатром или криминальным психологом было бы интересней. Но риск не стоил того. Он не хотел случайно выдать себя, не мог позволить кому-то узнать — слишком много этого было в прошлом. К тому же, это слишком хорошая возможность для манипуляций.

Мортимер и Люси вышли из кабинета притихшими и разошлись по своим закуткам. Они не разговаривали до вечера, но домой ушли одновременно. Вместе.

Лай скользнул взглядом по карте города, висевшей рядом с кофейным аппаратом. Ещё один городской парк, как же удобно они расположены! Маленький островок зелени, несколько дорожек, беседка и детская площадка. Следует сказать Мику или лучше сразу Лойдсу. Лай взял два стаканчика с крепким несладким кофе и пошёл к своему столу. Он едва успел поставить их, перед тем, как чихнул. Ещё простыть не хватало!

В почтовом ящике было несколько ненужных рассылок, реклама, каким-то чудом просочившаяся через спам-фильтр, письмо от Хэрли, уже давно не актуальное, и пара — от ребят Мика. Эти уже были важными. Лай со вздохом опустил в противно скрипнувшее кресло. Если верить ощущениям, Люси избивала его часа два. Он мог бы дать сдачи, на самом деле мог бы, но тогда их так просто уже не разняли бы. Сколько у него было времени на то, чтобы оценить обстановку и принять решение не сопротивляться? Не так уж и много, по сути. Не в первый и не в последний раз.

Через два часа он закончил со всеми делами. Из того, что поручил ему Мик, оставался только психологический портрет убийцы. В целом, он был у него уже давно готов, только смысла в нём Лай сейчас не видел. Уже на выходе из офиса он наткнулся на инспектора Мерч.

— Ты куда, Нэван? Плохо выглядишь, может, тебе лучше домой? — Хлоя участливо положила руку ему на плечо.

— Я как раз туда и направляюсь. Хлоя, если Мик или кто-то из его ребят спросят, скажи им. — Лай растянул губы в улыбке. Инспектор Мерч проявила дружелюбие, не стоит грубить ей. — Пожалуйста.

— Хорошо, Нэван. Я скажу им. — Хлоя улыбнулась и убрала руку. Если бы Лай смотрел со стороны, он сказал бы, что она к нему не равнодушна. Но в отношении себя он предпочитал оставаться слепым, глухим и недогадливым.

В подставке у выхода стояло несколько дежурных зонтов, Лай выбрал обычный чёрный, самый целый и новый из оставшихся. По такой погоде их быстро разбирали, доставалось не всем. Плащ промок, едва он вышел на улицу. Даже без ветра в такой ливень зонт был почти бесполезен. Лай раздражённо мотнул головой, стряхивая капли воды с волос. Мир казался

серым. Чёрно-белым, как старое кино. Серебристые, серые, чёрные машины, люди, одетые в чёрные и серые куртки и пальто. Мерцающие белым цветом вывески. Серый дождь. Пришлось остановиться и зажмуриться до цветных, таких ярко, невыносимо цветных кругов перед глазами. Когда Лай снова открыл глаза, на дороге появились вишнёвые и синие машины, среди обычной серой одежды стали мелькать коричневые и даже одна ярко-красная куртка, реклама запестрела кричащими цветами. Временная монохроматизация — так ему сказал в своё время школьный доктор. Возможно, из-за травмы головы. Возможно, будут рецидивы. Он ничего не знал толком, только эти бесконечные "возможно". Лай уже не пугался этого, привык за много лет. Обычно мир терял цвета именно после очередной травмы головы, даже если это был лёгкий ушиб. Иногда после сильного недосыпа или стресса. Проверяться у специалистов Лай не хотел, даже доктору Ведеевой не рассказывал. Случай нетипичный, так что опять будет куча "возможно", куча анализов и тому подобного мусора. Скучно, неприятно и рискованно.

Дверь в квартиру Лай открыл своим ключом. Как всегда, хотя соседи никогда им не интересовались. И Эйчером тоже. Он специально искал именно такой дом — проверял соседей, когда осматривал квартиру. Благо, к его услугам были возможности полицейских баз данных и протоколов. Излишняя паранойя, но всё же...

В квартире было темно. Лай не стал включать свет в прихожей, просто разделся на ощупь и пошёл в спальню Эйчера. Он спал, каким-то образом Лай знал, что он именно там. В комнате было темно, окна выходили на глухую стену соседнего здания, так что в ней даже днём был полумрак — Эйчер не любил яркий свет. И всё-таки эта темнота не была абсолютной — отблески окон, свет фар проезжающих внизу машин. Лай мог разглядеть лицо Эйчера — такое же, как у него. Он бесшумно вошёл и присел на край кровати. Несколько секунд Лай наблюдал, как мерно вздымается грудь под одеялом, а потом провёл по спутанным волосам Эйчера ладонью. Он казался таким уставшим, таким вымотанным, что не хотелось будить. Лай коснулся щеки Эйчера кончиками пальцев.

— Эйч, ты мне нужен, проснись. — Он с трудом подавил желание уйти и оставить его в покое. С трудом загнал в глубины давно очерстевшей души прилив нежности. Им обоим она давно уже была не нужна. — Эйч, проснись.

— Лай? — Эйчер пошевелился, приоткрыл глаза, сонно глядя на Лая.

— С добрым утром, Эйчи. — Лай улыбнулся и встал с кровати, чтобы не мешать Эйчеру потягиваться. Одна из девочек в школе как-то сказала, что он просыпается как кот. Лаю тогда очень понравилось это сравнение.

— С добрым утром. — Эхом повторил Эйчер. Он повернулся на бок и попытался нащупать лежавшие на тумбочке часы, хотя бы одни из трёх. — Сколько сейчас времени?

— Уже почти полдень. — Лай мягко улыбнулся и перехватил руку Эйчера. Зачем тебе знать, или ты мне не веришь? — Мне нужна твоя помощь, вставай.

Эйчер кивнул и переполз к краю кровати. Он проспал не так уж долго, до самого утра ждал Лая, хотя и знал, что он не придёт. Ночные бдения стали входить в привычку. Приглушённый свет на кухне больно резанул по глазам. Когда Эйчер уселся на стул, подтянув ноги к груди, Лай протянул ему кружку с кофе. На столе с ночи остались лежать сигареты, выстроенные рядами, по пять штук в каждом. Эйчер взял первую из среднего ряда, Лай положил перед ним зажигалку и взял последнюю в дальнем ряду. Эйчер поморщился — он нарушил последовательность, разбил гармонию, которой всё равно не видел и не мог понять. Никто и никогда не видел его последовательностей, Лай просто не был

исключением. А Эйчеру не нравилось, когда их нарушали. Просто неприятно, но вполне терпимо. Сейчас его это раздражало больше обычного.

Первые пара глотков кофе и затяжка немного привели его в порядок. Он закашлялся, когда дым лизнул пересохшее после сна горло, и поставил кружку на стол.

— Что надо? — Эйчер не настроен был изображать вежливость и понимание. Только не сегодня.

— Я же сказал, твоя помощь. В расследовании. Эйч, я в тупике, без тебя никак. — Лайсел напротив него и обхватил ладонями свою кружку с кофе. Иногда Эйчер бывал не в духе, иногда слишком упрямым, но он никогда не отказывался. — Мне нужен преступник.

— Это же просто. Просто. Он — серийный убийца женщин, убивает всегда однотипно, соблюдает последовательность действий. У каждой жертвы изымает некоторую часть лица. Где он их хранит, если хранит — не известно. — Эйчер провёл рукой по волосам, пытаясь их хоть немного пригладить.

— Почему только левую часть лица? — Лайсел продолжал раздражающе улыбаться. Он подталкивал и ждал ответов, которые знал и сам.

— Несколько вариантов. Самый благоприятный для тебя — он решил собрать сначала левую, потом правую сторону. — Эйчер стряхнул пепел в блюдце и снова затянулся. — Несколько. Дальше — этой стороны лица у женщины могло не быть. Обгорела, например.

— Вполне вероятно. Тогда он хочет вернуть ей лицо. Как вариант. Возможно, он даже сам в этом виноват. — Лайсел положил на стол блокнот и записал туда версию Эйчера. Ему такое даже в голову не пришло. Женщина может быть жива или мертва, можно, конечно, проверить записи больниц и моргов, вот только за какой период? Пройти могло много лет, особенно, если он действительно связан со школой.

— Или она носила причёску, скрывавшую пол-лица. Правую или левую половину. Увидеть правую или левую половину лица или наоборот — повторить. — Эйчер медленно вырисовывал в пепле круг, снова и снова. — Сторона имеет значение.

— Понятно. Думаешь, он одержим мыслями о той женщине? — Лайсел поднял глаза от блокнота и посмотрел на Эйчера. Тот продолжал рисовать круг — с той же скоростью, не останавливаясь.

— Мыслями о той женщине? Не удивлюсь. Если он связан с нашей школой — особенно. — Эйчер стряхнул столбик пепла и сразу же добавил его к своему кругу. — Он одержим. Он хочет помочь или убить. Искупление или месть. Может быть, оба.

— Почему ты решил, что он связан с нашей школой? — Лайсел давно уже интересовал ответ на этот вопрос.

— Расстояние. И вероятность. Она вписывалась. Я думаю, он был там когда-то. — Эйчер пожал плечами и продолжил рисовать свой круг, лишь слегка усилив нажим. Лайсел кивнул. Действительно, с учётом расстояния это было вполне логичное предположение. В их школе хватало тайн, трагедий и мрачных историй.

— Крис сказал, убийца, возможно, использовал обычный кухонный нож. Что думаешь? — Лайсел продолжал записывать, Эйчеру порой в голову приходили необычные и интересные идеи. Значит, месть. Искупление для женщины. Или искупление для убийцы.

— Может быть, первая жертва была незапланированной, и это единственное, что было на тот момент в его руках. — Эйчер затушил сигарету и взялся за кофе. Несколько минут он молчал, то ли обдумывая, то ли отдыхая от необходимости говорить. — Или это имеет для него особый смысл. Какое-то воспоминание о той женщине, связанное с ножом.

— Да, весьма вероятно. Эйч, спасибо за помощь. — Лай подчеркнул несколько опорных пунктов. Дальше он будет думать над всем этим сам.

— Почему ты спрашиваешь меня? Ты и сам всё это прекрасно знаешь. — Эйчер допил кофе и сморщился от отвращения. От Лая не так-то просто было отгородиться короткими фразами или молчанием.

— Знаю, но не всё. Мне нужно решить, ждать ли от него ловушки, и какой она будет. Тот, кто убивает женщин, и тот, кто сделал ту бомбу — словно два разных человека. — Лай не мог понять, почему он так уверен в том, что террорист и их маньяк-убийца — одно лицо. — Слишком разные стили, выбор оружия, психологические портреты.

— И разные цели. Но странно. Он не боится вас. Он совершенно уверен в себе. — Эйчер устало закрыл глаза. Хотелось спать, но ещё больше — тишины. — Он хотел впечатлить и испугать. Люди боятся грохота и огня. И убегают. Ничья жизнь не может быть дороже собственной. Большинство думает именно так.

— Ты думаешь, он фейерверк нам устроил? — Лай разозлился. Гнев всколыхнулся в нём тёмной волной, душной и влажной. Откуда-то вылезли напряжение и страх той лестницы в охваченном огнём здании. Это были не игры и не простая попытка напугать.

— Устроил? Нет. Но это дело могли передать тем, кто занимается террористами. — Эйчер нахмурился, пытаясь вспомнить, как называется... кажется, управление по противодействию терроризму или как-то так. — Если бы ты или Дэвис пострадали серьёзней, дело бы встало. Если бы у вас его отобрали — оно бы встало. Если бы вы испугались по-настоящему, дело бы встало.

— А ведь ты прав. Старик точно попытался это замять. Как ему только удалось? — Лай с удивлением уставился на сжатые в кулаки руки. Он совершенно не помнил, чтобы сжимал их. На ладонях остались отпечатки от ногтей. Лай медленно выдохнул, сбрасывая остатки напряжения. — Он решил оставить это на нас. Раз уж мы сами в это ввязались. Всё равно не понимаю, за что нам такая честь? Почему этот маньяк ради нас так рассторался?

— Женщины — его личное. Он делает это так, как считает нужным. С вами — наверняка. Чтобы больше не мешались под ногами. — Эйчер взял вторую сигарету, выбрал ту, что могла хоть немного исправить последовательность. Лай подтолкнул к нему зажигалку. — Если ему осталась одна-две жертвы, трогать вас уже смысла нет. Если больше — тогда может ещё что-то устроить, но вряд ли такое же громкое.

— Почему не такое же? — Лай встал и пошёл к кофейнику. За одну чашку разобраться не удалось. Эйчер точно его сейчас дольше двух чашек терпеть не будет.

— Не такое же. Вас не испугал один фейерверк, значит, второй бесполезен. — Эйчер выдохнул струйку дыма и провёл фильтром сигареты по губам. Несколько крупинок пепла упали в кружку. — Подготовить такое сложно. Нужны деньги, материалы, время. А результата нет. Убивать вас незачем. Вы не нужны. Вы — не она. И среди вас нет подходящих женщин.

— Хочешь сказать, что выкинул козырного туза в первом же заходе. Понятно. — Лай перелистнул свой блокнот к более ранним записям. — Осталось выяснить, много ли ему ещё осталось. У него уже есть глаз, два пальца, ухо, щека, волосы и нос. Как думаешь, что ещё?

— Брови, лоб и губы. Может быть, скулы. Ему трудно найти губы. — Эйчер попытался представить себе человеческое лицо, почему-то вспоминался один из врачей их школы. Эйчер его боялся даже больше, чем взрослых и большую часть детей. Особенно за его взгляд — он всегда пытался смотреть в глаза и видел там слишком много. Эйчера он этим

всё время доводил до истерики. Лаю едва удавалось его успокоить. — Иначе он взял бы их раньше. Значит, ему трудно найти нужной формы. Или они были ассиметричными. Или чем-то выделялись.

— Я понял. Необычная форма губ, всякие особенности и шрамы. Полицейским стоит обратить внимание на таких девушек. — Лай допил кофе и встал. Пока что он и так получил достаточно информации для размышления. В худшем случае у них ещё две-три жертвы. Потом они могут ублюдка уже и не поймать. До весны уж точно, до следующего обострения. — Пойду пройду по тому парку, может, смогу кого-нибудь опознать и что-нибудь вспомнить. Там будет полно полицейских, так что не переживай за меня. Спасибо, Эйч.

Лай обошёл стол, наклонился и поцеловал Эйчера в лоб. Ему хотелось попросить прощения за многое, хотя бы за это непрошеное прикосновение, но он знал — ему это не нужно. Им обоим это не нужно. Они просто будут жить, продолжая падать во тьму, их общую, одну на двоих.

Лай остановился рядом с газетным киоском и сделал вид, что рассматривает какие-то цветастые журналы. Очередные сплетни и слухи, приправленные вымыслом и поданные под соусом из непроверенных фактов. Его не интересовали ни политика, ни бизнес, так что по деловым газетам он просто мазнул взглядом. Пришлось рассматривать спортивный журнал с большой рекламой грядущего матча.

— Что-нибудь заметили? — Он слегка повернул голову в сторону такого же праздно шатающегося человека. Полицейский из местного управления, гораздо менее подозрительный на вид, чем он.

— Пока тихо, следим за всеми одинокими девушками в округе. Не думаю, что он появится. — Полицейский пожал плечами и вытащил из стойки какой-то журнал. Ему он явно был интереснее, чем унылые тропинки парка.

Лай тоже нашёл себе сборник сканвордов и подошёл к окошку киоска. Протягивая деньги, он внезапно понял, что неотрывно смотрит на губы продавщицы, словно сравнивает их с каким-то эталоном. Лай мотнул головой, отгоняя навязчивые мысли. Это из-за их с Эйчером разговора, только поэтому.

В парке было слишкомлюдно для дождливого прохладного дня, да ещё и в середине рабочей недели. Лай узнал почти всех полицейских — с большинством он пересекался во время расследований, рейдов или учений.

— Ох, простите. — Молодая девушка в спортивной куртке с капюшоном случайно задела его плечом, пробегая мимо. Лай неопределённо махнул рукой.

— Не беспокойтесь, всё в порядке. — Он растянул губы в улыбке, надеясь, что она поскорее уйдёт.

— Я точно вас не сильно ударила? — Девушка продолжала говорить, всем своим видом изображая раскаяние. Она была вполне искренней, а это никогда не нравилось Лаю в людях. Слишком искренние и честные люди обычно живут в двухцветном мире, строго деля всё на чёрное и белое. Они способны на любую глупость.

— Точно, — пожал плечами Лай и отвернулся от неё. Довольно грубо, но эффективно, на такое люди обычно обижаются и просто забывают.

Девушка пожала плечами и продолжила пробежку. Лай ещё некоторое время прислушивался к удаляющемуся шлёпанью её шагов.

— Играешь роль престарелого холостяка? — Он подошёл к сидевшему на скамейке мужчине.

— Я не старый, Лай. Не ехидничай. — Мик оторвал взгляд от газеты и посмотрел на напарника. — Что-нибудь есть?

— Немного. Кое-что по личности нашего умельца. Думаю, тебе будет интересно. — Лай протянул ему распечатку. Он перенёс в компьютер и систематизировал всё, о чём они говорили с Эйчером. — Если ему осталось всего несколько частей, нас он трогать больше не будет.

— Почему? — Мик пробежался глазами по распечатке, пару раз хмыкнул, заметив интересные идеи.

— Мы не впечатлились его прошлой выходкой. И дело у нас не отберут — старик об этом позаботится. Он прикрыл нас в этот раз, хотя в следующий вряд ли сможет, но кто об этом знает? — Лай пожал плечами и сел на скамейку рядом с Миком. — Но убийца будет либо пакостить по-мелкому, либо просто оставит нас в покое. Не думаю, что у него есть время и деньги организовывать снова что-то подобное. Тем более, что много времени ему не надо.

— Тут ты прав. И я не уверен, что дело за нами удержал Хэрли. — Мик сложил распечатку пополам и убрал во внутренний карман плаща. — Мне кажется, это сделали Ланги. Они хотят это дело. Если бы взрыв признали террористическим актом, судебное разбирательство им бы не светило. Если это дело рук нашего серийного — его бы им не отдали.

— Да, ты прав, я как-то не подумал об этом. Совсем забыл об этой парочке. Они действительно могли надавить. — Лай чуть не застонал отчаянья. Теперь за ними следят и Ланги, если они провалят расследование, одной выволочкой от старика не отделаются. — За какие грехи нам их интерес?

— Да мы уж не святые, — усмехнулся Мик, — по совокупности.

— Это точно. Что дальше будем делать? — Лай мысленно перебирал в голове всё, что знал об убийце. Посмотрим, что ещё у нас на него есть. Возраст... достаточный для того, чтобы справиться с молодой женщиной. Материальное состояние — его хватило на запчасти для бомбы. Да и женщины, подобные его жертвам, никуда не пойдут с дешёво одетым мужчиной. Образование и уровень умственного развития — достаточный, чтобы не оставить следов и приготовить ловушку. В целом — мужчина средних лет, работающий, образованный. И сколько таких в городе? Много. Вероятнее всего — холостой, хотя мог просто лгать жене. С другой стороны, его одежда точно была испачкана кровью, он, скорее всего, стирал её сам или в прачечной с самообслуживанием. В любом случае, жена заметила бы странности или изменение привычек.

— Думаешь? Может быть, она у него не особо хозяйственная и не ревнивая. — Мик усмехнулся. Скорее всего, Лай был прав, но по таким приметам они будут искать его вечно. — Какой-то Джек-Потрошитель получается, только предпочитает лицо, а не внутренние органы.

— Надеюсь, этого мы поймем. — Лай неопределённо пожал плечами и встал со скамейки. Подскочившее с чего-то давление колотилось кровью в висках, и он хотел немного пройтись, чтобы прийти в себя. — Пойду немного разомну ноги, заодно осмотрюсь. Кажется, я уже старею, Мик.

— Издеваешься? Ты ещё молодой по сравнению со мной. — Мик усмехнулся и

полушутливо отдал ему честь.

Лай ответил на его ухмылку и кивнул. Он пошёл по дорожке в том же направлении, куда убежала та навязчивая девушка. Дождь барабанил по ещё не опавшим листьям с удвоенной силой. А ведь в ближайшие дни обещали сильные заморозки.

Проходя мимо столба, Лай поднял голову и посмотрел на часы, висевшие на нём. Два часа дня, а темно, как вечером. На скамейке под навесом немного впереди сидела та самая бегунья. Что-то было с ней не так, Лай почувствовал это, но так и не смог понять, что именно. Наконец, девушка встала, намереваясь продолжить пробежку. Лай облегчённо выдохнул. С ней всё в порядке, и чего он только разволновался? В конце концов, это точно не его дело.

Клавдий Ланг положил папку с материалами дела в ящик стола и запер его на ключ. Довольно забавное дельце, запутанное и тёмное — то, что нужно в ожидании чего-то более интересного. Дверь в его кабинет открылась бесшумно, но без стука к нему мог войти только Юлий.

— Добрый день, братец. Вижу, ты нашёл, чем развлечь себя. — Брат подошёл к столу, отодвинул письменный набор и присел на край. — А мне вот не везёт. Очередное убийство на почве ревности.

— Сочувствую, Юлий. — Клавдий сплёл пальцы в замок и наклонился вперёд. — Но я могу тебя немного подбодрить. У наших друзей ещё один труп. Только что нашли.

— Не шутишь? Они же устроили облаву. — Юлий повернулся к брату, едва не упав со стола. — Куча полицейских, все меры предосторожности.

— И они не нашли нашего долгожданного клиента. Вернее, он убил женщину у них прямо под носом. — Клавдий хищно улыбнулся. — Он словно знал, кто из людей в парке полицейский и где кто стоит. Убийца не менее осведомлён, чем те, кто пытается его поймать.

— Хочешь сказать, это кто-то из них? Или из их участка. Тот, кто в курсе происходящего, и кто знает полицейских в лицо. Тот, кого они не заподозрят. — Юлий растянул губы в улыбке, полной тёмного торжества. Определённо, это был лакомый кусочек.

— Конечно же, своих подозревать начнут в последнюю очередь. Но это весьма вероятно, братец. — Клавдий откинулся на спинку кресла, продолжая так же хищно улыбаться. Ни Дэвис, ни Нэван никогда не осмелятся на такие выводы. — Думаешь, стоит сказать им?

— Стоит, определённо стоит. Хочу посмотреть на их лица. Весь потрясающий спектр эмоций — от отрицания до принятия. — Юлий прикрыл глаза, представляя себе эту картину. — Определённо, это будет забавно. Твоя теория объясняет многие нестыковки и даёт им долгожданную зацепку. Но подозревать тех, с кем работаешь, тех, кто рядом... не только отвратительно, но и опасно.

— Вообще-то полицейские проходят психологические тесты. — Напомнил Клавдий. Ему и самому хотелось поиграть с этой мыслью, найти доказательства или опровергнуть. — В полицейском участке не могут работать люди с нестабильной психикой. Интересно, эти тесты можно обмануть?

— Люди меняются, дорогой брат. Люди ломаются как дрянные игрушки. Через год, два, десять лет. Или просто приходит время, какой-нибудь случай будит спавшую внутри тьму. — Юлий соскользнул со стола и поправил стопку бумаг на столе брата. — Надо лишь заметить

и вовремя расспросить нужного человека. Мы можем получить отличный экземпляр. И чем больше мы помогаем полиции, тем больше у нас на это шансов.

— Разумеется, мы им поможем. Но не раньше, чем дождь хоть немного не утихнет. — Клавдий подошёл и обнял брата со спины, уткнулся носом ему в плечо. — Давай немного подождём. Они сейчас ищут свидетелей и улики, не будем им мешать.

— Хорошо, давай подождём. — Юлий запрокинул голову назад, бесцельно блуждая взглядом по едва различимому рисунку потолка.

Дождевая вода потёками разливалась по стеклу, пряча занавесью мир по ту сторону окна. Была только половина четвёртого вечера, но казалось, что город уже погрузился в ночь. Беспроглядную ночь, от которой ему уже не пробудиться.

Лай мотнул головой, как бродячий пёс, стряхивая воду, и пригладил волосы рукой. Он уже изрядно промок, да и спина затекла от долгого сидения. Дождь барабанил по ещё не опавшим листьям, под скамейкой разлилась огромная лужа. Лай со вздохом встал, едва не охнув от кольнувшей боли в плече. Кажется, он умудрился задремать в парке прямо на скамейке. Сказывались напряжённые последние несколько дней, недосып и действие лекарств. Он встал и пошёл по асфальтированной дорожке, людей почему-то было мало. Лай не заметил ни одного полицейского в пределах видимости. Странно, они должны были дежурить по всему парку. Он совершенно не мог вспомнить, как сел на скамейку. Видимо, последствия сотрясения ещё давали о себе знать. Возможно, у него закружилась голова, и он просто присел. А потом потерял сознание или уснул. Лай медленно и с чувством выругался, глядя в низкое, сочащееся дождём небо. Ему не стоило так пренебрегать своим здоровьем. С ним творилось что-то странное, и он понятия не имел, что. Лай свернул на какую-то узкую тропинку и едва не врезался в Лойдса.

— Инспектор Нэван! Я тебя уже обыскался! Пойдём скорее! — Для вечного весельчака лейтенант был слишком бледным и слишком хмурым.

— Что-то случилось? — Лай недоумённо уставился на подчинённого Мика, но не стал сопротивляться, когда тот схватил его за рукав и потащил за собой. Долго искал? Сколько же времени он спал? Так или иначе, ответ на его вопрос напрашивается сам собой — он пропустил очередное убийство.

— Да, случилось. Мы нашли ещё один труп. Инспектор Дэвис отправил меня и ещё пару ребят на твои поиски. — Лойдс решил срезать по газону. За такое самоуправство он должен был сам себя оштрафовать, но ему сейчас было не до таких мелочей. — Мы уже почти пришли.

— Ещё один труп? Неужели никого не видели? — Лай нахмурился и вытащил из кармана штанов часы на цепочке. Пару лет назад он купил их в одном антикварном магазине и с тех пор носил с собой. Пять часов вечера, без пары минут. Из его памяти куда-то бесследно пропали три часа. Если это и правда была потеря сознания, то больно уж продолжительная для слабого сотрясения. Да ещё и с рецидивами.

— В том-то всё и дело, инспектор, в том-то всё и дело. — Туманно ответил Лойдс. Лай только пожал плечами. Мик всё равно ему всё расскажет.

Наконец, Лойдс вывел его на поляну, на которой был обнаружен труп. Здесь было на удивление мало людей — только необходимые для осмотра тела, места преступления и сбора улик. Лай подошёл к Мику, стоявшему недалеко от тела. Девушка лежала на мокрой земле, раскинув руки и глядя в свинцовое небо пустыми мёртвыми глазами. На лбу её был

срезан достаточно большой лоскут кожи. На бледной коже шеи виднелись красными полулунными ниточками следы от ногтей убийцы. Один из экспертов тщательно изучал её ногти и ладони, он искал частички кожи или одежды того, кто её убил. Эта жертва отличалась от предыдущих — она была действительно красивой, спортивной, а не обычной тусовщицей, как остальные.

— О, Лай, наконец-то, я уже не знал, где тебя искать. — Мик облегчённо выдохнул, заметив напарника. В его глазах скользнуло беспокойство пополам с какой-то слишком уж заметной тревогой.

— Эта отличается от остальных. — Бросил Лай бесстрастно. Он решил не отвечать на невысказанный вопрос друга как можно дольше. Его взгляд блуждал по обнажённому телу, но он не чувствовал ни страха, ни гнева, ни отвращения, ни даже возжелания. Просто труп, ещё одна жертва, объект для изучения. Та самая бегунья, что чуть не сбила его с ног.

— Конечно, отличалась! Она была моим подчинённым! — Высокий худой мужчина, стоявший рядом с Миком, резко повернулся к Лаю. Грязь из-под его ботинок брызгами, разлетелась в стороны. Грегори Аберт, инспектор полиции участка, к ведению которого относился этот парк. Мику пришлось попросить его о помощи, людей не хватало. — Одним из моих лучших людей! И её видели рядом с вами, инспектор Нэван!

— Да, мы столкнулись на дорожке, она остановилась, чтобы извиниться. Инспектор Дэвис может подтвердить. — Лай пожал плечами. Выглядело это как прямое обвинение, но никаких оснований у Грегора не было, и быть не могло.

— Нет, позже. Скажете, больше не встречались с ней? — Грегори вытянул руку и ткнул указательным пальцем в Лая. Его губы подрагивали, но он из всех сил пытался сделать вид, что дрожат они от гнева.

— Не стану. Она присела на скамейку, чтобы отдохнуть, и я догнал её. — Лай пожал плечами, он нацепил одну из самых своих удачных равнодушных масок, и теперь внимательно изучал Грегори через её прорези. В нём было что-то большее, чем переживание из-за смерти подчинённой. Что-то гораздо большее и личное, недопустимое для профессионала в подобной ситуации.

— Она никогда не останавливалась во время пробежек! — Грегори одним шагом преодолел разделявшее их расстояние и схватил Лая за ворот плаща. Щёлк. Последний кусочек головоломки встал на своё место.

— Ты собирался сделать ей предложение, Грегори? — Лай постарался добавить в свой голос пару капель любопытства. Из-за сдавливающего горло страха и напряжения он звучал слишком равнодушно и бесстрастно.

— Сегодня вечером я пригласил её в ресторан. — Грегори на секунду обмяк, даже почти отпустил Лая, но потом вцепился в него с удвоенной силой. — Поэтому я и хочу знать, какого дьявола ты с ней сделал?

— Эй, парни, успокойтесь уже! — Мик, наконец-то решил вмешаться и положил руки на плечи Лая и Грегори. — Аберт, ты что, Лая обвиняешь?

— Дошло, наконец. — По губам Лая скользнула тень улыбки, больше похожей на оскал. — Это, кстати, весьма неплохая теория. Грегори, отпусти, пожалуйста. Убивать меня при свидетелях — не самая удачная мысль. Даже если ты собрался мстить. Кроме того, у тебя нет ни одного доказательства.

— Знаю. Извини. Я, кажется, не в себе. Мик, можно её прикрыть? — Грегори отпустил плащ Лая и посмотрел на Мика пустым, лишённым жизни взглядом. — Я два года не

решался...

— Прости, Грегори. Когда осмотрят, увезут в наш морг. Крис — хороший и деликатный парень. Он о ней позаботится. Лай, что ты там про теорию говорил?

— Теория состоит в том, что убийца — полицейский. — Лай коротко выдохнул и потянулся за сигаретами. Только бы не отсырели! — Это многое бы объяснило. И отсутствие улик — он ведь прекрасно знает, как именно их собирают. И умение собрать простейшую бомбу, и даже знание мест, где можно купить взрывчатку и нужные запчасти.

— В чём-то ты прав, но у меня это вообще в голове не укладывается. — Мик задумчиво потёр подбородок и обменялся с Абертом встревоженными взглядами. Маньяк-убийца в участке — это несмываемое чёрное пятно.

— Это не обязательно кто-то из нашего участка. Мы делились информацией со всеми, на чьей территории происходили убийства. Да и мы все друг друга знаем по именам и в лицо. По крайней мере, большинство. — Лай щёлкнул зажигалкой и жадно затянулся. Голова на удивление не болела. — Эта та версия, которую мы никак не можем исключить. Более того, должны были предположить с самого начала, после первых же трупов. Отсутствие каких-либо улик — само по себе улика.

— Лай, не говори глупостей. Да не мог никто из наших! — Мик никак не мог понять, шутит ли его друг или говорит на полном серьёзе. Конечно, его доводы были логичны, Лай был, несомненно, прав. — Даже если так, что дальше? Подвергнем всех допросу? Будем выспрашивать, кто, где был во время убийства?

— Если это поможет следствию — да. — Голос Лая прозвучал холодно и твёрдо. Слишком удачно эта версия вписывалась в имеющиеся у них факты. Ничто ей не противоречило, кроме совершенно нелогичных моральных принципов. — Кроме того, это объяснило бы, почему у нас было время убраться из того ресторана. Почему убийца решил оставить нас в живых.

— Выходит, всех, кто был тогда с нами, можно исключить. — Мик почесал кончик носа и, смутившись, убрал руку. Старая привычка, оставшаяся ещё со школы. Он слишком сильно волновался.

— Вероятно. Этот человек псих, но не дурак. Он не станет рисковать своей жизнью до того, как закончит дело. — Лай стряхнул пепел в сигаретную пачку. То, что он говорил — было логично и убедительно для всех, кроме него самого. Логика серийных убийц иная, логика тех, чья психика и уровень социальной адаптации сильно отличаются от нормы, не вписывается в привычные схемы. Таких людей нельзя судить так же, как остальных, "нормальных". Многие из них верят в свою избранность и как следствие — неуязвимость. Если он один из них, мог рискнуть. Или просчитать все их шаги и обезопасить на случай, если они догадаются. Либо же он не полицейский, просто наблюдал за ними долгое время. Лай усмехнулся.

— И что тут смешного, Лай? — Недовольно поморщился Мик. Действительно, Нэва иногда перегибал палку со своей загадочностью.

— Просто подумалось, что если это не полицейский? А тот, кто за нами наблюдает и потому знает все методы. — Лай едва мог сдержать улыбку. Мысль была нелепой, но очень уж притягательной. — Из всех вариантов мне в голову приходят только братья Ланги.

— Да уж. Забавная идея. — Мик скривил губы в улыбке. Если Лай прав, шансов у них нет. — Но кто бы это ни был, нам надо приложить все силы для его поимки. Даже если это один из наших.

— Если найду, своими руками придушу ублюдка. — Запальчиво пообещал Аберт, сжав руки в кулаки. Горечь и боль внутри вскипали гневом и ненавистью к тому, о ком он не знал ровным счётом ничего.

— Не торопись, — усмехнулся Лай, — Этим делом заинтересовались братья Ланги. Оба.

— И что мне с того? — Грегори едва сдержался, чтобы снова не броситься на Лая.

— Просто отдай его правосудию. Как говорил мой друг — не спорь с патологоанатомом. — Лай заглушил окурком о пачку и засунул его внутрь. — Братья сделают с ним кое-что похуже простой смерти. Они вытянут из него по капле душу, вытащат наружу все его мозги до последней извилины и исследуют под микроскопом.

— И кто это меня поминает всеуе? — Один из означенных братьев уверенно шагал к инспекторам. Он едва не поскользнулся на каком-то особенно грязном участке и только досадливо поправил очки. — Я ведь только добрался до вас. Добрый вечер, инспекторы.

— Да какой он к дьяволу добрый. — Пробормотал себе под нос Грегори Аберт. Сегодня его мир рухнул, и ему совсем не нравились те пляски, которые остальные устраивали на его осколках. Может быть, Нэван и прав — убивать его не стоит, но Грегори хотелось посмотреть ему в глаза и спросить "За что?". Глупый и наивный вопрос, который никогда не должен был возникать в голове инспектора полиции. Потому что мог, потому что хотел, потому что так ему было надо. Это уже не важно.

— Помяни дьявола к ночи. — Вежливо поприветствовал юриста Мик. Ещё и одного из этих не хватало для начала шабаша.

— И я рад вас видеть живым и относительно здоровым, инспектор Дэвис. — Ланг как всегда излучал ядовитую вежливость и ледяное очарование. — Вот, решил полюбоваться на очередное художество нашего безумца и заодно поделиться кое-каким догадками.

— Неужто великий и всемогущий Клавдий Ланг решил сам податься в детективы? — Лай ответил Лангу такой же ледяной ядовитой улыбкой.

— Право, инспектор, попрिдержи своё остроумие, а то от него уже трава вянет, и птицы с веток падают. — Ланг явно был в хорошем настроении. — Я всего лишь хотел спросить, не приходила ли вам идея поискать преступника в своих рядах?

— Приходила. Вот только что. — Лицо Лая посерьёзнело. Его собственные догадки — это одно, он и сам не до конца знал, стоит ли им верить. Но подтверждение из уст одного из самых суровых прокуроров, того, кто почти никому и никогда не проигрывал — это уже серьёзно. — И не только на счёт полицейских.

— Неужели меня подозреваешь? — Клавдий чуть наклонился вперёд, пристально глядя в глаза Лая. Обычно его взгляд долго не выдерживал никто.

— Скорее Юлия. Это была шутка. — Абсолютно не искренне улыбнулся Лай. Ему было неприятно внимание Клавдия Ланга, оно вызывало у него подсознательный страх.

— Хорошо, договорились. Пусть будет шутка. — Клавдий кивнул и отвёл взгляд. Незачем больше испытывать терпение инспектора Нэвана. Полученных результатов наблюдения уже достаточно. Значит, они и сами пришли к тем же выводам, выходит, их идея не лишена здравого смысла. Приговорить одного из полицейских — это будет очень даже занятное дело. Клавдий повернулся к лежащей на земле девушке. — Надо же, эта юная леди гораздо симпатичнее своих предшественниц. Мне даже почти её жаль.

— Не думал, что ваше отношение к мертвецам зависит от их внешнего вида. — Лай позволил голосу многозначительно затихнуть, словно намекал на что-то достаточно

мерзкое, чтобы задеть Ланга. Хотя он прекрасно понимал — ни одного из братьев нельзя задеть ни одной мерзостью, существующей в этом мире. Они всегда были выше этого. Или ниже — тут как посмотреть.

Ланг лишь усмехнулся и пожал плечами. Его никогда не волновало чужое мнение. И всё-таки в этой девушке было то, что отличало её от остальных.

Лай задумчиво смотрел, как Клавдий Ланг пытается уговорить одного из людей Грегори подпустить его к телу. Очередная игра в то, у кого больше прав и желания. Убитой уже было всё равно, кто и зачем на неё смотрит. В её случае многое было не так, как в остальных. Другие девушки были явно более свободных нравов, да и убита она была днём. Её сначала задушили, а потом только искололи ножом — она могла сопротивляться. И это первое убийство после того взрыва. Оно отличается. Именно это приводило Лая к мысли, что если убийца и полицейский, то он вполне мог быть в группе Мика. Кто тогда? Фанатик Зария, неунывающий Лойдс, старина Мик или он сам? Чена можно исключить — он ещё в больнице. Ханнес тоже — у неё вывих, да и рука слишком маленькая и женская — не совпадает по размерам следов от ногтей на горле. Но даже если так — невероятный и невозможный набор. Может быть, всё-таки он ошибся на их счёт? Может быть. Хотелось бы верить.

Глава 6 Приторные подозрения. Сладкая ложь

Что же тогда такое любовь? Одержимость, биохимия, особое психоэмоциональное состояние? Или всё-таки особая форма социально одобряемого безумия? На что способна любовь? На всё, что угодно. Ненависть, желание уничтожить или сломать, подчинить, обладать — самые разрушительные формы любви. Как и желание умереть. Это ли не одна из форм безумия, навязчивой мании, одержимости? Когда все мысли заняты одним предметом, одним человеком? Но ведь это лишь одна из форм крайностей. Есть и то, что не причиняет вреда — безопасная, поддерживающая и согревающая любовь. Может ли и безумие иметь такую форму? Разумеется. Как и в любви опасны лишь крайние проявления. Но может ли так быть, что острое как клинок безумие, твёрдое и сильное, дремлет до поры, пока не придёт время разрушить границы дозволенного? Может ли и любовь также до поры дремать, чтобы потом сломать и изувечить всё, что попадётся ей на пути? Бессмысленные жертвы бессмысленной войны с самим собой и с обществом. Невозможно принять навязанные законы, если они противоречат тому, что бьётся в груди. В неровном ритме, с пропусками фраз и нот. С аккомпанементом мечущихся мыслей. В сорвавшейся в пропасть мелодии, которую нельзя остановить. В вихре изменчивых форм и перетекающих друг в друга цветов можно лишь падать, изнывая от наслаждения каждым мгновением. Это ли не безумие — жить?

Хэрли открыл первую попавшуюся под руки папку и начал бездумно перелистывать её содержимое. Игнорировать дальше незваного посетителя не было никакой возможности, но он старался выиграть хоть немного времени на то, чтобы взять себя в руки.

— Чему обязан столь неожиданным визитом, адвокат Ланг? — Хэрли постарался выжать из себя вежливую улыбку. На этот раз он даже соизволил представиться. Юлий Ланг, проблема с большой буквы для любого, кто с ним встречается. Его семья слишком влиятельна и богата, а интерес к людям слишком требователен и неприятен.

— Вам ведь известно, что мы с братом крайне заинтересованы в поимке серийного убийцы женщин, которого ищут ваши подчинённые, не так ли? И мы стараемся быть в курсе того, как идёт расследование, несмотря на то, что они нам всячески препятствуют. — Ланг ответил гораздо более искренней змеиной улыбкой.

— Известно, разумеется. Так чем именно я могу быть вам полезен? — Хэрли подумал, что выпишет премию всем, кому приходилось отваживать эту парочку от мест убийств.

— Хочу поделиться некоторыми соображениями с вами, как лицом, вызывающим доверие. — Ланг продолжал улыбаться, вплетая в свои слова намёки и скрытые обвинения. — Вам не казалось странным, что преступник до сих пор не оставил ни одной улики? Что ему удаётся опережать полицию, не смотря ни на какие ухищрения? И наконец, что не у каждого горожанина хватает знаний и возможностей установить бомбу?

— Не понимаю, к чему вы клоните. — Хэрли начал догадываться ещё до того, как Ланг замолчал. — К тому же, вам как адвокату должно быть известно, что без доказательств никакого обвинения быть не может.

— Я никого не обвиняю, просто предлагаю нить рассуждений. — Юлий Ланг поправил очки и посмотрел в глаза Хэрли. Старший инспектор всегда удивлялся, какой у него холодный и жёсткий взгляд.

— Нет, вы именно обвиняете. — Хэрли говорил тихо, чётко выговаривая каждое слово, словно стараясь впечатать их в память собеседника. — Вы обвиняете моих людей. Одного из тех, кому я доверяю, одного из тех, кто защищает этот город, вы обвиняете в серийных убийствах. Вы зашли слишком далеко, адвокат Ланг!

— Может быть, может быть. Но поймите и вы меня, старший инспектор. — Юлий Ланг встал и подошёл к вешалке, перекинул пальто через руку и снова повернулся к своему собеседнику. — Мне хочется получить это дело, а для этого преступника необходимо поймать. Нам пришлось напрячь все силы, чтобы оставить расследование в ведении вашего участка. Если бы его передали отделу по борьбе с терроризмом, убийца мог бы спокойно закончить свои дела. Впрочем, он и сейчас ещё может.

— Вы забываетесь! — Хэрли с трудом сдержался, чтобы не заорать. Ещё не хватало, чтобы его подчинённые в это влезли. — Я понимаю, вы помогли нам. Но также я понимаю, что вы сделали это исключительно из корыстных целей.

— А я и не скрываю. — Юлий Ланг усмехнулся и слегка склонил голову к левому плечу. — Как обычно бывает? Убийца — дворецкий? Тот, на кого никто не подумает? Тогда в этом случае это определённо будет инспектор Мерч, как вы думаете?

— Убийца — мужчина, да и пальцы у неё слишком тонкие. — Хэрли машинально отверг неправдоподобную версию. Его мозг уже против его воли перебирал возможности и искал признаки тревожных перемен в поведении сотрудников.

— Что ж, тогда инспектор Мортимер. — Ланг приторно улыбнулся и вышел из кабинета старшего инспектора Хэрли.

Его слова остались висеть в воздухе, который словно пропитался его ядом. Хэрли отстранённо думал, что, может быть, было бы лучше, если бы дело забрали те серьёзные ребята из отдела по борьбе с терроризмом. Они никого бы не нашли, зато его люди и его участок были бы избавлены и от внимания Лангов, и от нераскрытого преступления. Но Мортимер?

Мик вызвал машину, чтобы отвезти тело в морг и распустил ребят по домам — писать отчёты и анализировать улики. Хотя уликами этот мусор назвать было сложно. У них снова ничего не было, хотя убийство произошло буквально у них под носом. Грегори обещал подежурить до приезда машины и даже съездить лично убедиться в профессионализме Криса. Мик не стал возражать. У него никогда не было кого-то, из-за кого бы он мог настолько потерять голову, так что он не понимал чувств своего коллеги, но всё равно уважал их.

— Эй, Лай, пойдём, выпьем. — Мик положил руку на плечо друга. Нэван вздрогнул от неожиданности, но согласно кивнул.

— Пошли, Мик. — Лай ещё раз окинул взглядом полянку, словно пытаясь что-то заметить, увидеть в последний момент. Ничего. Мокрая земля, дождь, лужи и толпа людей. А ещё мёртвая девушка.

Они вышли из парка и неторопливо пошли к центру города. Дождь моросил — не слишком сильно для того, чтобы раскрывать зонт, но раздражающе противно. Говорить ни о чём не хотелось. Мик молчал, провожая глазами одинаковых серых людей и машины. Лай курил, кое-как прикрывая ладонью сигарету, чтобы не отсырела окончательно. До ближайшего знакомого бара они добрались минут через тридцать.

Приветственно тренькнул колокольчик над дверью, Мик придержал её и пропустил Лая

вперёд. Тот прошёл к дальнему концу барной стойки и взгромоздился на высокий стул. Первый стакан они выпили также молча.

— Лай, ты всерьёз думаешь, что это кто-то из наших? — Мик говорил тихо не столько потому, что не хотел привлекать внимание — ему не хотелось знать ответ на свой вопрос. — Кто-то из тех, кто был в том здании?

— Думаю. Допускаю. Не исключаю вероятности — выбери вариант, который больше нравится. Мик, это действительно многое объяснило бы. — Лай устало выдохнул и одним глотком допил свой стакан. Обжигающая жидкость прошла по полупростуженному горлу и растеклась теплом в желудке.

— Но если это один из тех... кто там был? — Мик прекрасно помнил, что это возможно, но поверить, что кто-то из этих людей — убийца, не мог. Его люди и его друг — даже думать о подобном не хотелось.

— Ты, я, Зария и Лойдс. Ханнес и Чен не могли. Больше всего, конечно, подходит Зария. — Лай налил себе ещё стакан и отпил маленький глоток. Самый удобный вариант, даже психиатрическая экспертиза сейчас подтвердит, что он на взводе. После школы и взрыва уж точно.

— Только потому, что он суеверный? Да он же боится этого маньяка больше всех! — Мик понимал, сейчас Лай не всерьёз, он нащупывает, ищет, но не утверждает. Когда отпадёт всё невозможное — останется истина.

— Или пытаются нас в этом убедить. Или боится он как раз того, что мы его раскроем. — Лай устало выдохнул. Ему всё это тоже не нравилось. Он предпочитал работать в одиночку, хотя ему это удавалось крайне редко — старик всё время ему кого-то навязывал. Но для Мика важна его команда. — Я знаю, ты веришь им. Я тоже им верю. И тебе, и себе. Да и знаем мы их давно, и друг друга — тоже.

— Кстати, а где ты был, когда убили последнюю девушку? — Мик смотрел в стакан, его слова прозвучали как подозрение.

— Спал. Я заснул на скамейке, совсем вымотался. — Лай не врал, просто не говорил Мику всего. Сейчас его признание будет выглядеть слишком подозрительно.

— Понятно. Тебя найти не могли. — Мик озабоченно посмотрел на друга. Он никогда не допустил бы мысли, что Лай способен на подобное. Нэван не любил насилие в любой форме, хотя и мог постоять за себя.

— Знаешь, мне тут кое-что в голову пришло. — Лай сам немного удивился собственной мысли. Как только раньше не догадался? — То, что убийца — полицейский, могло бы объяснить и бомбу в здании. Ты говорил, этот взрыв слишком выбивается из общего ряда.

— Да, выбивается. Слишком масштабно, если честно. Не понимаю, зачем он это сделал. — Мик пожал плечами и махнул бармену, заказывая ещё одну порцию.

— Потому, что такие дела сразу отдают отделу по борьбе с терроризмом. Взрывы — их конёк. — Лай усмехнулся и сделал глоток из своего стакана, зашарил по стойке взглядом в поисках орешков. Обычно они бывали на редкость паршивыми, но ему хотелось есть. — Дело бы у нас забрали, а дело криминальное, не их профиль. Убийца бы спокойно доделал бы свою работу, пока они пытались бы выяснить, откуда взялась взрывчатка. Кроме того, его коллеги-полицейские не пострадали бы. И не были бы втянуты в это. Он просто хотел, чтобы мы ему не мешали, и для этого сделал то, что должно было нас устранить, не убивая.

— Просто хотел убрать с дороги. Или переставить туда, где безопасней. Кажется, братья Ланги ему всё испортили. — Невесело усмехнулся Мик. Это звучало до омерзения разумно,

но ему не очень-то льстило, что маньяк-убийца пытается защитить его от себя же.

— Да, примерно так. Чтобы нас не задело, чтобы мы его не нашли. — Лай ответил такой же невесёлой улыбкой. Действительно, если бы убийце было наплевать, он убил бы их, не задумываясь. — С другой стороны, смерть кого-либо, кроме женщин, может просто не вписываться в его схему. Что-то вроде — пострадать должна только она, во скольких бы женщинах она не воплотилась.

— Действия этого ублюдка слишком логичны для простого психа, одержимого желанием убить того, до кого не может дотянуться. — Мик покачал головой. Такое он встречал и раньше — поиски умершего или уехавшего человека в других людях. Иногда, чтобы любить, иногда — чтобы наказать или даже убить. Просто вышедшая за грань защитная реакция мозга.

— Уверен, он не обычный псих. — Лай замолчал, глядя в свой стакан. Свет от тусклых лампочек танцевал бликами на поверхности, искрил огоньками на гранях. Почти домашнему уютно. — И он просчитывает каждый свой шаг на пути к цели.

— И что прикажешь делать? Как его ловить, Лай? — Мик почувствовал, как внутри поднимается отчаянье. Убийца не просто был на шаг впереди, он контролировал их, следил за ними и обгонял во всём. Они не могли приблизиться, не в силах были заметить даже тень того, за кем гнались.

— На живца. Надо только понять, кого он ищет. Нужен фоторобот. — Лай потёр ладонью лоб и зажмурился. Головная боль появилась снова, всплыла скатом откуда-то из глубин. — Или как-то определить, по каким критериям он ищет. Какие именно пропорции должны быть у оставшихся частей, какие особенности. Почему он до сих пор не смог найти нужное. Или отправить в следующее место девушек с разными типами бровей, губ или скул. Проследить за ними.

— Мы уже следили. Весь парк был утыкан полицейскими, они были под каждым кустом. Мы наблюдали за всеми гражданскими, но не уследили за одной из нас. — Мик стиснул стакан, ему ужасно хотелось швырнуть его в стену. — Мы не думали, что он может напасть на полицейскую. Почему-то мы были уверены в собственной безопасности. Даже после того взрыва. Может быть, ты и прав — нас он убивать не хотел.

— Заставляет задуматься. Она для него — никто. Если бы он встречался с ней каждый день — убил бы раньше. А вот нам он по какой-то причине сохранил жизнь. — Лай снова налил себе бренди. Выводы были самые неприятные. — Если использовать допущение, что он — полицейский, это означает лишь одно — он из нашего округа, с нашего участка. Или связан с ним. Или с кем-то из тех, кто был в той группе.

— Логично конечно. — Мик не знал, что ответить. Круг подозреваемых был до неприятного узок — их коллеги и Крис. Кто там ещё? Родственники или друзья? Зария жил один, насколько Мику было известно. Его родители жили в другом городе, брат — тоже. Вроде бы, пара друзей в каком-то клубе и ещё несколько — в интернете. Но Зария слишком подозрителен и не особо общителен. Лойдс наоборот. У него нет постоянной девушки, зато несколько временных. Куча друзей, даже пара достаточно близких. Все — весёлые, позитивные люди, вряд ли у них есть какие-то страшные скелеты в шкафах. Ханнес — спокойная и уравновешенная девушка. Живёт со своим парнем, собакой и парой котов. Друзья у них хорошие и такие же спокойные. Чен — о нём Мик знал не так много. У него была целая куча китайских родственников и друзей, но среди жертв не было ни одной азиатки. Оставались только они с Лаем. У самого Мика в городе не было родственников и

друзей не с работы, а вот Лай... Крис и ещё Эйчер, кажется. Патологоанатом полицейского участка и странный парень, у которого не всё в порядке с головой. Просто идеальная парочка — любой из них подходит. Крис мог даже улики уничтожить при необходимости. Мик залпом допил то, что было в стакане. Лай не прост ему даже подозрения.

— Знаю, о чём ты думаешь. Крис мухи не обидит, ты же знаешь. — Лай смотрел на него в упор, почти не мигая. — Эйч тоже бы не смог. Никогда. Просто не смог бы. Я знаю, Мик. Можешь не сомневаться.

— Ладно, поверю в этот раз. Твоей интуиции, а не эмоциям, надеюсь. — Мик покачал головой. Сейчас Лай напоминал ему ребёнка, у которого пытаются отобрать игрушку. Мик решил оставить свои подозрения при себе. Пока что у него не было ни одного доказательства, ни одной улики.

— Пойду я, зайду к Крису. Может быть, он что-то нашёл. — Лай встал, оставил на стойке под стаканом несколько купюр и вышел. Колокольчик над дверью звякнул, провожая очередного посетителя.

Мик просидел в баре ещё около часа, обдумывая и перетасовывая все имеющиеся у них факты. Картинка упорно не складывалась. Когда Мик пошёл уже по третьему кругу, он понял, что пора идти домой. Сидеть в баре до самого закрытия всё равно не имело смысла. В голове стоял монотонный гул усталости. Мик расплатился за выпивку и вышел на улицу, так и не заметив возмущённого взгляда не слишком трезвой посетительницы, которая пыталась очаровать его последние полчаса.

Бармен ничего не сказал ей, когда взял его стакан со стойки. Хотя мог бы предупредить, что этот человек слишком давно женат на своей работе и сейчас исполняет свой супружеский долг. В такие дни для него просто не существовало людей, не имеющих отношения к расследованию. Бармен мог бы многое рассказать про него и про его напарника. Он многое слышал и многое понял за годы работы в баре. Но это не входило в его обязанности, и поэтому он молчал. Только вежливо улыбнулся, протягивая не слишком трезвой посетительнице очередной сладкий коктейль.

Лай медленно просыпался, будто выныривал из глубин сна. Тик-так. Часы на стене отбивали свой ритм. Тик-так. Одно и то же столько лет подряд. Тик-так. Под них он просыпался, под них и засыпал. Тик-так. Сколько же сейчас времени? Тик-так. За шторами видны огни рекламных вывесок, значит, до утра ещё далеко. Тик-так. Влажная после дождя рубашка — так неприятно. Тик-так. Он что — не переоделся, когда пришёл? Тик-так. Когда он вообще вернулся? Тик.

Лай резко сел, схватился руками за голову, чтобы остановить кружение. Он же собирался зайти к Крису, вышел из бара и пошёл к полицейскому участку. Дальше, что было дальше? Паника змеей обвила горло, вцепилась в кадык острыми зубами.

— Эйчер! Эйч! — Лай цеплялся за брата, как за последнюю соломинку. Он же должен помнить? Должен же?

Лай встал, пошатнулся и вцепился в спинку кровати. В коридоре было темно, на кухне — тоже. Дверь в его спальню — соседняя, не заперта. Лай открыл медленно, без скрипа. Эйчер не переносил резких и громких звуков — всегда пугался. Он лежал на кровати, но Лай знал — не спит. Отличать дыхание спящего от дыхания того, кто просто лежит с закрытыми глазами он умел отлично.

— Эйч, не спишь? — Лай присел на край кровати и протянул руку, слегка потормошил

Эйчера за ногу.

— Не спишь? — Эхом отозвался он. Как будто ждал, пока Лай заговорит. — Ещё слишком рано. Ещё рано.

— Когда я вернулся? — Лай подавил очередной приступ страха. Один из учеников их школы, на несколько лет старше, сказал ему как-то: "Страх — это маленькая смерть. Чтобы победить страх, надо пропустить его через себя. И когда он уйдёт, останешься только ты". Вроде бы, вычитал в какой-то книге. Лай никогда не мог на это решиться. Он боялся, что погрузившись во тьму страха, уже не сможет выплыть обратно.

— Поздно. Ты сразу пошёл спать, ничего не сказал. — Эйчер приподнялся, завозился где-то в темноте. — Что?

— Не помню, как вернулся. — Лай с шумом выдохнул воздух, как ему показалось — ледяной. — И до этого, в парке, тоже на три часа отключился. Мне страшно.

— Ложись. — Эйчер откинул одеяло, приглашая. Лай стянул влажную рубашку и брюки и лёг рядом с Эйчером. Это только потому, что страшно. — Не бойся. Не бойся.

Кажется, он повторял это снова и снова, пока Лай не уснул. Ему снилось что-то тёплое и приятное, какое-то журчание и пробивающийся через мутное стекло свет. Как всегда, когда он вот так засыпал рядом с Эйчером. Он был единственным, кто мог отогнать от Лая кошмары и защитить его сны. Там, в этом свете и тепле было то, чего Лай хотел больше всего — покой.

Утром Лай собирался на работу в жуткой спешке. Он проспал. Эйчер даже не думал будить его. Просто ушёл заваривать кофе и оставил одеяло откинутым на край. Лай проснулся от холода. На кухне на столе уже лежал свёрток с бутербродами, кружка кофе, которую он выпил на ходу, и сигарета. Позавтракать нормально Лай уже не успевал, от сигареты натошак мутило.

В офис он влетел буквально в последнюю минуту, на ходу стряхивая с волос мокрую снежную крупу. За ночь похолодало, поэтому дождь шёл вместе со снегом, колючим и влажным. Хэрли не любил опозданий, даже если официально сотрудник ничем конкретным сейчас не занимался.

— Лай, наконец-то. Обычно ты приходишь раньше. — Мик усмехнулся и протянул ему кружку с кофе.

— Проспал. — Выдохнул Лай, стягивая с себя кое-как замотанный шарф. Он действительно всегда приходил заранее. Любил посидеть в тишине и одиночестве, подумать над очередным расследованием.

— Ладно уж. С кем не бывает. Старик сегодня с утра злой, как Цербер, которому прищемило хвост вратами Ада. — Мик покачал головой и отхлебнул кофе из своего стаканчика. Хэрли заперся в своём кабинете и не выходил всё утро, хотя обычно он появлялся якобы за кофе, чтобы проверить, кто когда пришёл.

— Аида. — Машинально поправил Лай. Ему тоже не нравилась зловещая тишина которую буквально источала дверь в кабинет старшего инспектора.

— Инспектор Дэвис, инспектор Нэван, у меня есть теория! — Зария явно изнывал от нетерпения поделиться, но не решился прервать их разговор раньше. — Наш убийца — сатанист.

— С чего ты взял? Он совсем не похож на фанатика. — Мик недоумённо пожал плечами. Эти ребята обычно бывали совсем не от мира сего, с поехавшей головой и

моралью. Чаще всего, психи или подростки с промытыми мозгами. Их убийца не был ни тем, ни другим.

— Фанатизм и вера — совершенно разные вещи. — Так же автоматически поправил Лай. Кофе понемногу возвращал его к жизни, но он всё ещё не был готов адекватно реагировать на окружающих людей.

— Верно. — Кажется, Зария сам удивился, что согласен с Лаем. Он его всегда недолюбливал, но молчал из уважения к инспектору Дэвису. — Если он — действительно убеждённый верующий, он вполне способен действовать согласно своей логике.

— Или если он просто социопат. — Лай прикрыл глаза, потягивая кофе из стаканчика. Кофе был дрянной, но крепкий и горячий.

— Это само собой разумеется. — Зария раздражённо отмахнулся, он был полностью поглощён своей теорией. Лай даже усмехнулся, представив, как его школьные учителя и врачи проводят тайком в подвале чёрные мессы. Кое-кто из школьников в этом даже не сомневался. — Подумайте сами — это действительно похоже на ритуал!

— Объясни подробнее, с чего ты взял, что это вообще может быть ритуалом? — Мик нахмурился, но Зарию слушал внимательно. Одно из качеств, за которое его любили починённые — он всегда их слушал.

— Он убивает женщин, а ведь именно женщины ближе к тёмным силам. Он берёт кожу только с левой части лица — опять связь! — Зария торжествующе улыбнулся. В его представлении всё это было едва ли не прямыми доказательствами.

— А ещё он наносил им проникающие ранения ножом, пока они ещё были живы. — Добавил подошедший Крис. Он выглядел сонным и немного растерянным. — Устраиваел им лёгкую асфиксию, чтобы не сопротивлялись, и убивал. Смертельным всегда был только последний удар. Остальные он наносил так, чтобы они чувствовали боль, но не умирали.

— Жестоко. — Почти равнодушно протянул Мик. Грегори действительно этого лучше не знает. — А раздевал он их до или после убийства? И кстати, что ты здесь делаешь? Думал, ты домой уже ушёл.

— Ага, всю ночь в морге проторчал. — Заразительно зевнул Крис. — Раздевал он их после — в раневых каналах я нашёл нитки и частички их одежды. Думаю, раздевать их, удерживая за горло одной рукой, было бы слишком долго и хлопотно. Кажется, я всё это уже говорил, Лаю — точно. Не только мне тут нужно нормально выспаться.

— Тогда это точно ритуал. Иначе какой в этом смысл? — Зария уверенно кивнул, он собирался настаивать на своей версии до конца. Это могло хоть как-то объяснить его страх перед этим убийцей.

— Так всё-таки, Крис, ты мог бы написать отчёт и уйти домой. — Лай скомкал бумажный стаканчик и обернулся в поисках мусорного ведра.

— Мне и самому хотелось бы знать, зачем старший инспектор Хэрли позвал меня. — Крис развёл руками, словно извиняясь за свою неосведомлённость. — Сказал пока поощиваться там, где ошиваются все его бездельники.

— Бездельники, значит. — Фыркнул Мик. Это всё-таки был хороший признак. Старик на них не то, чтобы зол, его достал кто-то другой. И не в бешенстве — тогда он был бы спокоен и до дрожи официален.

Лай успел сходить ещё за одним стаканчиком с кофе, когда открылась дверь в кабинет старшего инспектора Хэрли. Все, кто был в офисе, повернулись, ожидая громов и молний. Хэрли молчал, он смотрел на своих подчинённых, держа в руках стопку каких-то бумаг, и

молчал.

— Коллеги, до обеденного перерыва вы должны заполнить эти бланки. — Хэрли говорил холодным официальным тоном, тем самым, что означал бешенство. — Вы должны отвечать честно и максимально подробно.

— Что это ещё такое? — Мортимер стоял ближе всех к кабинету Хэрли, когда он вышел, поэтому взял листок первым. — Мы должны указать, где были и что делали в определённые дни и часы? Нас что, в чём-то подозревают? Зачем вам это?

— Вас пока ещё ни в чём не подозревают, успокойтесь. Это простая формальность. Не хочу, чтобы у кого-то потом могли возникнуть вопросы. — Хэрли тряхнул пачкой бланков. — Разбирайте и заполняйте.

— Это же время, когда убили девушек! — Лойдс внимательно смотрел на листок. Даты и временные промежутки чётко совпадали. — Вы хотите сказать, что этот убийца — один из нас?

— Ланги! — Выдохнули хором Мик и Лай. Кроме них, эта идея возникла ещё и у братьев Лангов, и встреча с одним из них вполне могла подпортить настроение Хэрли до состояния холодного бешенства. Значит, пока они общались с Клавдием, Юлий был здесь. И не просто был, он рассказал о своих догадках старику, а тот, всё обдумав, пришёл к мысли, что такое возможно. Так же, как и они.

— В каком смысле, Ланги? — Крис недоумённо уставился на Лая. Конечно, эти двое ужасно раздражали, но в ход расследования сильно не вмешивались.

— Вчера на место очередного убийства явился Клавдий Ланг. Он сказал, что убийца вполне может быть полицейским. — Лай задумчиво катал стаканчик с кофе в ладонях. Кажется, братья решили действовать наверняка, проверить свою теорию и ускорить процесс. Как же им не терпится залезть в голову очередного психа! Лай мог понять их мотивы, но методы всегда казались ему не слишком чистыми. Порой от них несло откровенным безумием, а порой — просто пахло эгоизмом и самовлюблённостью. — Слишком хорошо он знает наши методы, про облаву в парке тоже, видимо, знал.

— Как-то натянуто. Не пойму я их. Сначала из кожи вон лезут, чтобы оставить за вами это расследование, а потом палки в колёса вставляют. — Крис пожал плечами. Поведение братьев-юристов казалось ему лишённым всякой последовательности.

— Или наоборот, мотивируют нас искать его быстрее. — Лай сам не до конца понимал, был ли у Лангов чёткий план, или они просто реагировали на события.

— Я что, сам вам носить их должен! — Рывкнул Хэрли, подходя к ним и протягивая им листы. — Чтобы через час у меня на столе лежали! И да, Дэвис, можете занять третий зал для совещаний, он сейчас пустует.

Мик благодарно кивнул и забрал лист. Едва придя на работу, он попросил у Хэрли место, которое можно было бы занять под оперативный штаб расследования. Третий зал был небольшим, использовался редко — именно то, что было им сейчас необходимо.

— Старший инспектор, тут почти все временные интервалы — ночные. Как я смогу доказать, что спал в своей постели? — Мортимер с ужасом и возмущением смотрел на листок. Кажется, у него не было алиби.

— У меня хоть кошка есть, — со смехом отозвался кто-то, — она может доказать, если хотите.

— Последнее время вполне дневное, инспектор. — Тень ехидной улыбки скользнула по губам Хэрли. — Разве нет?

— Я отпрашивался по личным обстоятельствам. — Мортимер явно смутился, они с Люси всё-таки крупно поссорились, ему требовалось время, чтобы прийти в себя, благо, работы было совсем немного. — Вы сами меня отпустили! Так не честно!

— Мир вообще не справедлив, Морти. — Жёстко усмехнулась Люси. Она заполняла свой бланк, сидя на столе Мортимера. Она уже простила его и теперь хотела поиграть.

— Ладно, пойдём. Сейчас разойдётся ещё. — Мик махнул рукой и развернулся. У него за спиной разгоралась очередная ссора Мортимера и Люси, они явно не собирались уступать друг другу.

Лай положил заполненный лист перед собой на стол. У него не было чёткого алиби ни на один день, если, конечно, он не собирался рассказывать Хэрли об Эйчере. Он не собирался. Лучше оказаться в подозреваемых, чем позволить старику его допрашивать.

— Закончил? — Мик недовольно хмурясь вертел свой листок в руках. — Думаю, идеального прикрытия нет ни у кого. Ладно, Зария, отнеси это старику. Когда вернёшься, начнём обсуждение.

Зарии потребовалось не больше семи минут, чтобы сбегать до кабинета Хэрли и обратно. За это время Лойдс и Гарри успели сходить за кофе для всей компании.

— Ладно, оставляю вам отчёты по всем жертвам. — Крис положил на стол несколько папок. Он отчаянно зевал, после ночи без сна в морге ему хотелось только домой и горячего шоколада. Но спать сильнее всего. — Читайте, наслаждайтесь. Лучше во время обеда для полного эффекта.

— Спасибо, Крис. Отдохни как следует. — Мик очень надеялся, что больше его загружать работой они не будут.

Когда вернулись Зария, Гарри и Лойдс, он, наконец, смог начать обсуждение расследования. Агнесс, невысокая тихая женщина, принесла откуда-то большую тарелку с печеньем. Она готовила его сама и иногда угощала коллег.

— Ну что же. Давайте начинать. Все эти подозрения, конечно, не могут не злить, но не стоит забывать, что у них есть основания. — Мик постоял с минуту молча, собираясь с мыслями. Идея Лангов была логичной и возмутительной одновременно. Ему не хотелось в неё верить, но в неё верил Лай. — Для начала у нас есть новая версия. Зария, потом просветишь нас. Во-вторых, Крис оставил мне составленный фоторобот со своими комментариями. Надо будет разобраться и с ним. У меня тут есть ещё отчёт сапёров по взрыву. У кого ещё какие идеи возникнут, не стесняйтесь, высказывайте. Начнём с фоторобота.

Мик достал из отдельной папки несколько листов с портретами молодой женщины, достаточно привлекательной, но не из тех, к чьим ногам мужчины падают десятками. Крис написал, что губы сделал наиболее характерными для этого типа лица и расы, так что они могут отличаться.

— На губах мог быть дефект. Например, шрам или серьга. Сама форма достаточно типичная, не думаю, что у него могли бы возникнуть проблемы с поиском жертвы. Но губы он почему-то до сих пор не взял. — Лай передал листок с портретом дальше сидящему рядом с ним Лойдсу. — Или он оставил их напоследок по какой-то, известной лишь ему причине.

— Потому что уста — врата лжи, врата дьявола. — Уверенно кивнул Зария. — Думаю, он собирался открыть их самыми последними.

— Зария, у тебя там точно кофе? — насмешливо приподнял бровь Гарри. — Или что

покрепче?

— Давай свою теорию. — Кивнул Мик и откинулся на спинку кресла. Женщина была красивой, но по какой-то причине ему казалось, что в этом портрете недостаёт каких-то деталей. И в тоже время, что-то в её лице казалось ему знакомым.

Зария рассказывал убеждённо, даже слишком. Гарри только морщился, Лойдс слушал с вежливым любопытством. Мику пришло в голову, что Чен даже мог бы его поддержать. Утром ему позвонили и сказали, что Чен пришёл в себя, его состояние стабильно, беспокоиться больше не о чем. Это были, несомненно, хорошие новости, но реабилитация займёт много времени, в этом расследовании Чен им уже не помощник.

— Здесь кое-чего не хватает. — Лай закрыл ладонью правую часть лица женщины на портрете. Ему она казалась слишком, до боли знакомой, но он толи не мог, толи не хотел её вспоминать. — У одной из жертв не было пальцев. На рисунке нет руки. Это важная деталь.

— Ты прав, — Мик кивнул, — но почему только пальцы? Почему не ладонь?

— Её не всегда бывает видно. — Лай откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Надо было понять, что именно могут означать пальцы. — Например, если рука сжата в кулак.

— Верно. Или он просто не нашёл нужную ладонь. — Мик взял с тарелки печенье и откусил почти половину. Слегка подгоревшее, корицы многовато — у Агнесс никогда не получалось идеально. Кое-кто считал, что на коллегах она оттачивает мастерство. — Зария, что скажешь?

— Я сравнил этот портрет со всеми имеющимися фотографиями из личных дел персонала и школьниц. Совпадений пока нет. — Зария пожал плечами. Ему эта затея казалась совершенно неразумной. Либо та школа вообще была не причём, либо им никогда не позволят узнать правду об этой женщине. — Думаю, надо расширить границы поиска. Хотя, по-моему, мало шансов, что мы её найдём. Мы ведь даже не знаем, сколько ей лет. Где её искать — среди выпускников школы или среди врачей и преподавателей? Слишком мало данных.

Мик кивнул, Зария был прав — найти нужную женщину в школе — было бы слишком большой удачей. Но Эйчер, этот странный парень, почему-то был абсолютно уверен, что нулевой точкой является именно школа. Да и местечко мрачноватое, если уж на то пошло. Про такие часто снимают фильмы и пишут книги — обычно мистику или ужасы. Про творившиеся там зверства и призраки детей. Интересно, а было ли там что-то подобное? Лай вряд ли захочет рассказывать. Мик украдкой посмотрел на друга. После школы и той ночи в парке он стал ещё более замкнутым и неразговорчивым, словно погружённым в собственные мысли.

— Лай, где ищем следующее место? — Мик встал и подошёл к висевшей на стене подробной карте города. Маленьких сквериков и парков было много, мэрия гордилась своей программой озеленения. Им же теперь от этого были только проблемы.

— На нужном расстоянии нет ничего подходящего. — Лай едва взглянул на карту. Он зябко поёжился и отпил ещё горячий кофе из стаканчика. Расстояние он проверил уже давно, и это не давало ему покоя — ни парка, ни сквера, ни какого-то похожего места. — Нужно людное место, со свободным доступом, достаточно открытое, но в тоже время, с укромными местами. Убийце не выгодно, чтобы труп нашли сразу.

— Хочешь сказать, что на обычном расстоянии ничего такого нет? — Мик нахмурился. Это могло стать настоящей проблемой. Где им искать убийцу, если он изменил один из основных своих маркеров поведения?

— Нет, всего лишь хочу сказать, что нет парков и скверов. Нужно место, куда можно попасть беспрепятственно, где бывает много людей. — Лай скользил взглядом по карте, пытаясь понять, какую именно точку на карте мог выбрать убийца. — Где есть укромные места, в которых можно спрятать тело, но в которых его обязательно найдут. Парки подходили лучше всего.

— Но где ещё? Торговый центр или магазин? — Гарри содрогнулся, представив, что устроит пресса, если труп найдут в каком-нибудь торговом центре.

— Нет, не думаю. Он не выставляет своих жертв напоказ. Но и не прячет. Думаю торговые центры не подойдут. Подземные гаражи тоже — там труп найти будет сложно, да и мы всё равно не сможем определить, какой из гаражей нужен, их слишком много. — Лай вздохнул. Должно быть подходящее место, одно единственное. Школа — нет, там много детей и мало взрослых, да и резонанс большой — рестораны, торговый центр, жилые дома, стройка. Где же?

— Может, стадион? — Агнесс тоже встала рядом с картой, она пыталась угадать, куда именно смотрит Лай. — Даже если кто-то найдёт труп, огласка и паника там вряд ли возникнут — организаторы сделают всё, чтобы замять дело. С них же потребуют деньги за билеты, если игра сорвётся.

— Логично. — С некоторым удивлением сказал Лай. Эта мысль действительно не пришла ему в голову. Людей там много и разных, найти какую-нибудь подсобку, в которую иногда заходят уборщики — проблем не составит. Конечно, там хватает охраны, но его это не остановит — это они уже поняли. — Там как раз есть один стадион. Вот этот.

— Кто-нибудь знает, там у нас ничего не планируется в ближайшее время? — Мик обернулся к своим подчинённым. Сам он спортом не интересовался, поэтому не имел ни малейшего понятия о проходящих матчах.

— Инспектор Дэвис. Ну как так можно? — Лойдс картин всплеснул руками. Иногда его начальник просто поражал его своей отрешённостью от нормальной жизни. — Афиши же по всему городу висят! Завтра вечером будет большой матч, там будет куча народа.

— Значит, завтра вечером. — Мик постарался скрыть смущение. Что с того, что он не обращает внимания на всякие яркие бумажки и билборды? Его же это действительно не интересует. — Есть другие варианты?

— Самый подходящий. — Лай покачал головой. Действительно, ничего лучше на окрестности не было.

— Отлично. Значит, ориентировочно, завтра вечером будем ловить его там. Идеи есть? — Мик медленно переводил взгляд с одного своего подчинённого на другого. Если они не справились в оцепленном парке, как тогда им найти его на переполненном людьми стадионе?

— Можно просто отменить матч. Незадолго до его начала. — Лай пожал плечами. Идея казалась на первый взгляд глупой, но он понимал — для человека, делающего что-то по определённой, важной для него схеме, нарушить её порой бывает просто невозможно.

— Он не придёт. — Нахмурился Мик. Только полный псих пришёл бы в настолько явную ловушку.

— Придёт. Обязан будет прийти. И убить. Он должен закончить портрет, должен закончить начатое. Он уже не может остановиться. — Лай продолжал смотреть на карту города, но не видел её. Перед его мысленным взором человек без лица шёл по пустому проходу между рядами кресел, он держал в руках столовый нож и осматривался по сторонам

в поисках жертвы. На стадионе было пусто, но он всё равно искал. Ту, что похожа лишь частично, на женщину которую он так любил, которую так сильно ненавидел. — И раз там никого не будет, он приведёт женщину с собой. Надо постараться, чтобы ни один из полицейских, особенно девушки, не оставался ни на секунду вне поля зрения коллег.

— Он может убить и полицейскую. — Тихо выдохнула Агнесс. Кажется, она до сих пор не могла поверить в то, что он оказался на такое способен.

— Верно, вполне может. Но почему ты так уверен, Лай? — Мик продолжал хмуриться, он чувствовал уверенность Лая, он привык доверять его интуиции, его суждениям, но сейчас на карту было поставлено слишком много, а его друг был не в лучшей форме.

— Если он выбрал место, он обязательно туда придёт. Он уже показал нам — наличие полицейских его не остановит. Мы лишь немного усложняем ему задачу. — Лай устало прикрыл глаза, карта города словно отпечаталась на внутренней стороне век, и сквозь неё проступал образ безликого мужчины. — Тем более, это самое подходящее место и время.

— Никто не позволит нам отменить такой матч. — Лойдс схватился за голову. Он уже подумывал о том, чтобы сдать билеты, купленные за полгода до матча. Всё равно с этим расследованием Дэвис вряд ли его отпустил бы.

— Нам — нет. Но есть кое-кто весьма влиятельный, кто может нам помочь. — Губы Лая изогнулись в змеиной, ядовитой улыбке, почти такой же, как у братьев-юристов. — Кое-кто, заинтересованный в нашем расследовании. Раз уж братья Ланги всё равно вмешиваются, почему бы их не использовать?

— Ты с ума сошёл! — Мик едва не подавился печеньем. Самому засовывать голову в петлю? Лезть в пасть к анаконде? Нет, парочке питонов? Да Лай, похоже, совсем из ума выжил!

— Мы и так им вроде бы должны. Если хотим чего-то добиться, надо использовать все доступные ресурсы. — Лай продолжал улыбаться, внутри него росло какое-то злое торжество. — Они для нас — всего лишь ресурсы. Именно потому, что они так хотят получить этого маньяка. Их желание делает их зависимыми от нас.

— Ладно, если иначе не получится. Я подумаю, Лай. — Мик устало вздохнул и доел печенье. Кажется, у них действительно нет иного выхода, кроме как продать душу юристам. — Как говорил Крис — не спорь с патологоанатомом. У нас есть почти два дня. За это время мы должны обработать все материалы, построить версии, найти хоть какие-то улики. Изучайте отчёты о вскрытии, результаты экспертизы сапёров — всё, что у нас есть. Работайте.

Мик направился к выходу. Открыв дверь, он услышал чьи-то громкие голоса и непонятный шум. В центре главного офиса собралась настоящая толпа, сквозь её гомон едва пробивался резкий голос Хэрли.

— Что тут происходит? — Мик положил руку на плечо стоявшего с краю полицейского. Тот скривился как от зубной боли.

— Худшее, что может быть. Не завидую я вам, инспектор Дэвис. — Полицейский покачал головой и отодвинулся. — Пресса.

Мик едва не застонал. Только этого не хватало! Они, конечно, использовали средства массовой информации, чтобы собрать сведения об убитых женщинах, но старались не обозначать связь между ними. Если какая-нибудь пронирливая личность решила сделать себе рейтинги за его счёт...

— Да пропустите же! — Пронирливая личность оказалась достаточно милостивой

девушкой в клетчатых брюках и таком же клетчатом жилете поверх блузки. Медные волосы тяжёлыми волнами падали по плечам, а в глазах прыгали озорные чёртики. — Кто-нибудь может сказать мне, где я могу найти инспектора Дэвиса?

— Я — инспектор Дэвис, что вам угодно. — Мик отозвался неохотно, хотя он прекрасно понимал — она всё равно не отстанет, а прикрывать его вечно никто не будет.

— Что здесь творится? — Лай подошёл к Мику и встал рядом. Репортёры, этим что ещё здесь надо? Но девушка симпатичная, кого-то напоминает. Лай никак не мог понять, почему черты её лица кажутся ему настолько знакомыми. Не всё лицо — лишь отдельные его части. Особенно губы. Он никак не мог оторвать от них взгляд, они казались Лаю... не просто красивыми, они были идеальны. Им не хватало совсем немного, одного маленького штриха до совершенства.

— О, наконец-то я вас нашла! Кеан Кристен, вечерняя газета. Вы не могли бы ответить на несколько моих вопросов? — Девушка-репортёр выставила вперёд диктофон как шпагу в туше. Она явно не собиралась отступить.

— Без комментариев, вы мешаете работать. — Мик раздражённо отмахнулся. Ещё не хватало, чтобы в расследование лезли посторонние. Одних Лангов за глаза хватает.

— Скажите, что вы думаете насчёт всех этих убийств? Это работает серийный маньяк? Вы уже вышли на след? Почему полиция до сих пор ничего не предприняла, чтобы обезопасить граждан? — Кеан Кристен сыпала вопросами, не давая ни секунды на то, чтобы обдумать ответы. Мик даже не пытался отвечать, он положил руку на плечо Лая и потащил его за собой.

— Я же сказал — без комментариев! — Девушка вздрогнула, но не отступила, только упрямо поджала губы.

— Вы не имеете права скрывать от общественности правду об опасном маньяке! — В её голове звучала убеждённая и вера в собственную миссию. — Вы же подвергаете опасности граждан, которых должны защищать!

— Не говорите глупостей. — Мик повернулся к девушке, едва сдерживая раздражение. Она действительно сейчас была совсем не к месту, хотя странно, что не пришла раньше. — Если кто и угрожает сейчас безопасности граждан, так это вы!

— Что, да с чего вы...? Да как вы...? — Кеан не смогла больше выдать из себя ни звука, только возмущённо дышала, всем своим видом изображая оскорблённую невинность. Она явно была новичком, раз не умела выворачивать любое слово оппонента себе на пользу и цепляться к каждой фразе.

— Вы мешаете работе полицейского участка. Вы нарушаете порядок работы, срываете сроки раскрытия преступлений. — Мик растянул губы в торжествующей улыбке. Ему вовсе не хотелось быть такой сволочью, но у него не было настроения развлекать репортёршу. — И не даёте нам поймать этого самого маньяка. Так что потрудитесь сами найти выход.

Кеан Кристен ответила что-то вроде "до следующего раза" и, резко развернувшись на каблуках, зашагала к лифту. Мик знал, она действительно не оставит его в покое, может быть, ещё напишет ядовитую статью. Но ему хотелось бы поговорить с ней, когда он будет героем, поймавшим преступника, а не неудачником, которого этот преступник водит за нос. А ещё он ей в отцы годился.

— Эй, Лай, ты чего такой тихий? — Мик обеспокоенно посмотрел на друга. Тот не сказал ни слова, даже позволил увести себя. Для него это было странно и немного пугало.

— Шумно. — Отмахнулся Лай. Он никогда не любил толпу, но репортёров ещё меньше.

Перед ними всегда словно оправдываешься, а Лай не любил признавать свои промахи ни перед кем.

— Как скажешь. Займись документами. В обед куда пойдёшь? — Мик улыбнулся и хлопнул друга по плечу.

— Дома хочу пообедать. В другой раз, Мик. — По губам Лая скользнула бледная улыбка. Он понял, что Мик хотел поесть с ним, поговорить о деле, но отверг это предложение раньше, чем оно было озвучено.

В конце концов, Мик знал его не первый год, должен был привыкнуть. Лай кивнул в ответ на неопределённый жест напарника и направился в свой закуток работать с документами. Ему предстояло перечитать гору всяких отчётов, чтобы хотя бы попытаться найти зацепку. Хотя он прекрасно знал, что ничего там не найдёт. Их маньяк не оставлял им ни малейшего шанса на победу. Но он всё равно собирался сделать всё от него зависящее, чтобы поймать его раньше, чем он собирёт полный портрет. Лай сам не знал, почему это было для него так важно.

Крис постучал в дверь. Три удара, пауза, ещё два удара — раз и навсегда неизменный шифр. Он хотел пойти домой и лечь спать, но нарастающая тревога взяла верх. Ему пришлось терпеливо ждать, пока он откроет — он никогда не открывал сразу.

— Прости, что без предупреждения. — Крис улыбнулся Эйчеру. Он надеялся, что тот не захлопнет дверь у него перед носом.

Эйчер посторонился, пропуская его в квартиру. Постоял пару минут, наблюдая, как тот раздевается, и ушёл на кухню. Крис тяжело вздохнул — как же с ним иногда было трудно общаться. Особенно, когда Эйчер был не в духе, как сейчас.

— Я хотел поговорить с тобой, Эйчер. — Крис сел на стул и положил руки на стол перед собой. В который уже раз его пальцы казались ему слишком большими, а из-под манжет рубашки предательский выглядывали тонкие белые шрамы — напоминание о том времени, когда он был доведённым до отчаянья подростком. — О Лае. Я беспокоюсь о нём. Что думаешь?

— Я беспокоюсь о нём. Что думаешь? — Эхом отозвался Эйчер. Когда Крис первый раз услышал такое повторение, решил, что брат его друга издевается над ним. Эйчер просто обдумывал его слова, выгадывал себе время. — Что ты имеешь в виду?

— Последнее время он стал слишком замкнутым, что-то недоговаривает. — Крис не знал, как правильно выразить словами то, что чувствовал. С Лаем что-то не так, что-то плохое происходит с его другом, а он даже не может понять, что.

— Когда началось? — Эйчер стоял у плиты и ждал, когда подогреется вода. Крис любил чай, но с Лаем пил кофе за компанию. Сейчас можно было приготовить чай. — Когда? Важен срок и место. Там и тогда находится причина изменения.

— Когда? После того случая в парке? Ему тогда досталось по голове. Может, это что-то вроде страха? — Иногда Эйчер мог просто молчать и слушать, а идеи приходили сами из рассуждений.

— Нет. — Эйчер больше ничего не добавил, позволив Крису догадываться самому. Вода уже побелела, этой температуры было достаточно для заваривания чая. Эйчер занялся заварочным чайником. Казалось, он вообще его не слушает.

— Точно. Лай всё-таки не настолько самоуверен, чтобы лезть в одиночку к серийному убийце. — Крис удивлённо почесал нос. Ему такое даже в голову не приходило. Лай всегда

сохранял хладнокровие, в любых ситуациях действовал разумно. То, что он пошёл один ночью в парк ловить убийцу, иначе как выходкой не назовёшь. Что же так выбило его из колеи? — Что было до этого? Ещё одно убийство? Кого это может удивить? Или всё-таки после этого?

— Он пошёл не для того, чтобы охотиться. Проверял теорию. — Эйчер закрыл чайник крышкой и засёк время на кухонных часах. — Проверял теорию. Он не собирался. Вмешиваться. Просто проверял теорию. Просто сопоставил. У вас было мало времени для наблюдения.

— Хочешь сказать, что тот инцидент не повлиял на него настолько сильно? Мы решили, что он ведёт себя странно из-за шока и сотрясения. — Крис прикусил ноготь на большом пальце правой руки. Если это была просто разведка, если Лай не хотел спугнуть преступника, просто искал улики или следы — тогда Эйчер прав. Но тогда выходит... — Школа! Лай с Миком потом пошли в вашу старую школу. Но разве это может повлиять так сильно? У Лая всё-таки стальные нервы...

— Могло. Повлиять. — Эйчер разлил чай по чашам как всегда не пролив ни капли. Только в этот раз это далось ему намного труднее. Напряжение внутри росло, он не мог нормально выражать свои мысли, с трудом подбирал слова. — Плохие воспоминания.

— Плохие? Я, конечно, понимаю. Это, наверное, было жутковатое местечко, но всё-таки не настолько же? — Крис взял в руки протянутую чашку. — Эйчер, Лай мне ничего не рассказывал. Я же не знаю!

— Не рассказывал. Жутковатое место, да. — Эйчер усмехнулся. И от этой усмешки Крису стало не по себе. Ухмылка казалась какой-то противоестественной, искусственной, лживой. Напряжение подкатило к горлу, выплеснулось словами, нанизанными на струны натянутых до предела нервов. — Это было место, где детей разрезали на части, и пытались запихнуть как мозаику в шаблон под названием "норма". Кого-то получалось сломать под правильным углом. Кто-то отправлялся в мусоросборник.

— Эйчер, подожди, что ты такое говоришь? — Крис вскочил на ноги, чудом не уронив чашку. Что за бред он несёт? Как такое возможно? Сейчас не средние века и даже не девятнадцатый век с его первыми попытками разобраться в психике человека! — Там же были врачи. Они пытались помочь, вылечить...!

— А мы были больны? Мы все были больны? — Прошептал Эйчер сдавленным голосом Крис никогда не слышал, чтобы он так говорил, никогда не видел на его лице таких эмоций. Сейчас он даже не мог до конца их интерпретировать.

— Эйчер, успокойся. Я не хочу сказать, что вы с Лаем были больны. — Крис поднял руки ладонями наружу, словно защищаясь. — Не пойми меня неправильно, я не хотел вас обидеть. Но эти люди ведь не желали вам зла! Просто хотели помочь социализоваться.

— Не желали зла. — Эйчер опустил на стул напротив Криса. Из него словно выкачали весь воздух. — Просто научили жить в вечном страхе, притворяться и лгать. Каждую секунду, каждый день жизни до самого конца. Каждое слово, каждый жест проверять и контролировать.

— Эйчер. — Крис с трудом удержался от того, чтобы взять его руки в свои. У него не было права на прикосновения. И он никогда не задумывался, через что им двоим пришлось пройти в той школе. В конце концов, он, как и большинство людей, считал, что такие заведения работают исключительно на благо людей. Вот только на благо каких людей? Об этом он точно не думал.

— Всех детей подстраивают под норму, всех ломают, так или иначе. Мы просто не подходили совсем. Нас пришлось резать и запикивать по кускам. — Эйчер опустил голову так, что за волосами не было видно лица. Крис мог только догадываться, сколько времени это всё варилось, копилось и бродило внутри сознания Лая и Эйчера, сколько раз они возвращались туда в воспоминаниях и кошмарах. Сколько раз пытались сбежать из той школы. И Лаю пришлось вернуться туда наяву. И отправил его туда Эйчер.

— Эйчер, успокойся, прошу. Я просто пытаюсь понять, что с ним происходит. Скажи, ты хоть что-нибудь знаешь? — Крис прикусил губу почти до крови.

— Ты что-нибудь знаешь? — Эйчер кивнул, его голос был тихим и слабым. — Всё будет хорошо. Скоро кончится. Всё кончится.

— Эй, ты о чём? — Крис непонимающе уставился на Эйчера. Что значит — скоро всё кончится? Что именно кончится? — Эйчер?

Никакой реакции. Он просто сидел, не шевелясь. Эмоциональная перегрузка — всплыли откуда-то из памяти слова. И что ему теперь с этим делать?

— Эйчер, послушай. Я сейчас прикоснусь к тебе. Прости, но так надо. Доверься мне. — Крис понимал — Эйчер и так доверился ему больше, чем должен был. Показал свои чувства, хотя обычно прятал их даже от брата. Крис подошёл и обнял одной рукой Эйчера за плечи, помог подняться и отвёл в спальную. Ему нужен отдых, желательно в полной тишине и темноте. Крис не стал раздевать его, просто уложил и укрыл одеялом.

— Эйчер, прости, что заставил тебя всё это пережить. Прости, я, правда, не хотел. — Крис сел на край кровати. У него совсем не осталось сил. — Я же просто за Лая волнуюсь. Не знаю, что, но чувствую, что что-то не так. Просто сердце не на месте. Нет никаких причин. Ведь у меня кроме вас двоих нет никого! Совсем никого! Эйчер. Прости меня. Прости. Пойду я, наверное. Отдыхай.

Только на улице под крапывающим холодным дождём Крис начал немного приходить в себя. Лай никогда не рассказывал ему о школе, а он не спрашивал. Знал, какими болезненными бывают воспоминания, и какими тяжёлыми — вопросы. Значит, вот как оно всё было.... Крис почувствовал, что дрожит. Лай всегда был спокойным, но Эйчер... его эмоций Крис не видел никогда. До этого самого дня. Что же могло настолько вывести его из равновесия? Что так сильно давит на него? Что он знает? Крис понимал, Эйчер ничего ему не расскажет. Он хотел больше всего на свете помочь и защитить, но не мог даже приблизиться. Крис поднял голову, подставляя лицо дождю, серому, бесконечному, как накатывающее отчаяние.

Глава 7 Отчаянье, что гонит в пустоту

Главный редактор вечерней газеты поправил галстук и ещё сильнее вжался в кресло. Вопреки своему обыкновению он хотел стать как можно меньше, как можно незаметнее. А ещё он хотел, чтобы его посетители, наконец, ушли.

— Пока что младшему сотруднику Кристен не удалось ничего выяснить. Но она очень старательная девочка. — Редактор заискивающе улыбнулся. Как же у него от этого ныли зубы! — Если удастся выяснить хоть что-то, я обязательно вам сообщу, будьте уверены!

— Разумеется. Мы же вам платим. — Один из братьев Лангов, тот, что вольготно развалился в кресле для особых гостей, насмешливо посмотрел на редактора. Они действительно ему платили — не очень много, за самые свежие сплетни. И вполне достаточно, когда им было нужно что-то особое, как сейчас. Он никогда не оказывался в накладе — получал и деньги, и материал — но они его пугали. Их интересы были, мягко говоря, странными, болезненными и извращёнными. Но они платили и платили хорошо. Поэтому он не задавал лишних вопросов и старался сделать свою работу как можно лучше и быстрее. А потому напрягал всех, кого мог.

— Как вы с таким красноречием только получили это место? — Второй из братьев — редактор их никогда не мог различить — стоял у первого за спиной и ухмылялся точно так же. — Нам нужны комментарии полиции по этому делу. Любыми способами. Можете даже шантажировать их, нам всё равно.

— Но вам самим было бы легче разузнать... — ещё до того, как редактор договорил, он понял, что совершил ошибку.

— Предлагаешь нам самим руки пачкать? Или забыл про то, чем мы можем шантажировать тебя? — Первый Ланг сделал ударение на последнем слове. Редактор помнил, даже слишком хорошо — ошибки совершают все, но некоторые на них ещё и попадают.

— Я помню. Я приложу все усилия. Но вы уверены, что хотите, чтобы этим занималась именно Кристен? — Редактор замялся. Его уговорили взять эту девушку на работу, можно сказать, надавили. Она так и не смогла закончить журналистский факультет и сейчас где-то ещё училась. И работала в его газете на полставки. Шустрая, общительная, но не достаточно беспринципная для скандальных статей. — Я мог бы найти кого-то более компетентного.

— Нет, мы хотим, чтобы этим занималась именно она. — Второй Ланг положил руку на спинку кресла. — Нам пора, будем ждать от вас новостей. Хороших новостей, разумеется.

Редактор пробормотал что-то просительно-утвердительное и с облегчением вздохнул, когда за братьями Лангами закрылась дверь. Всё-таки они трепали ему нервов больше, чем приносили прибыли.

Клавдий Ланг поправил воротник своего плаща и шагнул из-под козырька под дождь. Юлий едва успел открыть над ним зонтик. Некоторое время они шли молча.

— Почему ты решил взяться за Дэвиса? Уже не веришь, что они его поймают, и хочешь получить хоть что-то? — Юлий брезгливо скривился, он никогда не довольствовался малым, всегда добиваясь того, чего хотел. Не важно, сколько времени, сил или средств это требовало.

— Не говори глупостей, любезный братец. Мне интересен инспектор Дэвис. Если ты

затруднишь себя хоть немного подумать, ты тоже это увидишь. — Клавдий пожал плечами. Разумеется, Юлий не мог не заметить чего-то, столь очевидного. — Инспектор Дэвис столько лет был в тени мрачной личности инспектора Нэвана, но разве человек, так сильно увлечённый чем-то, может быть скучным?

— Ты прав, братец. Дэвис действительно не так банален, как кажется на первый, да и на второй взгляд. — Губы Юлия дрогнули в намёке на улыбку. Всё-таки Клавдий прав, как и всегда. Долгое наблюдение за Нэваном сделало совершенно незаметным Дэвиса. Ведь замкнутый и мрачный детектив притягивал их взгляды, как чёрная дыра — свет. Рядом с ним инспектор Дэвис казался обычным неудачником. — К тому же, в этом деле он — главный актёр. Мы же наблюдаем за его игрой из первого ряда.

— Я решил немного подстегнуть его, позволить проявить то, что он прятал от нас всё это время. — Клавдий плотоядно улыбнулся. Этот человек всё больше увязает в липкой патоке их интереса. Ещё немного, и он уже не сможет из неё вырваться.

— Но почему ты выбрал эту девчонку? Что в ней такого особенного? — Юлий знал ответ, сам же помогал найти информацию. Это было непросто, очень даже непросто.

— Сам же знаешь. Это весьма любопытная игра, но вряд ли им хватит мозгов, чтобы разгадать эту загадку. — Клавдий издал лёгкий смешок и подхватил брата под локоть.

— Скорее уж паранойи. Не у всех людей есть привычка копаться в чужих тайнах и чужом прошлом просто ради интереса. Не у всех есть для этого средства, желание и мозги, дорогой братец. Люди вообще очень разные. Иначе нам с тобой было бы просто скучно. — Юлий пожал плечами и поправил очки свободной рукой. Всего лишь игры — это то, чем они занимались с самого детства. Игры для них двоих. Игры с людьми. В конце концов, они не смогли найти ничего веселее.

Лай посмотрел на часы и ругнулся. Обеденный перерыв уже начался, если он хотел успеть сходить домой, стоило поторопиться. В дверях он опять чуть не столкнулся с Хлоей, она, кажется, пыталась предложить ему пообедать вместе. Глупая женщина! Уж если он отказался есть с Миком, то с ней не пойдёт точно! Лай привычно не стал анализировать её поведение. Слишком очевидным оно было.

На улице шёл уже привычный, как давняя зубная боль, дождь, несильный, но весьма ощутимый. Лай ругнулся под нос и поднял воротник плаща. Зонт он опять не взял, зря только надеялся, что эта дрянная погода изменится. Небо было обложено тучами до самого горизонта, прогноз тоже не обещал ничего хорошего. В ближайшие несколько дней точно.

Он успел дойти до самого дома, когда почувствовал головокружение. Перед глазами всё поплыло, на миг он увидел тёмное мокрое небо в отсветах отражённых огней. Дождь падал ему на лицо, оседал на ресницах, стекал со щёк. Всего на миг, потом его поглотила тьма.

Во тьме не было снов, только журчание, голоса, такие тихие, что слов не разобрать, и шипение. Где-то в самой глубине ворочалось что-то большое и сильное. Пульсировало огромное сердце, а может быть, он и сам находился внутри него и пульсировал вместе с ним. Постепенно звуки стали сильнее, назойливей, он уже почти мог уловить их смысл. Боль пришла резко, как будто ему вскрывали череп. Пульс в висках был похож на грохот походных барабанов в каком-то старом историческом фильме или на биение лопастей гигантской машины.

Лай открыл глаза и тихо, сквозь зубы, застонал. Старое покрывало сползло с его колен и

теперь практически лежало на полу. Он сидел в древнем, потёртом кресле, которое осталось от прошлого владельца и которое они по какой-то неведомой причине перетащили на кухню. Эйчер стоял у плиты и что-то жарил, методично помешивая и встряхивая. Ритм его движений был настолько завораживающе ровным, что Лай некоторое время просто неотрывно за ним наблюдал.

— Эйч, сколько сейчас...? — Он едва смог выдавить из себя несколько слов. Горло так пересохло, что воздух в нём просто застревал.

— Сейчас..., - он с трудом проглотил повторяющиеся слова. — Уже вечер, Лай.

— Я был... когда? — Лай с трудом встал, всё тело болело, как будто он ворочал мешки с песком.

— Часа полтора назад. — Эйчер выключил плиту, но к Лаю так и не повернулся. — Ты сразу пошёл сюда.

— Не помню. — Лай подошёл к раковине, нашарил какую-то чашку, набрал себе воды и выпил залпом. Стало немного легче, но в голове всё ещё стоял туман. — Помню только, что пошёл обедать домой.

— Ты устал. — Эйчер наконец-то повернулся, на его лице, таком похожем и таком чужом, не было ни следа эмоций. Лай знал — он всё чувствует, он не такой, как о нём думают другие, но иногда всё же забывал об этом. — Хочешь есть?

— Да, очень. — Лай и сам удивился тому, насколько он голоден. Действительно, как будто мешки ворочал.

Ели они молча, слишком были голодны, чтобы прерываться. Потом уже, вернувшись в кресло с кружкой кофе, Лай начал думать. Ему это всё не нравилось. Нет, это его до дрожи пугало. Где он мог болтаться полдня? Явно не дома — он же пришёл сюда и сел в кресло, дошёл как-то, значит, не лежал в забытии. Значит, у него случаются провалы в памяти. Это факт, с которым не поспоришь, но он объяснял все нестыковки с тем его самым первым обмороком. Он всю ночь пролежал без сознания, хоть сотрясение было небольшим, да и особого переохлаждения не было. Может ли быть, что он вовсе не лежал под тем кустом? Вполне вероятно, теперь он понимал это весьма отчётливо. Первый раз, когда он сам этого не заметил, и никто ничего не заподозрил.

— Лай, пару часов назад звонил Мик. — Эйчер принёс из гостиной свою любимую диванную подушку, положил её на пол рядом с креслом и сел.

— Чего он хотел? Меня искал? — Лай приоткрыл один глаз и покосился на Эйчера. Тот был необычно тихим, пришибленным. Никто другой бы не заметил мельчайших деталей, намёков, но Лай знал его всю жизнь.

— Сказал, что ты засранец и бросил его одного разбираться с отчётами. — Эйчер достал из кармана пачку сигарет и зажигалку и протянул Лаю. — Говорил, что звонил тебе.

— И? — Лай вытащил одну сигарету и щёлкнул зажигалкой. В самом начале Эйчер использовал только спички — любил их выкладывать так же, как сигареты, по тридцать две в ряд — но после очередного сильного ожога Лай купил ему зажигалку. Эйчу слишком нравилось смотреть, как спички прогорают, он, казалось, даже не замечал того, что огонь уже жжёт его пальцы.

— Ты сказал ему, что очень занят, и что он потом всё поймёт. — Эйчер стал на редкость разговорчив. Лай решил, что это хороший знак. Эйчер волновался за него, а теперь, когда он, наконец, дома — успокоился. — И усмехнулся.

— Не помню. Вообще ничего. — Лай выпустил в потолок струйку дыма. Какая-то часть

его сейчас билась в панике и истерике, а какой-то было всё равно. Что-то происходило, и он не мог на это повлиять.

Эйчер курил медленно и как-то устало. Лай почти задремал, когда он поднялся на ноги.

— Знаешь, Эйч, мне страшно. Я не понимаю, что со мной происходит. Это сводит с ума. — Лай запрокинул голову и посмотрел на белёный потолок. Надо бы почистить или вообще заделать потолочной плиткой. — Я не верю себе.

— Верь. — Эйчер подошёл, обхватил руками его голову и прижал к своему животу. — Всё будет хорошо. Скоро уже. Всё будет хорошо. Хорошо, Лай.

Он повторял это снова и снова, как заклинание или молитву. Лаю хотелось верить ему, каждому слову и этому теплу. Он обнял его, прижался сильнее, ища защиты от ночных кошмаров. Как в детстве, когда защитить друг друга могли только они сами, когда никого другого у них не было. Лай старался не думать о том, что будет завтра, о том, как будет лгать Мику. Тот всё равно не сможет понять правды — её лучше не рассказывать никому. Капала вода в не до конца завинченном кране, в гостиной тикали часы, за окном лил дождь. Этого всего не было в той тьме, но самое страшное — там не было Эйчера.

— Всё будет хорошо. — Убеждённая, фанатичная и слепая. Это ложь, спасительная и целебная ложь — они оба это знали. И продолжали лгать.

Крис положил скальпель в ванночку со спиртовым раствором, стянул перчатку и выключил диктофон. На сегодня его работа была закончена. После разговора с Эйчером он смог проспать всего несколько часов, а потом вернулся обратно в морг. Когда он был занят делом, он быстрее успокаивался, легче приводил мысли в порядок.

Крис окинул взглядом лежащих на столах девушек и крепкого мужчину, убитого выстрелом в сердце и найденного в мусорном баке — этим занималась Хлоя. Ничего нового найти не удалось, все улики незначительны и соответствуют месту. Грязь, запахи, соскобы кожи, частички на пальцах и под ногтями — ничто из этого не смогло дать хоть сколько-нибудь значимого результата. Даже нитки ткани, найденные им на последнем трупе, были самыми стандартными. Ну, разве что, сокращали список подозреваемых до нескольких десятков тысяч. Крис снял халат и устало повёл плечами. В холодильнике оставались ещё бутерброды и пакет с соком. Чаще всего он брал себе яблочный или апельсиновый, но полицейские часто подсовывали ему томатный — шутки ради. Крис достал бутерброд с колбасой и полпачки томатного сока и сел за рабочий стол. Отчёт можно будет написать и утром, сейчас ему было, над чем подумать.

Успокоившись, он попытался разобраться, осмыслить их с Эйчером разговор. В итоге он ничего ему не сказал и не ответил на его вопрос. Могло ли тогда всё это быть ложью? Нет. Эйчер не мог так притворяться, не мог выдать такую достоверную реакцию. Но могла ли она, выпущенная из-под контроля намеренно, быть дымовой завесой? Что Эйчер может скрывать в таком случае? Зачем он это сделал? И мог ли он это сделать?

Крис шевельнул мышкой, оживляя компьютер. Он уже давно перетащил к себе личные дела всех сотрудников их управления так, на всякий случай. Дело Лая Нэвана, инспектора полиции, психологическая характеристика, полученная при поступлении в академию с рекомендациями к дальнейшей работе. Психика стабильная, эмоциональность пониженная, хороший уровень психологической адаптации, сниженные способности к коммуникации, повышенный уровень психопатических черт характера компенсируются ответственностью и высокой трудоспособностью. И ещё много чего подобного. В целом, весьма неплохая

характеристика, если бы не одно "но". Крис знал его лично. Знал давно, ещё с тех пор, когда Лай был студентом. И он мог срываться и злиться по мелочам, слишком много курил, сторонился людей и не доверял им. Всё это совершенно не вписывалось в его характеристику. А ещё он был совершенно и полностью зациклен на своём брате. Такое бы точно обнаружили бы. Тесты безпрестрасны — это человека можно обмануть. Тогда как ему удалось это сделать? Крис никогда раньше не задумывался, не просматривал его личное дело в поисках противоречий с реальностью. Эйчер сказал, школа научила их лгать и притворяться. Мог ли Лай лгать на тестах, и тогда — мог ли Эйчер лгать ему сегодня? Зачем? Чтобы спасти Лая? Он знал, что Крис не предаст, что примет сторону его брата при любом раскладе. Чтобы погубить? Может ли Эйчер ненавидеть Лая за то, что он держит его в четырёх стенах, прячет от мира и мир от него? Он ведь и сам не стремился, так ведь? Так? Или эта вечная зависимость, этот плен тяготят его? Крис почувствовал, как кипят его мозги. Нет, точно, он этого просто не выдержит!

До дома инспектора Дэвиса он дошёл почти на автомате, сам не до конца понимая, куда и зачем идёт. Просто больше ему идти сейчас было не к кому. Он простоял на пороге минут десять, прежде чем ему открыли.

— Ленно, какого дьявола тебе нужно от меня среди ночи? — Мик недовольно посмотрел на незваного гостя, но отошёл в сторону, пропуская его внутрь. — Разувайся и снимай одежду аккуратней, грязи нанесёшь.

Крис немного ошарашено кивнул. Он не ожидал, что холостяцкое логово инспектора окажется таким чистым. Видимо, Мик предпочитал порядок не только в делах и в голове, но и в своём жилище. Вот только чай у него всё равно был в пакетиках.

— Так чего тебе, Крис. Выглядишь потерянным каким-то. — Мик опустил на стул напротив гостя и обхватил руками большую чашку в розовый цветочек. — Я же говорил тебе отдохнуть как следует.

— Мне хватило нескольких часов. Дел много, да и вообще... — Крис не знал, как ему начать разговор. — Меня Лай беспокоит.

— Почему вдруг? Ты что-то заметил в его поведении или словах? — Мик обеспокоенно посмотрел на него, словно пытаясь прочесть по лицу ответ. Он и сам замечал многое, но всё ещё убеждал себя, что это разыгравшаяся паранойя и переутомление.

— Сердце не на месте. — Крис не смог сказать ничего более конкретного, хотя и понимал, как глупо и наивно это звучит.

— Ты говоришь, что с моим другом и коллегой что-то не так сейчас, в разгар расследования, и все твои доказательства — сердце не на месте? — Мик усмехнулся, но без издёвки. Крис вздохнул и попробовал чай. Не так уж и плохо для пакетика.

— Не знаю, как объяснить. — Крис покачал головой. В головоломке не хватало слишком большого количества кусков.

— Он сегодня после обеда так и не явился в офис. Сказал, что у него какие-то срочные дела. Не знаешь, о чём он? — Мик с трудом подавил зевок и сделал большой глоток чая. Он заварил себе два пакетика сразу.

— Не знаю. Я заходил к Эйчеру, спрашивал его. — Крис не знал, имеет ли право рассказывать Дэвису всё. Чужие откровения и чувства — слишком большая ноша, не каждый сможет нести её. — Он толком ничего не сказал мне.

— Крис, ты просто не выспался. Серьёзно, ты просто устал. — Мик покачал головой и улыбнулся.

— Не замечал раньше, что ты такой... — Крис неуверенно улыбнулся в ответ.

— Какой? — На лице Мика было неподдельное удивление. Прозвучала эта фраза слишком непонятно, как будто с каким-то подтекстом.

Крис только пожал плечами. Надёжным. Лай таким никогда не был. Он мог спасти из прихоти, даже защитить — если ему такое придёт в голову. Но по-настоящему он заботился только об Эйчере, и такой заботы Крис не хотел. А Мик впустил его среди ночи и теперь сидит и слушает его невнятный бред, улыбается и пьёт слишком крепкий чай.

— Спасибо, что выслушал, Мик. Я слишком сильно волнуюсь за него, но Лай всегда был сам по себе. Тут ничего не поделаешь. — Крис пожал плечами и улыбнулся устало и как-то обречённо.

— Верно. Я ему завтра устрою за прогул, может быть, что-нибудь он мне и расскажет. — Мик допил чай, забрал у Криса кружку и пошёл к раковине. — Можешь у меня переночевать, уже очень поздно. А завтра, на свежую голову, обо всём подумаем и со всем разберёмся.

— Пожалуй, ты прав. — Крис устало выдохнул. Все эти волнения и мысли полностью его вымотали. Он однажды тоже сидел и вот так накручивал себя, только вот тогда не с кем было поговорить. Больше он такой ошибки совершать не собирался.

Дождь бесшумно барабанил по окнам, стекая каплями на подоконник. Юлий провёл рукой, стараясь стереть дорожки воды с другой стороны окна. Сумрачный свет раннего дождливого утра едва пробивался в комнату. Клавдий лежал на кровати у него за спиной, ему совершенно не хотелось вставать, благо сегодня он мог позволить себе немного лени.

— Помнишь тот ночной звонок? — Юлий не ответил, он спиной чувствовал хитрый, чуть прищуренный взгляд брата. Тому ответ и не требовался. — Это звонил инспектор Нэван. Ты удивлён?

— И чего же он хотел? — Юлий всё-таки обернулся, через плечо посмотрел на Клавдия. Тому явно хотелось поиграть, он легко читал это в его полуулыбке, насмешливом взгляде. Что ж, играть, так играть.

— Он сказал, что я должен сделать то, о чём меня попросит инспектор Дэвис. — Клавдий усмехнулся, словно это было весёлой шуткой. И правда ведь — какая наглость!

— Кажется, он возомнил о себе невесть что. — Юлий высокомерно фыркнул. Иногда пешки совершенно задирают нос и мнят себя чем-то большим, чем просто пешки. — И что же мы сделаем?

— Разумеется, согласимся, дорогой мой брат. — Клавдий задумчиво уставился в потолок. Он никак не мог решить, вставать ему или нет.

— Тебе не кажется неправильным выполнять указания какого-то инспектора? — Юлий раздражённо передёрнул плечами. Брата иногда приходилось одёргивать, когда тот слишком увлекался. Для него Клавдий делал то же самое.

— Не просто инспектора, братец. Инспектора, который позвонил среди ночи и попросил выполнить просьбу, которую ещё никто не озвучивал. — Клавдий решил поваляться в постели ещё минут десять и потому блаженно вытянулся под одеялом. Сегодня слушание у него будет только после обеда, все материалы он уже подготовил. Определённо, преступник будет наказан, против него у адвоката не было ни шанса. Молодой и неопытный парень, весьма перспективный, но до профессионала ему ещё катастрофически не хватало практики.

— Иногда мне кажется, что этот Нэван..., - Юлий не глядя открыл лежавший на подоконнике портсигар, — ... Дьявол! — Невольно выругался он. Пальцы нащупали пустоту. Не самое приятное начало дня.

Клавдий усмехнулся и кивнул. Он и сам об этом подумывал и не раз. Те, кто играет человеческими жизнями и судьбами, как они с братом — это игроки. А тот, кто отдаёт приказы игрокам.... наверное, Юлий всё-таки прав.

Адамс угодливо улыбнулся и протянул старшему инспектору Хэрли результаты опроса. Он лично перепроверил все показания и отметил те алиби, которые подтвердить не удалось. Особую радость ему доставил факт, что среди подозреваемых оказалась парочка наглых и заносчивых типов, которых он терпеть не мог.

— Старший инспектор, взгляните сюда. — Адамс перелистнул несколько страниц и указал начальнику на список тех, у кого не оказалось алиби ни на один из временных промежутков. — Здесь перечислены имена самых подозрительных личностей. Вам стоит обратить на них особое внимание.

— Чему ты так радуешься, Адамс? Подобные подозрения — несмываемое пятно на чести нашего участка. — Хэрли нахмурился. Всего по всем отделам вышло пятеро тех, кто не смог предоставить алиби ни на один из интервалов. — Нам придётся расследовать это тихо и надеяться, что никто, повторяю, никто ничего не разнюхает! Особенно та девчонка из вечерней газеты.

— Да, разумеется. — Адамс невольно вжал голову в плечи. Он даже и не задумался о таких последствиях. Но он ведь не старший инспектор, ему и не полагается думать о таком.

— Ладно, свободен. Отдам распоряжения позже. — Хэрли досадливо махнул рукой. Адамс раздражал его своей вечной угодливостью и злорадством, но он был вполне неплохим работником для двоюродного племянника какого-то начальства.

Теперь оставалось самое трудное — решить, что делать с подозреваемыми на собственном участке. Как только вообще могло произойти такое, что он подозревает своих? Да ещё и в серийных убийствах. Просто невысказано!

Лай Нэван пришёл на работу минут за пятнадцать до начала рабочего дня, но так отчаянно зевал, что едва не усыпил других полицейских. Его хватило только на то, чтобы благодарно улыбнуться Хлое, когда она принесла ему кофе. Утром Эйчеру едва удалось его растолкать, он чувствовал себя вымотанным до крайности.

Лай почти успел допить свой кофе, когда в его закуток нагрязнул Мик. В глазах инспектора Дэвиса пылал праведный гнев и решимость как следует отчитать коллегу. Лай убрал стаканчик с остатками кофе за секунду до того, как Мик встал напротив него, с трудом уместившись в маленькой кабинке, и упёрся руками в стол.

— Инспектор Нэван, потрудись объясниться! Тебя почему полдня не было, что за срочные дела такие? — Мик говорил именно то, что Лай от него ожидал, но совсем не то, что хотел сказать на самом деле. Это была только прелюдия, начало разговора.

— Не могу сказать, это было личное дело. — Лай пожал плечами с максимально независимым видом. Наверное, у него действительно были очень важные дела. Иначе он не ответил бы так старому другу, правда?

— Личное дело? А ты знаешь, у кого в списке Хэрли нет алиби ни на один из временных интервалов? — Мик наклонился ниже, пытаясь поймать взгляд Лая. Ему надо

было знать, лжёт ему его друг или нет.

— У меня, судя по твоей реакции. — Спокойно и как-то равнодушно ответил Лай. Ему было действительно наплевать — сделать с этим он всё равно ничего не мог. Какой смысл сожалеть о прошлом? Он и так знал, что ничего не сможет доказать.

— И у Мортимера, если быть честным. — Усмехнулся Мик. Это действительно было забавно — Мортимер был идеальным, даже слишком правильным, и теперь он оказался в одной связке с одним из самых эксцентричных инспекторов.

— Здорово. Зачем ты это мне говоришь? — Лай пожал плечами. Мик не будет его обвинять. Вот его собственный страх и паранойя — вполне могут, но с ними он предпочтёт разбираться сам. — Предлагаешь мне пожалеть всех этих неудачников?

— Ладно, к чёрту их. Знаешь, ко мне вчера ночью пришёл Крис. — Напускной гнев куда-то делся, оставив место искренней озабоченности. Мик как-то непривычно сгорбился и сильнее упёрся ладонями в стол. — Он беспокоится за тебя, Лай. Ты должен сейчас пойти и успокоить его. — Мик вскинул руку, останавливая собирающегося что-то ответить Лая. — Ты должен, парень. Ты — эгоистичная сволочь, мы оба это знаем. Не так много людей способны терпеть тебя. Ещё меньше — называть другом. Поэтому не смей отмахиваться от таких людей, слышишь? Иди к Крису, он переживает из-за одного психованного ублюдка. Иди и успокой его.

— С патологоанатомами не спорят. — Усмехнулся Лай. Мик был прав, он готов был подписаться под каждым его словом. Беспокоится, значит? Вот ведь наивный, глупый, добрый дурак! Незачем ему беспокоиться о таком законченном эгоисте. — Я пойду. Вот прямо сейчас, через полтора глотка кофе пойду. Если, конечно, ты не прекратишь загоразивать мне выход.

Мик покачал головой и посторонился. Идя к моргу, Лай понимал — сейчас ему придётся лгать, лгать убедительно и много. Лгать человеку, которому он действительно доверял, и который искренне ему верил. Но так было надо — Мик же просил успокоить его, а не пугать ещё больше. А успокоить кого-то, когда сам трясешься от страха, липкого, душного ужаса, можно только солгав.

В морге было холодно, опять протекала труба охлаждения. Лай недовольно поморщился — он не очень-то любил холод. Из рта вырывался пар, пальцы мёрзли, а решимость кристалликами оседала где-то в области солнечного сплетения. Ледяной ком страха в желудке был холоднее замороженных трупов в камерах экстренного сохранения.

Крис занимался инвентаризацией. Он сверял данные из своего списка с бирками на дверцах выдвижных столов.

— Крис. — Прозвучало как-то неуместно и тихо. Лай мысленно отругал себя за эту слабость — он должен казаться более уверенным в себе. Хотя бы казаться.

— Дэвис прислал? — Крис обернулся и поднял глаза от списка. В его взгляде не было привычного света и жизнерадостности, он казался непривычно серьёзным.

— Сказал, ты беспокоишься об одном эгоистичном ублюдке, вроде меня. — Лай усмехнулся. Он не стал отрицать очевидное, но постарался обернуть это в шутку, самоиронию.

Крис ничего не ответил, он просто ждал. Ждал правды, но её Лай не мог ему дать — только раскрашенную под правду ложь.

— Я был в больнице. Ведеева взялась за меня и настояла на полном обследовании. Даже

требовала, чтобы я вообще отключил телефон. Разрешила только Мику ответить, да и то кратко. — Губы дрогнули в снисходительной улыбке, слегка извиняющейся и почти искренней. Ещё немного сожаления. — Тут ещё сотрясение так удачно попало. Хороший повод протащить меня по всем аппаратам и сканерам.

— Что-то серьёзное? — В глазах Криса полное доверие, искреннее беспокойство. Лай внутренне содрогнулся от отвращения к самому себе.

— Нет, ей просто очень хочется выяснить причины моих головных болей и она пользуется случаем. Только и всего. Беспокоиться не о чем, Крис. Всё как всегда. Сам не знаю, почему она не сообщила в участок. Хотя она же знала, что у меня что-то вроде отпуска после окончания расследования, а сейчас я просто на подхвате у друга. Решила, что моё здоровье важнее, а Мик подождёт полдня. — Лай улыбнулся, с трудом проглотив горечь. Почему так страшно, почему хочется кричать и умолять спасти его? Всё равно никто и ничем не сможет помочь — он ведь и сам не понимал, что происходит. — Я просто не хотел говорить Мику — ещё отстранит от расследования. Не думал, что тебя это так беспокоить будет. Прости.

— Ничего, понимаю. Обещаю не говорить инспектору Дэвису. — Крис ответил своей обычной светлой и искренней улыбкой. Глядя в его глаза, Лай чувствовал себя тем самым эгоцентричным больным ублюдком, которым его назвал Мик. Крис ему верил, несмотря на то, что так давно знал. — Береги себя. И знаешь, мне ты всегда можешь довериться. Что бы ни случилось, даже если ты сделаешь что-то неправильное, противозаконное, я буду на твоей стороне.

— Я знаю. — Прозвучало слишком самоуверенно, но искренне. Крис действительно был готов спуститься за ним в ад и даже не спросил бы, вернутся ли они обратно. Такая преданность льстила. Такая преданность пугала. Лай знал, что не заслуживает её. А всё, что ты получаешь незаслуженно, рано или поздно придётся заслужить.

Ему действительно удалось успокоить Криса, но удовлетворения это не принесло, только ещё больше выбило из колеи. Пора было возвращаться к работе, пока Мик не пришёл за ним. В главном офисе надрывал глотку Мортимер, пытаюсь доказать, что подозревать его как минимум странно. Хотя причины как раз были. У Мортимера был явный обсессивно-компульсивный тип личности, с заикливанием на порядке и чистоте, где гарантия, что только на этом?

— Спокойно, инспектор, вас никто ни в чём не обвиняет. — Хэрли поднял руку, заставляя Мортимера замолчать. Старика они привыкли слушаться беспрекословно. — Только подозревает.

Лай усмехнулся и подошёл поближе к Мику. Старший инспектор Хэрли явно не получал удовольствие от происходящего в отличие от Адамса, крутившегося рядом. Этот просто упивался.

— Поговорил с Крисом? — Мик дождался паузы в речи Хэрли и повернулся к напарнику.

— Поговорил и успокоил. Всё хорошо. — Лай кивнул и скрестил руки на груди. Ещё одна ложь во спасение.

Мортимер никак не хотел успокаиваться, Люси даже пришлось взять его под руку и увести в сторону. Хэрли выглядел обеспокоенным.

— Итак, говорю прямо — я не верю в виновность кого-либо из вас, но меры предосторожности необходимы. Мы не можем рисковать своим честным именем и жизнями

граждан. — Старший инспектор откашлялся и окинул присутствующих долгим изучающим взглядом. — Ограничивать свободу передвижения подозреваемых я не могу — работать надо, всё-таки. Но за вами будут присматривать. Просто не обращайтесь внимания на них. Если сможете предоставить свидетельства, слежка тут же будет снята. Это в ваших и моих интересах.

— Вас будут пасти, ничего себе. — Мик присвистнул. Кто же мог так давить на старика, что он решился на подобные меры? Слежка за своими же подчинёнными? Мортимера сейчас удар хватит — они с Люси и так постоянно цапаются, а теперь ещё и это. Она никогда не согласится на свидание под присмотром. — Мало нам было Лангов под ногами.

— Кажется мне, это как раз их работа. — С видимым безразличием пожал плечами Лай. Он должен был чувствовать злость, страх или раздражение, но в место этого ощущал восторг. По неведомой ему самому причине, он чувствовал только радость и предвкушение.

— Всё может быть. — Мик и сам понимал, что братья-юристы вполне были на такое способны.

— Мне нужно в уборную. — Лай проигнорировал удивлённый взгляд напарника. Его одновременно тошнило от страха и распирало от восторга. Сочетание было настолько диким, настолько неестественным, что просто сводило с ума.

Он заперся в кабинке и упёрся руками в бачок. Избавиться от страха всё равно так не получится, но выносить чужое присутствие он сейчас просто не мог. Живот скрутило спазмом, словно внутри ворочался огромный червь. Лай стиснул зубы и проглотил готовый вырваться стон. Осознание. С самого начала ответ был у него перед глазами. С самого начала он знал, но не желал видеть. Теперь уже поздно. Он больше не властен что-либо изменить. Дело раскрыто, улики собраны, вынесен приговор. Лай чувствовал, что задыхается, не в силах избавиться от охватившей его паники. Он машинально дёрнул цепочку слива, шарахнулся от хлынувшей воды и медленно, по двери сполз на пол.

Он должен был понять ещё там, в школе. Она никогда не смеётся и не кричит просто так. У неё всегда есть причины. У всего есть причины — и у зла, и у безумия. У каждого вопроса есть ответ, просто иногда нет того, кто бы мог его дать. Лай сжался, обхватил колени руками, уткнулся в них лбом. Мало кому удаётся заглянуть в бездну и устоять на краю. У него не вышло. Доктор Милевич была права — если кого-то выпускали из школы, это вовсе не значило, что он вылечился, это значило, что в диагнозе ошибка.

Теперь Лай понимал, как чувствуется себя загнанный зверь. Он сам был этим зверем, попавшим в западню, в расставленный капкан. Ответ слишком прост, чтобы его не заметить. Но увидел его только один человек. Самый умный, самый наблюдательный. Лай едва не завыл в голос. Хотелось просто отдаться инстинктам, сбежать, сбросить с себя ответственность, необходимость, гору правил и формальностей. Какое это вообще уже имеет значение?

Лай не знал, сколько он просидел на полу. Сердце перестало колотиться в горле, желудок развязался из тугого узла. Он снова мог говорить, дышать, видеть и думать. Медленно встать, развернуться и открыть дверь. Хотя бы с третьего раза. Подойти к раковине и открыть воду. Умыться. Лай не смотрел в зеркало, сейчас он не был уверен в том, кого или что там увидит.

Мик успел начать волноваться, Хэрли объявил, что следить будут постоянно, кто — неизвестно, но не знакомые. Значит, последняя игра уже началась. Ничего не остановить и

не изменить. Паника сменилась тупой покорностью. Лай даже не слушал, что ему говорили. В итоге Мик просто махнул на него рукой. Лай именно этого хотел сейчас больше всего — остаться наедине с самим собой, хотя бы ещё на несколько часов отгородиться от всего мира. Ответ был прост, но как же тяжело было задать вопрос!

Судья Кларенс недовольно поджала губы. Ещё сегодня утром она должна была закончить все дела и уйти в долгожданный и, вне всяких сомнений, заслуженный отпуск. Но её коллега умудрилась простудиться, промокнув под дождём, и попросила заменить её хотя бы на один день. И вот теперь Кларенс вынуждена была вести заседание по делу о непредумышленном убийстве.

— Дело о непредумышленном убийстве гражданки Эвы Хопкинс её сожителем Жаном Женьеном. Сторона защиты — адвокат Виорел Мэрроу. Сторона обвинения — Клавдий Ланг. — Судья Кларенс поморщилась, услышав шепотки в зале суда. Конечно же, сам непобедимый Клавдий Ланг, который и апостола Петра засадит на пожизненный срок. — Тишина в зале! Слушанье по делу объявляю открытым. Секретарь, прошу, зачитайте суть дела.

Кларенс перевела взгляд на высокого стройного мужчину с возмутительно длинными светлыми волосами, завязанными в хвост, и в весьма элегантных очках. Клавдий Ланг, известная и опасная личность. Кое-кто его просто боготворил, особенно из молодых. Кое-кто не переносил на дух, но эти предпочитали молчать. Кларенс не могла одобрить то, что Клавдий пользовался личными связями для работы. Нет, он ни на кого не давил, не подкупал и никого не принуждал — это было ниже его достоинства. Победить в честной игре — вот чего он и его брат всегда хотели. Но он мог получить понравившееся дело или добыть нужные сведения, к тому же, те, кто знал его лучше, обычно откровенно его боялись. Сама Кларенс старалась держаться от семьи Лангов подальше.

Клавдий приветливо улыбнулся в ответ на её взгляд. Его забавляло и её раздражение, и её нервозность. Он был не очень высокого мнения о ней, как о человеке, но судебные процессы она вела вполне сносно.

— Прошу слово обвинения. — Судья Кларенс кивнула в сторону Ланга. Пусть и небольшая, но это фора для новичка — Мэрроу был ещё очень молод и неопытен.

— Благодарю. В первую очередь, обвинение настаивает, что убийство было умышленным и осознанным. — Клавдий улыбнулся, глядя в испуганные глаза подсудимого. Сейчас этот человек сам был жертвой, призом в его игре с Виорелом Мэрроу. С каждым его словом, с каждым приводимым доказательством Жан Женьен бледнел всё больше. К концу речи обвинения он готов был упасть в обморок. Люди в зале молчали, вряд ли у кого-то из них осталось хотя бы одно сомнение в виновности Жана. Клавдий не думал, что будет так легко. Защита, наверное, даже рот раскрыть не посмеет.

— Уважаемая судья, у меня есть возражения и вопрос к подсудимому. — Виорел Мэрроу уверенно встал со своего места. Судья всё равно дала бы ему слово, как только пришла бы в себя, но так он перехватил инициативу и ясно обозначил свою позицию — он будет сражаться. Клавдий улыбнулся ещё шире — процесс обещал выйти весьма забавным. Весьма забавным. Мальчишка смелее, чем кажется. Игра им уже проиграна, он не может не знать этого, но он не собирается сдаваться только потому, что его противник — Клавдий Ланг и потому, что его доказательств хватит на пару электрических стульев.

— Слово предоставляется представителю защиты, Виорелу Мэрроу. Прошу вас,

спрашивайте. — Судья Кларенс откинулась назад, она была абсолютно уверена, что парень не скажет ничего дельного. Просто решил выступить, показать себя — на будущее.

В отличие от неё Клавдий Ланг слушал внимательно. Мэрроу уверенно перелистывал свои записи, смотрел только на судью и приводил довод за доводом. Ему бы ещё немного твёрдости, уверенности, но это его первое слушание. Чуть больше информации и напора — но он ещё новичок. Забавный парень.

Клавдий решил не разбивать его защиту полностью. Играть, вытаскивать слабости и нелогичности оказалось гораздо интересней. Мэрроу всё-таки не удержался, слишком увлёкся, слишком поддался эмоциям. Клавдий позволил ему лишь пару небольших уступок. В конце концов, Жан Женьен действительно убил её преднамеренно. Ланг не любил лжи.

Он ожидал, что заседание будет коротким и скучным, в итоге оно заняло почти три часа и доставило ему немалое удовольствие. Дождаясь в коридоре своего оппонента, Клавдий перебирал в памяти наиболее удачные его ходы. Определённо, талантливый мальчик.

— Чем-то расстроены, Мэрроу? — Клавдий поправил очки и шагнул вперёд. — По-моему, ваше выступление было на редкость удачным. Вы доставили мне истинное наслаждение, а это мало кому удаётся.

— Наслаждение? — Виорел чуть не подпрыгнул от неожиданности. Он был разозлён и расстроен. Столько потраченных часов, бессонных ночей, чтобы подготовиться, и в итоге так позорно проиграть. — На кону была человеческая жизнь!

— Вы драматизируете, Мэрроу. — Хмыкнул Клавдий. — Это всего лишь наше с вами противостояние. Поймите, у вас против меня не было ни малейшего шанса. Однако вы показали отличную игру.

— Я не играл. — Виорел поджал губы и посмотрел с вызовом на Клавдия. Давно уже никто не осмеливался смотреть на него так. — Человеческая жизнь — не игрушка!

— Вы ошибаетесь. Когда-нибудь вы это поймёте. — Клавдий покачал головой. Мальчик ещё верит в свою работу, в справедливость и в честность. Это пройдёт, со временем проходит у всех. Кого-то это ломает, кто-то становится циником. У них с Юлием никогда не было таких идеалистичных мыслей — их привёл в эту профессию скорее интерес к людям, нежели жажда справедливости. — Сегодня вы проиграли, но когда-нибудь, возможно, мы сможем сразиться на равных.

— Это вызов, да? — Виорел весь подобрался, вскинул подбородок, отчаянно пытаясь казаться выше и сильнее. Выглядело жалко, он и сам это понимал, но ему было наплевать. — Ну что ж. Я принимаю его! Я докажу вам, что нельзя играть человеческими жизнями, даже если для этого мне придётся победить вас в вашей же игре!

— Буду ждать с нетерпением, Виорел Мэрроу. С превеликим нетерпением. — Клавдий отвесил лёгкий полупоклон и направился к выходу. Он предпочёл оставить последнее слово за собой. Незачем провоцировать Мэрроу ещё на какое-нибудь необдуманное обещание. Пока что довольно и этого. Развлечения ему теперь хватит надолго.

Лай толкнул дверь книжного магазина и зашёл внутрь. Со сложенного зонтика-трости лилась вода, поэтому он оставил его у входа. Парень-студент на кассе поднял глаза от книги, но не счёл клиента перспективным и вернулся к чтению. Лай только покачал головой и прошёл вглубь магазина. У него не было никакой конкретной цели, но ему нравилось просто бродить между книжных рядов, смотреть, выбирать. У всего этого было такое умиротворяющее ощущение, приятное и ненавязчивое. Уютное.

Лай прошёл мимо стеллажей с комиксами. Интересно, а задумывались ли когда-нибудь их фанаты, что обычно ценой за силу, кроме одиночества и потери близких, были ещё и раздвоение личности и целый ворох других отклонений? Вряд ли. Лай касался книг, доставал их, читал аннотации, не столько выбирая, сколько пытаюсь угадать, стоит ли книга своих денег. Всё это было лишь бессмысленной тратой времени, но ему так хотелось — почти как последнее желание приговорённого.

Он уже смирился, переварил страх, гнев, обиду. Уже почти ждал неизбежного. Тьма тоже ждала, таилась в тенях, ловила его дыхание, шла по следу. Нет смысла бежать — от себя всё равно никуда не денешься. Нечего бояться — всё равно не избежать. Не о чем сожалеть — сожаленья это яд, что разъедает мозг. Лай чувствовал себя опустошённым. Он уже несколько часов бесцельно бродил по городу, ощущая спиной слезку. Осталось недолго. Он достал из кармана телефон и выбрал из списка номер. Самый важный и сейчас — единственный.

— Эйчер, послушай меня. — Лай говорил спокойно, хотя внутри всё сжалось от невыносимой боли. — Просто послушай. Я всё понял, разгадал загадку. Должен был понять раньше, но не смог. Так вот, всё в силе, слышишь? И пицца, и кино. Я вернусь.

— Я знаю, Лай. — Тихо и почти без эмоций. Губы Лая судорожно дёрнулись в улыбке. Какого ещё ответа он мог ждать?

Парень-студент даже не поднял голову, когда он вышел под дождь. Лаю это было и не нужно. Люди уже не существовали для него. Серый дождь постепенно стирал серый город. Серые люди, почти не различимые в потоках серой воды, шли мимо. Светофор сменил серый цвет на серый. Не важно. Лай улыбнулся и опустил зонтик. Он смотрел в небо, по его щекам стекали струи дождя.

Глава 8 Вопросы были заданы слишком рано

В кабинете прокурора Клавдия Ланга царил полумрак, только на столе ярко горела лампа. За задёрнутыми шторами дождь выстукивал нервную мелодию по стеклу окна. Хозяин кабинета был занят изучением материалов только что законченного слушания. Чем больше он думал о приведённых его оппонентом доказательствах, тем больше ему казалось, что дело было не таким очевидным, как виделось ему в начале. Мэрроу не мог раскопать больше него, у него просто не хватало нужного чутья и опыта, тогда откуда могли взяться сомнения? Мигнула зелёная лампочка на встроенной в столешницу панели.

— К вам посетитель. Инспектор Мик Дэвис. — Приятный голос секретарши вплёлся в полную шелеста тишину. Это был один из тех важных критериев, по которым он когда-то её выбрал.

— Впусти. — Клавдий откинулся на спинку кресла и расслабился, предвкушая развлечение. Нэван позвонил ему ночью и попросил выполнить просьбу Дэвиса. Позвонить он мог любому из них, но выбрал именно его. Занятно, весьма занятно.

Дэвис вошёл и поздоровался, он отчаянно пытался скрыть растерянность за решительность, но Клавдий видел его насквозь.

— Я пришёл, чтобы попросить об одной услуге. — Дэвису явно не хотелось этого делать, но дело было важным — иначе он никогда не пришёл бы. Гордость не позволила бы, и здравый смысл.

— Хорошо, я окажу её. — Клавдий не собирался отказываться от своего решения выполнить просьбу Нэвана. Так он получал в должники обоих.

— Но ведь.... — Дэвис оборвал себя на полуслове. Он не ожидал согласия, тем более вот так.

— Так что вам нужно, инспектор Дэвис. — Клавдий изобразил на лице вежливую заинтересованность.

— Мне нужно, чтобы сегодняшняя игра была отменена. — Клавдий посмотрел на Дэвиса со смесью удивления и восхищения. Это было почти невозможно и весьма любопытно.

— И зачем же? — Клавдий сплёл пальцы в замок и упёрся локтями в стол.

— Высока вероятность того, что именно на стадионе во время матча произойдёт следующее убийство. — Дэвис скрипнул зубами, ему не хотелось делиться подобной информацией, но торговаться сейчас он просто не мог. Хэрли, к которому он пришёл за разрешением, просто развёл руками — это было далеко за пределами его компетенции и возможностей.

— Отлично. Я отменю матч и выведу людей. Вам ведь это нужно? — Клавдий расплылся в змеиной улыбке. — Удачной охоты, инспектор Дэвис. Надеюсь, вы поделитесь со мной пойманной дичью.

— Разумеется. — Натянуто улыбнулся Дэвис. Это расследование стоило ему слишком дорого, и сейчас цена только росла.

Уже выходя из здания суда, Мик почувствовал, как сильно дрожат его руки. Ход сделан, отступить поздно. Проезжавшая мимо машина окатила его водой из ближайшей лужи. Мик глухо выругался, он не мог даже злиться на водителя. В висках набатом билось предчувствие скорой разгадки. Это радовало и, в то же время, пугало его. Что если Ланги правы, и преступник — один из них? Ещё Крис с его переживаниями. Мик спрятался под козырёк

автобусной остановки. Голова уже кругом шла от всех этих мерзостных вероятностей. Рядом с ним раздражающе громко заплакал ребёнок. А что, если Крис прав? Тогда выходит... если сопоставить две вероятности.... Есть же тот, кто знает всё о том, как ведутся расследования, при этом не является полицейским. Тот, у кого и так с головой не в порядке. Он ведь может таким образом мстить, ведь есть же за что. Мик зажмурился и с усилием потёр кончик носа. Не может он сказать Лая, что подозревает его брата, и Крису тоже — он полностью на стороне Нэванов. Что тогда? Установить негласную слежку за их домом? Никто не даст ему разрешения и людей, да и Лай всё равно под наблюдением.

Автобус затормозил, нехотя раскрыв дверцы. Мик вошёл, занял свободное место и продолжил свои рассуждения. В конце концов, это действительно может быть так. Тогда Лай мог догадаться, начал это скрывать и этим насторожил Крису. Но поговорив с Эйчером, Ленно либо убедил себя, что ошибается, либо узнал правду и перешёл в их лагерь.

— Что за бред. Это даже хуже, чем подозревать своих. Парень же не в себе. — Мик не замечал, что говорит вслух, пока не встретился взглядом с сидевшей напротив женщиной. Она смотрела на него как-то странно и даже слегка заинтересованно.

— У вас проблемы? — Женщина чуть наклонилась вперёд и протянула руку, коснулась его пальцев.

— Нет, ничего такого. — Мик помотал головой. Его ложь звучала слишком уж неубедительно. — Да, проблемы. Совсем запутался, не знаю, что думать.

— Главное, не спешите. Сделанные впопыхах ошибки потом очень трудно исправлять. — Женщина участливо улыбнулась. Она искренне старалась помочь, в ней не было фанатичной навязчивости последователей очередной секты, только жизненный опыт. — Не всё всегда происходит так, как мы того ожидаем. Люди вообще склонны всё драматизировать или упрощать.

— Постараюсь не делать поспешных выводов. — Усмехнулся Мик. Драматизировать, значит? И как тут оставаться спокойным, как рассуждать логически? После утренней планёрки Лай сказал, что ему надо подумать. Выглядел он непривычно бледным и напряжённым, Мик тогда ничего не сказал, просто кивнул. Больше Лай в офисе не появлялся. Хэрли, конечно, отправил за ним наблюдателей, так что они за ним присмотрят, если что. Но всё-таки, что с ним не так? Крис заметил уже давно, а он — толстокожий идиот — всегда находил объяснения. Лая что-то мучило, что-то, о чём он не мог ему рассказать.

— Вот и хорошо. Если захотите отвлечься, приходите в тренажёрный зал. И полезно, и мысли прочищает. — Женщина протянула ему визитку, Мик взял её на автомате. Надо же, а ведь Лай ему советовал что-то такое. Например, завести себе хобби и новые знакомства. Он посмотрел адрес — не так уж и далеко от его дома, можно будет зайти после работы. Мик убрал визитку в карман и почти сразу же забыл о ней.

На следующей остановке женщина попрощалась и вышла. Мик чувствовал себя жалким — ему уже незнакомки сочувствуют — и в тоже время более уверенным. Женщина права — он не должен впадать в отчаянье слишком рано. Нет никаких доказательств, что убийца — Эйчер Нэван. И никаких — что убийца Лай.

Когда он подошёл к стадиону, эвакуация уже началась. Люди, кричащие, ругающиеся, недовольные, вытекали из дверей огромным потоком. Мик показал своё удостоверение полицейскому из оцепления и направился к пожарному выходу.

— Подождите! Вы должны ответить мне на пару вопросов! — И откуда только здесь

появилась эта Кристен? Кто мог ей проболтаться? — Там ведь нет никакой бомбы!

— Почему вы так решили? — Мик остановился и развернулся к девушке. На ней было короткое коричневое пальто из хорошей ткани и шоколадной расцветки беретка, сдвинутая на ухо.

— Потому что здесь нет сапёров и кинологов, зато полно полицейских. — Кеан Кристен остановилась, тяжело дыша. Потом девушка решительно отбросила волосы за спину и подошла к Мику вплотную. — И тем более, вам нечего здесь делать, если там просто бомба.

— Просто бомба? Бомба никогда не бывает "просто". — Мик состроил самое строгое лицо, на которое был способен. — Прошу вас эвакуироваться вместе с остальными и не мешать полиции работать.

— Тогда не мешайте работать мне! — Кеан вскинула подбородок, с вызовом глядя в глаза Мику. Он уже видел однажды такой взгляд — только более мрачный и более жёсткий — так посмотрел на него Лай, когда только пришёл работать в их участок.

— Для вашего же блага, — невнятно пробормотал Мик. Сравнение ему не очень-то понравилось. Он взял девушку за руку и подвёл к одному из полицейских оцепления. Кристен упиралась как могла, проклиная свою аккуратность и коротко подстриженные ногти. — Уведите её отсюда. И ни под каким предлогом не пускайте внутрь.

Полицейский кивнул и увёл девушку в сторону — подальше от толпы и от стадиона. Люди всё ещё выходили, эвакуация продолжалась. Ланг сделал пару звонков после его ухода, один из них — старшему инспектору Хэрли, чтобы тот предоставил людей для оцепления. Быстро, чётко, даже как-то страшно. Почему Ланг тогда согласился помочь, даже не спросив, что ему нужно? Слишком самоуверенно и слишком подозрительно. Мику сейчас особенно не хватало Лая с его мозгами.

Он попытался найти репортёршу взглядом — только чтобы убедиться, что она действительно ушла, и заметил в толпе странного парня. Тот был одет во всё чёрное, длинные волосы завязаны в небрежный хвост. Мик и сам не понял, почему обратил на него внимание. Парень обернулся, точно почувствовав его взгляд. В холодных глазах мелькнуло любопытство — как искорка на чёрной глади пещерного озера. Какая-то женщина толкнула его, возмущённо крича на здоровенного парня, которого тащила за руку. Мужчина в чёрном отступил, пропуская её, и случайно поднял руку. Мик заметил переплетенье характерных белесых шрамов на его запястье. Это он? Убийца? У кого ещё могли быть такие глаза? А то, что он псих, и так было ясно. Мик подошёл к ближайшему полицейскому и указал ему на странного парня. За ним надо было проследить, возможно даже, задержать на время. Полицейский кивнул и направился к нему через толпу. Мик облегчённо выдохнул и направился ко входу.

На стадионе уже почти никого не осталось, только несколько полицейских, присланных ему в помощь. Скоро должны были подойти и его ребята. Мик достал телефон, намереваясь позвонить Лаю. Сколько же можно бродить по городу, когда у них расследование в самом разгаре? Телефон зазвонил у него в руках, номер был незнаком.

— Инспектор Дэвис, слушаю вас. — Мик стоял на одном из верхних рядов и слушал, не веря тому, что ему говорили.

— Простите, что беспокою. Инспектор Нэван же входит в вашу группу расследования? — Мужской голос звучал взволнованно и слегка растерянно. — Он ушёл от наблюдения. Сбросил хвост. Мы не знаем, где он сейчас находится и что делает. Мы

доложим старшему инспектору Хэрли, но я решил, что вы тоже должны знать.

— Благодарю. — Единственное, что Мик смог из себя выдавить перед тем, как завершить звонок. Лай сбежал. Просто взял и сбежал от слежки. Куда? И главное — почему?

Мик выбрал из списка номер Лая и позвонил. Сброс. Он сбросил звонок три раза подряд. Вот, значит, как — отказываешься разговаривать? Если Лай не дурак, он скоро избавится от телефона, по которому его можно отследить. Мик набрал номер Криса.

— Крис, приезжай. Знаю, что работы много. Заскочи к Хэрли за разрешением и приезжай сюда, на стадион. Потом всё объясню. — Мик закончил разговор прежде, чем Крис успел ему возразить. Он не мог и не хотел тащить это в одиночку, но что он мог ему сказать? Правду, вряд ли может быть что-то хуже.

— Инспектор, что-то случилось? — Агнесс обеспокоенно посмотрела на своего начальника. За её спиной маячили Гарри, Зария, Лойдс и ещё трое из его людей.

— Слегка простудился. — Солгал Мик. Сейчас говорить правду он никому не хотел. Пусть лучше дойдёт до них в искажённой интерпретации слухов, тогда они смогут спокойно в неё не поверить. — Приступим. Разделимся, девушки без сопровождения не ходят. Берите себе полицейских в напарники и прочёсывайте все самые укромные места. Следите, чтобы никого постороннего не было. Что найдёте или увидите — сразу кричите, звоните, не лезьте никуда в одиночку.

Полицейские расходились по двое, даже мужчины не рисковали ходить по одному. Они не знали, чего ждать от преступника, а неизвестность пугает. Мик тяжело вздохнул и тоже пошёл осматривать стадион. Под ногами в грязи мокли упаковки от жареной картошки и чипсов, стаканчики из-под кофе и колы. Фанаты пришли, несмотря на дождь, ради игры, но так и не получили желаемого. Сама по себе идея Лая была сущим безумием. С другой стороны, это могло спасти очередную жертву. Или не спасти. Мик поднялся на несколько рядов вверх и пошёл мимо кресел. Лай сбежал как раз перед очередным убийством, слишком не похоже на совпадение. Если это Эйчер, он мог захотеть остановить его. А если нет? Опять что-то понял и решил действовать сам? Как в тот раз с парком — тогда всё кончилось не слишком удачно. Не станет же он дурить второй раз подряд?

— Эй, Мик. Зачем ты меня вызвал? — Крис подошёл неслышно. Как только удалось найти? Хотя снизу его, наверное, было отлично видно.

— Разговор есть. Без посторонних. — Мик повернулся и посмотрел Крису в глаза. Он говорил, не давая ему отвернуться, удерживая его взгляд. — Мне позвонили сейчас. Лай сбежал от наблюдения. Я не знаю, что это значит, и зачем он это сделал. Старик будет его искать. И если найдёт — мало ему не покажется. Если ты хоть что-то знаешь, что угодно. Пусть даже правда будет неприятной — скажи мне.

— Я не знаю, Мик. Я ничего не знаю, — тихо сказал Крис. Кажется, он был поражён не меньше Мика. — Если бы я хоть что-то знал...

— Мне бы ты точно не сказал. — Мик невесело усмехнулся. Значит, Крис не в стоворе с Неванами — нельзя лгать с таким несчастным лицом. — Ну да ладно. А теперь выслушай. Знаю, прозвучит неприятно, но мне нужно знать твоё мнение. Крис, Эйчер может быть нашим маньяком?

— Что? — Крис не поверил, просто не мог поверить в то, что говорил сейчас Мик. Мысль казалась настолько дикой и неправдоподобной, что он просто не знал, что ответить.

— А из-за кого ещё мог сбежать Лай? И его странное поведение... мог ли он догадаться, что здесь замешан Эйчер? Ради кого-то ещё он стал бы так стараться? — Говорить всё это

было неприятно, но необходимо. Крис знал братьев дольше, хотя эти слова и причиняли ему почти физическую боль.

— Ты прав, — тихо и как-то обречённо, — ради него он мог пойти на всё, что угодно. Но Эйчер мирный, он не стал бы убивать.

— У этого парня мозги набекрень! Кто знает, на что он способен? — Мик пытался убедить самого себя больше, чем Криса.

— Он не псих. Эйчер не сумасшедший! — В голосе Криса было слишком мало уверенности, чтобы убедить Мика.

— Знаю. Крис, я ни о чём не прошу тебя. Просто хочу, чтобы ты знал о моих подозрениях и о Лае. Остальным я пока не говорил, и говорить не собираюсь. — Мик тяжело вздохнул. Как будто ему не хватало этого расследования. Нет, Лаю обязательно было свалить на него ещё и свои странные проблемы. — Когда закончим здесь, съездим к Нэванам домой. Просто поговорить. Согласен?

— Да, конечно. — Крис попытался улыбнуться, но получилось у него не слишком убедительно.

Мик кивнул и пошёл дальше между рядов. Они с Крисом исследовали подсобное помещение, раздевалку игроков одной из команд и собирались уже вернуться на поле, когда он услышал крик. Женский. Мик не помнил, как выбежал на поле. В самом центре стояла Агнесс и смотрел на что-то у себя под ногами. Мик выругался грязно и от души. В самом центре поля насмешкой над всеми их усилиями лежало тело мёртвой женщины. У неё была срезана бровь и полоска кожи на левой скуле.

— Как же так, инспектор? — Агнесс всхлипнула и повернулась к Мику. — Мы же все искали.

— Да, в подсобках и прочих укромных местах. Никто из нас не додумался остаться на поле. — Мик скрипнул зубами и сжал руку в кулак. Он снова провёл их. — Крис, когда она умерла?

— Около получаса назад. Тело после смерти перемещали. Скорее всего, её убили не здесь. — Крис сидел на корточках рядом с трупом и уже натягивал медицинские перчатки. — Молодая женщина, смерть от потери крови. На шее следы неполного удушения. Всё как и в прошлых случаях.

— Инспектор! — Лойдс тяжело дышал и поминутно стирал с лица дождевую воду. — Он опять нас провёл, да?

— Он точно не человек. — Зария хмуро смотрел на труп, выискивая на нём следы проведения сатанинского ритуала.

— Зария, заткнись. Просто заткнись, хорошо? — Лойдс раздражённо отмахнулся от напарника. Сейчас он уже был почти готов поверить в нечеловеческое происхождение убийцы. — И без твоих мрачных предсказаний тошно.

— Разорались тут. — Крис недовольно поморщился. Реакция полицейских выдавала панику. У них ещё один труп там, где никого не было, и быть не могло. Посторонних сюда не пускали. Протащить труп или бесчувственное тело можно было только до того, как поставили оцепление, но для этого надо было знать об операции ещё до её начала. Заранее знали только они, те, кто был в той совещательной комнате. — Марш собирать улики!

— Разошлись. — Поддержал его Мик. Ещё не хватало, чтобы его подчинённые задумались. — У нас остался в худшем случае ещё один шанс поймать ублюдка. Упустим его — можем вообще не найти. Так что выкладываемся полностью.

— Есть! — Мик кивнул козырнувшим подчинённым и присел рядом с телом. У портрета по-прежнему не хватало губ, значит, ещё один шанс у них есть. Минимум один. Если он этим и ограничится — хорошо это или плохо? Меньше шансов найти, но и меньше жертв.

— Знаешь, мы кое-что упустили. — Крис поднял голову и смахнул со лба пот вперемешку с дождём. — У одной из жертв не хватало пальцев на руке. Мы не учли руку. Преступник пишет не только портрет.

— Но пальцы — единственное, что он взял, кроме частей лица. — Мик задумчиво скользил взглядом по обнажённому телу жертвы убийцы. Крис был прав, они совершенно упустили это из виду. А Лай заметил, сказал ещё тогда, на совещании. А они опять забыли. Как глупо.

— Скажи, тебе не кажется, что удары были не такими чёткими и уверенными, как в прошлые разы? — Крис аккуратно протёр спиртовой ваткой один из разрезов. — Раневой канал такой же глубокий, но ткани повреждены сильнее, форма раны отличается от прошлых случаев. Нож выдёргивался каждый раз в спешке. Видишь мелкие надрезы по краям раны?

— Вижу. Может, раздражитель? — Мик и сам не верил в то, что говорил. Информацию об отрезанных частях лица они никому не сообщали. — Нет, не может. Он торопился или нервничал.

— Всё-таки ситуация была сложной. Хотя раньше такого не случалось. Даже в прошлый раз в парке всё было чётко, хотя жертва сопротивлялась, и полицейских вокруг было много. Не понимаю. Я проведу ещё полное вскрытие в морге, исследую раневые каналы. Может быть, что-нибудь найду.

— Часов в семь я за тобой зайду. — Мик встал и отошёл на пару шагов назад. Шансов раскрыть дело становилось всё меньше. У него появилась пара вполне логичных идей о личности преступника, но от этого уверенность в провале только росла.

Мик оставил своих людей осматривать место преступления и собирать улики, а сам отправился в офис. Старший инспектор Хэрли хотел знать о ходе расследования. Вполне естественно после того, что Мик устроил сегодня на стадионе.

— Дэвис, старик хочет тебя видеть немедленно. — Хлоя Мерч встретила Мик у самых дверей офиса. Она казалась слегка растерянной и взволнованной. — И давно уже хочет. Кстати, ты не знаешь, где Нэван?

— Нет, не знаю. Сам хотел бы знать, Хлоя. Прости, Хэрли ждёт. — Мик натянуто улыбнулся, обходя Хлою и стаскивая на ходу мокрый плащ.

Хорошая девушка, да и к этому придурку Нэвану равнодушна. Почему только он ни разу не обратил на неё внимания? И где его носит? Мик повесил плащ на вешалку, провёл рукой по волосам в безнадежной попытке их пригладить, и постучался в кабинет начальника.

— Заходи. — Хэрли был зол и крайне раздражён. Он навёл на своём столе идеальный порядок — даже лучше, чем Мортимер. Это означало, что он просто в бешенстве. — Садись, Дэвис. Рассказывай.

— У нас ещё один труп и по-прежнему ни одной зацепки. — Вздохнул Мик. Врать смысла не было, скрывать тоже — потом хуже будет. Кроме того, Хэрли — его союзник.

— Ты хочешь сказать, что заключил сделку с Лангами, эвакуировал целый стадион,

вытащил туда кучу людей — и всё без толку? — Хэрли говорил тихо и на первый взгляд абсолютно спокойно. На самом деле старший инспектор Хэрли просто не мог решить — придушить своего подчинённого или загрызть.

— Именно так. Пока мы обшаривали все подсобки, он выложил труп по центру поля. Ленно сказал, что убили её в другом месте. — Прозвучало слишком обречённо, чтобы потом успеть сделать вид, что ничего не понял.

— Кто знал об операции? — Хэрли всегда умел угадывать то, о чём ему не говорили. И делать выводы.

— Я, Нэван, Ленно, мои ребята — Гарри, Зария, Лойдс, Агнесс. Всё. — Мик с трудом выдержал взгляд Хэрли. — Ещё знал Ланг.

— Хочешь сказать, это его рук дело? — Хэрли покачал головой. Мик непонимающе уставился на своего начальника. В каком смысле — его? — Ланги хотят идеального преступника, идеального безумца. Они ищут его уже давно. Как знать, может быть, они решили создать его.

— Быть этого не может! — Мик мотнул головой. Такое он даже предположить не мог — братья Ланги затеяли всё это, чтобы просто поиграть с ними?

— Может. Всё может быть, сам знаешь. Они вполне могли придумать идеальное преступление, чтобы понаблюдать за вами. Найти и создать преступника по своему вкусу. А потом осудить и оправдать его одновременно. — Хэрли вытащил из подставки ручку и начертил несколько линий на чистом листе бумаги. Это значило, что он уже начал успокаиваться. — Сложная задачка, как раз в их стиле.

— Скорее уж, невыполнимая. — Вздохнул Мик. Выходит, их заявление о том, что убийца — полицейский, было лишь попыткой отвести подозрения от себя или от того, кто делал за них грязную работу. Если, конечно, они не сделали убийцей полицейского. Не могли же они шантажировать Лая?

— Просто зафиксируй у себя в голове эту версию, Дэвис. На всякий случай. И скажи мне вот ещё что, где твой друг Нэван? — Хэрли медленно прочертил длинную черту до самого края листа. — Какого дьявола ему потребовалось уходить от слежки? Куда он вообще делся?

— Я не знаю. Он не отвечает на мои звонки. Старший инспектор, это точно не он! Я знаю его уже давно, он на нашей стороне закона. — Мик вцепился в подлокотники так, что побелели костяшки. В голове билось упрямое — этот идиот не бросил бы брата по собственной воле.

— Он мог слишком увлечься своими любимыми подопечными. Он ведь специализируется на таких делах, верно? — Хэрли смотрел внимательно, изучающе, как будто ждал, что ответит ему Дэвис. Ответ он знал, и теперь ждал, как сильно рискнёт ему солгать его подчинённый.

— Знаю я. Именно поэтому и не мог — потому что ловил их. Потому что знает, как они думают. Он не попадётся в ловушку. Он не такой. К тому же, на него напали в парке. — Мик почувствовал под пальцами соломинку, тонкую и слегка подгнившую под дождём. — У меня даже свидетель есть. У Лая было сотрясение и гематома. Это вполне неплохое алиби на момент одного из убийств.

— Свидетель, говоришь. И что же сказал этот свидетель? — Вкрадчивый голос Хэрли не оставлял сомнений — все доводы Мика заранее обречены быть раскритикованными.

— Сказал, что видел, как Лай дрался, только не видел с кем. — Прозвучало не слишком

убедительно, но Мик тогда не смог вытащить из парнишки больше. Тогда он и не считал это настолько важным.

— Вот только у инспектора Нэвана было лёгкое сотрясение, верно? Дэвис, ты же знаешь не хуже меня, что это не приводит к потере сознания на всю ночь. И к провалам в памяти на всю ночь тоже. — Хэрли покачал головой. Мик и сам прекрасно понимал, как много было странностей во всём том деле.

— Я был у него дома, когда он вернулся утром. Беспокоился, вот и решил проверить, вернулся ли он. У Криса Ленно были ключи, они ведь дружат. Квартира Нэвана близко к участку, а Крис часто работает по ночам. — Мик развёл руками, словно эта почти-не-ложь была чем-то, само собой разумеющимся. — Ему действительно было очень плохо. Может быть, что-то вроде контузии. Не знаю, честно. Я же не врач.

— Ладно, так уж и быть поверю. — Хэрли нехотя оторвал кончик ручки от бумаги и провёл ещё одну черту — короткую. — Давай, ищи ублюдка. Всеми силами, делай, что можешь и чего не можешь, но найди его. Нэвана буду искать я — ты о нём пока что просто забудь, не забивай голову. И про Лангов тоже. Это не твой уровень. Сам покопаюсь.

— Понял. Разрешите идти? — Мик встал, но пока что остался стоять. Он всегда уважал Хэрли, и сегодня получил ещё одно подтверждение того, что не зря. Старик прекрасно понял, как сильно Мик волнуется за друга, и что он не сможет его арестовать. Поэтому просто взял неприятную задачу себе.

— Иди. Жду с докладом о поимке. — Хэрли отмахнулся от благодарности в глазах Мика. Всё, что он делал, он делал в первую очередь на благо города и его граждан. Во вторую очередь — на благо его участка и подчиненных. — Кстати, того парня, что ты задержал, пришлось отпустить. Хотя ты прав, он весьма подозрительный. Похож на психа.

Хэрли пожал плечами — в этом городе, кажется, все были психами. Ни одного нормального человека. Конечно, у них не было никаких причин задерживать того странного парня, но будь его воля, он покопался бы в его прошлом. И хорошенько покопаться. А так ему пришлось даже извиниться перед ним за необоснованные подозрения.

Мик вышел из кабинета начальника и только тогда смог выдохнуть. Он чувствовал себя выпотрошенным и освежёванным, как рождественский кролик. Проходившая мимо Хлоя бросила на него сочувственный взгляд. Мик отстранённо подумал, что Лаю бы она принесла кофе. А он, старый зануда, не заслуживает внимания молодых девушек. Хотя Лай с его эгоизмом — тоже.

В семь вечера Мик, как и обещал, зашёл за Крисом. Тот так увлёкся работой, что совсем забыл о времени. Он нашёл на теле последней из найденных жертв следы, которых не было на предыдущих. На запястьях девушки были тонкие надрезы, сделанные после её смерти. Крис пока и не смог определить, для чего и чем они были сделаны.

Полвосьмого вечера Мику всё-таки удалось оторвать его от работы. На улице шёл мелкий морозящий дождь. Крис недовольно бормоча себе под нос всё, что он думал о такой погоде, надвинул капюшон и засунул руки в карманы куртки.

— Когда же он уже кончится? — Раздражения в его голосе было больше, чем обычно.

— Надеюсь, скоро. — Мик обречённо сгорбился под зонтом. Все эти убийства начались вместе с дождём.

Идти было совсем недалеко, но это заняло у них непростительно много времени. Крис не собирался признавать вину Эйчера, а Мику вся эта ситуация была просто неприятна.

Конечно, версия Хэрли могла обелить обоих Нэванов, но для этого в неё надо было сначала поверить.

Мик надавил на кнопку дверного звонка сильнее, чем хотел — звук получился резким и неприятным, а ещё — слишком громким. Им никто не ответил, хотя он на это не особо-то и рассчитывал. Крис постучал — особое сочетание пауз и ударов, чтобы показать — я свой. Им снова не ответили. Либо его не было дома, либо он вообще не собирался никому открывать кроме, разве что, брата.

— Да где его носит? — Раздражённо спросил Мик. Его бесила собственная нервозность — словно он делал что-то плохое.

— Здесь. — Тихий бесцветный голос заставил Мика резко обернуться. Эйчер стоял в нескольких шагах от него с полиэтиленовым пакетом в руке.

— Так ты... — Мик не продолжил фразу "можешь выходить из дома". Это и так повисло в воздухе. Эйчер прошёл к двери и завозился с ключами.

— Я ждал вас раньше. — Монотонность и бесцветность делала его голос совершенно не похожим на голос брата.

— Ждал нас? — Крис недоумённо уставился на Эйчера. — Но почему ты вообще нас ждал?

Эйчер лишь пожал плечами и вошёл в квартиру. Он не собирался отвечать на такие глупые вопросы. Лай исчез — разумеется, они придут к нему в надежде хоть что-то выяснить. Может быть, они даже его подозревают. Это тоже было вполне ожидаемым.

Он не стал приглашать их — сами войдут, если им это нужно. И всё равно они слишком долго не решались, он успел переодеться, разобрать продукты и поставить чайник на огонь.

— Эйчер, ты не знаешь, где Лай? — Крис первым решился зайти на кухню и заговорить. Иногда даже удобней, когда тебя считают то ли больным, то ли умственно отсталым.

— Где Лай. — Эйчер высыпал сигареты из пачки на стол. По четыре в ряд, четыре — важное число. Всего должно быть восемь рядов. — Не знаю.

— Он не звонил, ничего не говорил тебе? — Крис нервничал, проклиная свою неловкость. Ему всегда казалось, что брат его друга видит его насквозь.

— Нет. Я не знаю. — Это было почти правдой. Звонил, но не сказал ничего, чем стоило бы делиться. Эйчер разлил кофе по кружкам и поставил на стол перед Крисом и Миком.

— Где ты был сегодня днём? — Мик нахмурился, он не собирался беречь ничьих чувств. Сейчас обезопасить Лая для него была важнее.

— Не важно. Алиби у меня нет. — Эйчер выровнял левый край выложенных рядами сигарет. — Сегодня уже закончилось. Приходите завтра. Наверное, всё решится. Вы узнаете.

— Что значит — решится? Какого дьявола, Эйчер? Хватит говорить загадками! — Мик вскочил на ноги. Нэван выглядел слишком спокойным, слишком невозмутимым. — У тебя брат пропал, в конце концов, прояви хоть какие-то эмоции по этому поводу!

— Зачем? — Эйчер вытряхнул из пачки последнюю сигарету и прикурил. — Я не знаю, где он, и не могу ничего изменить. Значит, переживать бессмысленно.

— Знаешь, — тихо и отдельно сказал Мик, — это звучит как-то совсем не по-человечески.

— Успокойтесь оба. — Крис поднял руки в примирительном жесте. — У нас нет ни доказательств вины, ни алиби, верно, Мик? Мы не можем сейчас делать выводы. Сегодня ничего уже не решится, так?

— Я спокоен. Я просто хочу во всём разобраться. — Кипя от бурлящего где-то в груди

гнева, ответил Мик. Он чувствовал, что Эйчер что-то знает, но не мог пробиться через выстроенную им вокруг себя стену.

— Завтра. Приходите завтра. — Эйчер выпустил струйку дыма и посмотрел в пространство между Крисом и Миком. — Я отвечу. Только вдвоём. Больше никого не надо. Не надо. Никого.

— Хорошо. Мы придём, так что будь готов ответить. — Мик сжал руку в кулак. Как так получилось, что ему ставит условия тот, кого он подозревает в убийствах? Или вообще в похищении и убийстве брата — возможно же? Как так получилось, что он согласился на его условия, даже не попытавшись торговаться?

— Пошли, — тихо сказал Крис и положил руку ему на локоть. Мик только фыркнул, но всё-таки повернулся к двери. Эти засранцы из него просто верёвки выют!

Уже на улице он слегка успокоился и пришёл в себя. Им просто манипулировали, и кто — парень, который из дома лишний раз выйти не может! А ещё, наверное, его брат. И Ланги. Да мало ли кто ещё! Мик тяжело вздохнул. Видимо, тут уже ничего не поделаешь.

— Ладно, дьявол с ним. Завтра, так завтра. — Мик раскрыл зонтик и повернулся к Крису. — Уже поздно. До меня ближе, если хочешь, можешь переночевать.

— Нет, спасибо. Я к себе. — Крис улыбнулся и развёл руками. Ему действительно сейчас хотелось домой.

Мик махнул рукой ему в спину и зашагал куда-то в противоположную сторону. Слова Эйчера о том, что завтра всё решится, не выходили у него из головы. Завтра. До этого срока осталось всего несколько часов.

Мик остановился у уличного автомата с напитками и купил себе банку с холодным кофе. Напиток оказался мерзейшим, слишком сладким — видимо, для того, чтобы спрятать гадостный вкус.

Убийцы, особенно серийные, часто возвращаются к своим жертвам — либо на место преступления, либо на кладбище. Этот был не таким. За местами, где находили трупы, следили — никто посторонний там не появлялся. Жертвы все были ещё в морге, некоторых даже не опознали. Значит, туда он тоже не приходил. И Мик знал, почему. Он не убивал этих женщин, он старался убить одну единственную. Для него все эти трупы никогда и не были людьми — просто детальками головоломки, которую он собирал.

Мик выбросил пустую банку из-под кофе и взял себе ещё две. Одну он прикончил, пока шёл до автобусной остановки, вторую оставил про запас, под такое же мерзостное настроение, как сейчас. Ехать пришлось с пересадками, полузаброшенный квартал ночью выглядел даже хуже, чем днём. Половина фонарей не горела, в темноте, скапливающейся у домов, кто-то копошился. Закрытая школа придавала всему этому ещё более зловещий вид. Как в фильмах ужасов. У Мика всё ещё было на руках действующее разрешение и дубликат ключа. Сигнализации здесь всё равно не было, местные сюда не совались из-за каких-то суеверий, а ничего ценного всё равно не осталось. Здание давно бы уже снесли, если бы кому-нибудь понадобилась местная земля.

Мик открыл дверь, прошёл через двор, пару раз споткнувшись в темноте о какие-то обломки. Внутри было тихо, только на верхнем этаже кто-то жалобно постанывал. Добраться до запертой двери оказалось достаточно трудно — на лестницах громоздились разломанные парты и какой-то хлам. Наконец, он достиг закрытой части здания. Здесь стоны и плач слышались особенно отчётливо. Мик подлез под ограждение и двинулся дальше. Двери на этаж были закрыты, пришлось вскрывать с помощью перочинного ножа,

висящего как брелок на ключах. Когда он уже готов был открыть дверь, за ней отчаянно зарыдали. Мик едва не уронил ключи, но всё-таки дёрнул на себя ручку. Никого. В коридоре было пусто, хотя плакали где-то совсем рядом. Мик открывал все двери по очереди, но никого не нашёл. Через полчаса он вернулся на лестницу. На этаже действительно никого не было. Ветер или какая-то дурацкая мистика из сказок Зарии. Мик никогда не верил в приведений, да и в концентрированную психическую энергию — тоже.

Ещё какое-то время он просто бродил по школе, периодически заглядывая в кабинеты и классы. Рядом с общежитием Мик нашёл большой стенд с фотографиями, большая их часть потерялась или упала, но несколько всё ещё были приколоты. Выпускные фотографии, по годам. Девушки и юноши в одинаковой уныло-серой форме. Кто-то смотрит мрачно, кто-то безмятежно улыбается, у большинства лица пустые и безразличные. Мик едва мог разглядеть их в свете уличного фонаря, пробивающегося сквозь грязноватое окно. Он даже представить не мог, как сложилась потом судьба этих детей. Здесь им пытались помочь, научить жить в обществе. Иногда учителям и врачам это удавалось. Возможно, они действительно желали добра всем этим детям, но не могли их понять. А может быть, Нэваны были слишком озлоблены и напуганы этим миром и потому относились к желанию помочь так враждебно. Впрочем, как и сейчас. Мик не собирался слепо доверять их словам о том, что творилось в этой школе. Братья Нэваны были слишком пристрастны.

Одна из фотографий с мягким шуршанием скользнула на пол. Мик наклонился, чтобы поднять её. Белесые пятна лиц, редкие, ненормальные улыбки. И двое одинаковых в среднем ряду. Худые подростки, бледные, форма висит на тощих плечах. Один смотрит куда-то в бок, второй — в камеру. Лицо такое же безразличное, но в глазах — вызов. Мик не мог оторвать взгляд от детского лица и недетских глаз своего друга, Лая Нэвана. За окном протяжно гроыхнул гром, оставшиеся стёкла отозвались дребезжащим гулом. Молния мертвенным светом залила разгромленный коридор рядом со спальнями, выбелила лица на фотографиях. На верхнем этаже иступлённо взвыл детский голос, потом сорвался в глухой плач и затих. Разве ветер может быть настолько разумен, разве может он бояться грозы?

Мик сложил хрупкую уже от времени фотографию и засунул во внутренний карман плаща. Пора было уходить отсюда. Ничего нового и важного для расследования он здесь точно не найдёт. Он успел несколько раз заблудиться в диком лабиринте переходов, коридоров и лестниц школы прежде, чем вышел наружу. Молния ударила снова, на прощание взвыл плачем голос. Редкие капли дождя били в лицо, зонт был бесполезен — ветром его просто выдирало из рук.

Мик успел проклясть и погоду, и дождь, и собственную невезучесть, и даже дурь, заставившую его притащиться сюда среди ночи. Он успел полностью промокнуть к тому моменту, как добрался до остановки. Автобуса он не ждал, просто решил хоть ненадолго укрыться от ветра. А ведь их сюда в первый раз отправил Эйчер. Даже зная, как его брат ненавидел школу, он всё равно отправил их сюда, сказав, что это нулевая точка убийств. Что он имел тогда в виду? Мик принялся ходить по остановке — два шага в одну сторону, два — в другую, только бы не замёрзнуть.

Автобус всё-таки пришёл спустя минут десять. Старый и разваленный, Мику даже в первый момент показалось, что за рулём должен сидеть призрак или скелет, который отвезёт его напрямик в ад. Это как раз вписывалось и в его настроение, и в погоду. Водителем оказался добродушный сухонький мужчина, который только покачал головой, провожая взглядом позднего, промокшего до костей пассажира. Мик доехал почти до

конечной остановки и потом ещё два квартала шёл пешком до дома. Буря утихла, оставив после себя встрёпанный мокрый город.

На крыше одной из строящихся многоэтажек нового квартала стоял мужчина. Он смотрел вниз, на город, переливающийся тысячами огней, омытый потоками дождя, высвеченный всполохами молний. Отсюда, с высоты, не было видно грязи этого города, его людей, его лжи и лицемерия. Не было видно жестокости и безразличия, таких естественных и привычных. И без всего этого воздух здесь, на самом верху, казался чище. Мужчине некуда было спешить, он делал то, что должен был. Он хотел очистить этот город от одного из его призраков. И хотел освободить от этого призрака двух человек. Это было его искуплением за бессилие и слабость, за то, что он так и не смог сделать. Перед теми, кого он так и не смог защитить. Осталось совсем немного, всего одна деталь. Найти её не слишком сложно, но и не просто. Дождь пошёл сильнее, стирая с крыши фигуру мужчины, растворяя в себе его мысли и надежды. Он словно пытался успеть пропитать город за то время, что ему осталось.

Глава 9 Тридцать две минуты до прыжка. Тридцать две секунды до падения

Утро не задалось с самого начала. Мик едва не проспал, успел на работу в последнюю минуту, хотя Хэрли сегодня пренебрёг утренней проверкой. Команда его никаких улик не нашла, поиск по фотороботу тоже не дал результатов. Единственной зацепкой оставались странные надрезы на запястьях жертвы. Так что он стоял перед картой города, пил третий стаканчик кофе подряд и слушал непрекращающееся щебетание Кean Кристен, каким-то образом проникшей в участок.

— Вот, познакомьтесь, Это Чхен Ле Ю, мой оператор и фотограф. При нём вы можете говорить совершенно свободно. — Кean радостно улыбнулась в напряжённую спину Мика. — Мне совершенно необходимо узнать, удалось ли вам найти вчера бомбу, и что там было на самом деле.

— Вам совершенно необходимо уйти отсюда и не мешать работать полиции. — Выждав какое-то время, ответил Мик. Девушка оказалась слишком настойчивой, скоро ещё притащится с пончиками, чтобы подкупить его. — И немедленно. Может быть, вам и обещали приличный гонорар за эту историю, но я бы на вашем месте отказался от этой затеи.

— Я не собираюсь ни от чего отказываться! И вы не на моём месте. — Кean обиженно поджала губы. — И, кстати, вы бы тоже не отказались. Я в этом абсолютно уверена!

— Это не ваше дело! Кто вообще разрешил вам сюда прийти? — Мик смял пустой стаканчик и выбросил его в мусорное ведро.

— Мне разрешил старший инспектор Хэрли. — Кean смутилась и отвела взгляд. Она буквально вынудила старшего инспектора пустить её, угрожая ему всеми мыслимыми и немыслимыми карами. Кажется, он просто не захотел с ней связываться. Было ужасно стыдно, но, в конце концов, она же репортёр, должна уметь пробивать себе дорогу. — Вернее, он мне не отказал.

Мик хмыкнул, услышав такое признание. Решил не связываться и свалил проблему на подчинённого. Что ж, у него и так голова болит. Одно то, что ему приходится копать под Лангов, уже должно было прибавить ему проблем и седых волос.

— Эта информация не может быть разглашена до конца расследования. — Мик пожал плечами и нажал на кофейной машине кнопку. Крепкий, без молока и сахара.

— Я ещё вернусь! Не думайте, что сможете от меня так просто отделаться! Я получу разрешение на доступ к материалам следствия! — Кean прикусила нижнюю губу. Формулировка отказа не давала ей даже шанса продолжить расспросы. Осталось только уйти на своих условиях. — Я обязательно напишу статью об этом деле. В ваших же интересах помочь мне написать ей так, чтобы полиция была показана в самом выгодном свете!

— Хватит мне угрожать. — Усмехнулся Мик. Девчонка была забавной, но пока что ей лучше было держаться подальше от этого дела. — Я ведь тоже могу. Вы ведь знаете, что этот маньяк убивает молодых девушек? Будете крутиться рядом, он вас заметит и убьёт.

— Правда? — Пискнула Кean. Только молодых? Редактор не говорил ей этого. Конечно, как репортёр, она обязана была презирать опасность ради удачного репортажа. Но лезть под нож ей совсем не хотелось. — Это не важно! Я уйду не из страха, а из уважения к вашей работе!

Кеан развернулась на каблуках, дёрнула Чхена за рукав и направилась к выходу. И ей было совсем не страшно. Ни капельки.

— Уважение. А репортёры на такое способны? — Лойдс подошёл к кофейному аппарату, протянул Мику его стаканчик и заказал себе латте. — Что будем делать дальше?

— Пока ждать и проверять улики. — Устало вздохнул Мик. На нужном расстоянии от стадиона не было ничего, даже приблизительно подходящего для очередного убийства. Это был почти край города, в основном заводы, часть реки и небольшая дамба.

Крис сказал ждать до обеда, и только потом идти к Эйчеру. Значит, до обеда он должен придумать, как солгать своим людям и занять их делом. Брать их с собой было нельзя, дело тут не только в Эйчере. Иногда правду лучше просто не знать. — Через полчаса будет совещание, соберёшь всех, кто был на прошлом.

Лойдс кивнул и ушёл. Мик продолжал стоять перед картой и пить горький кофе. Он ничего не мог сделать — у него не было ни одной зацепки, а все ловушки убийца обходил с лёгкостью. Из-за этого ему пришлось довериться Эйчеру, довериться слепо и безоговорочно. Тот обещал ему хоть что-то. Какие-то ответы, какой-то результат. Мика бесило собственное бессилие, он уже был готов поверить в версию Зарии — им противостоит сам дьявол во плоти. Это было уже совершенно не смешно.

Рядом с автоматом остановилась Хлоя, она посмотрела на Мика с мольбой, но без надежды во взгляде, и ушла, так и не спросив. Мик ничего не смог бы ей ответить — он не знал, где Лай, почему он сбежал и что сейчас делает.

Совещание оказалось унылым. Ничего нового не смог сообщить даже Крис, с самого раннего утра работавший в морге. Ни единой зацепки. Из-за дождя и покрытия стадиона чётких следов от ботинок они тоже не нашли. Ни крови, ни вещей, ни частичек ткани или волос убийцы. На местах прошлых убийств были установлены камеры — на них тоже никого, кто был бы на всех записях, или хотя бы на двух. Полный провал по всем направлениям. Найти подходящую под фоторобот женщину в архивах школы тоже не удалось. Ни на одной из оцифрованных фотографий с выпусков её тоже нет. Она не была ни преподавателем, ни врачом, ни ученицей.

— У кого-нибудь есть хоть какие-нибудь идеи? — Мик потёр переносицу и окинул взглядом своих подчинённых. Ничего. Глухая стена и почти что истёкшее время. Эйчер был их единственной соломинкой, которой Мик совершенно не доверял. Единственный шанс, больше похожий на ложь или ловушку.

— Это может быть родитель одного из школьников. — Агнесс вертела в пальцах печенье. Она выглядела уставшей и подавленной. — Что если это мать или сестра кого-то из школьников? А мотивом может быть зависть к нормальной, например.

— Вполне вероятно, Агнесс. — Мик улыбнулся и кивнул. Мысль выглядела весьма здоровой. — Возьми версию в разработку. И ещё, Зария, Лойдс, поможете ей. Придётся перерывать кучу личных дел, так что постарайтесь.

— Это всё равно не даёт гарантии. — Гарри сонно жмурясь, потягивал кофе. Он обыскивал стадион до глубокой ночи. — Мы ведь даже примерного возраста не знаем. К тому же, убийца может быть и не из этой школы, он может мстить, например, за свою возлюбленную, которая там раньше училась.

— Ты прав, конечно, но это хоть какой-то шанс. — Мик не стал уточнять, что в первую очередь это шанс найти маньяка после того, как он закончит свой портрет. Но это точно

займёт его команду надолго.

Какое-то время они ещё обсуждали версии и мотивы, но слишком вяло и без какого-либо результата. Крис вообще успел заснуть к концу совещания. Мик не стал его будить и ушёл на своё место, готовить отчёт об операции на стадионе. Крис пришёл к нему через три часа, хмурый и заспанный.

— Я что-то пропустил? — Крис сонно потёр глаза и зевнул. — Сам не знаю, как вырубился.

— Ничего важного. Мы в полном тупике. — Мик откинулся на спинку протестующее скрипнувшего стула и закрыл глаза. Ещё пара часов, и можно будет идти к Эйчеру. Можно будет сделать хоть что-то. Это было нечестно, не справедливо по отношению к его ребятам, но такое решение казалось ему самым лучшим. Или хотя бы приемлемым.

Крис кивнул и ушёл к себе в морг продолжать искать несуществующие улики. Он был уверен, что в порезах на руках есть какой-то смысл. Он просто обязан был там быть. И Крис должен был его найти. Лай говорил ему — такие люди, заикленные на чём-то, выполняющие какую-то свою миссию, ничего не делают просто так. Особенно, когда это касается их жертв. Убийство — это ритуал, в котором важны детали.

Мик зашёл за ним через три часа — немного рано, но ждать дольше он просто уже не мог. У группы, занимавшейся поиском родственников учеников школы, пока не было никаких результатов. Хотя на них никто уже особо и не рассчитывал — слишком большой объём работы и слишком маленький шанс на успех. Хэрли раскритиковал отчёт Мика и заставил переписывать. Его это совсем не расстроило — он всё равно не знал, чем занять себя. Зато отпустил без разговоров, даже не спросив, куда ему надо идти. Но про Лангов Хэрли не сказал ничего, значит, алиби у них, скорее всего, есть. И здесь тупик.

— Ну что, как девчонки? — Мик придержал дверь, пропуская Криса. Дождь снаружи был не очень сильным, но время от времени гроыхал гром.

— Лежат, мёртвые и холодные, как и прежде. Думал, они очнутся и расскажут мне, кто их убил? — Крис усмехнулся. Да уж, было бы просто здорово, если можно было бы допрашивать мёртвых. — Я, кажется, понял, зачем нужны эти надрезы. На запястьях последней жертвы. Чтобы она не могла сжать руку в кулак.

— Они были сделаны, когда женщина была уже мертва, верно? — Мик покачал головой. Это действительно было похоже на безумие.

— Это не важно. — Крис пожал плечами. Мёртвая женщина убийце была безразлична. — Он убивал не её и не ей перерезал запястья. А той, кого уже не мог убить. Возможно, он её уже убил и теперь продолжает убивать снова и снова.

— А ведь ты прав. — Мик достал телефон и выбрал из списка номер Гарри. — Ты ведь не занят? Возьми тех, кто остался, и прошерстите все нераскрытые убийства женщин за последнее время. И неопознанные трупы тоже. Ленно, когда освободится, присоединится к вам. Ищем всё ту же женщину по фотороботу.

— Думаешь, найдут? — Крис засунул руки в карманы и надвинул капюшон. Где-то вдалеке гроыхнуло, ветер хлестнул по лицу холодными струями дождя.

— Она могла умереть до того, как он смог отомстить. Умереть по естественным причинам или от несчастного случая. — Мик пожал плечами. Нельзя было исключать ни один вариант.

Когда они зашли в подъезд, Мик остановился и достал из внутреннего кармана плаща

фотографию.

— Что это? — Крис взял её в руки и начал рассматривать при тусклом свете лампочки. — Откуда это у тебя? Ни разу не видел ни одной их фотографии. И никогда не мог различить. Мне тут в голову пришла странная мысль, Мик. Где гарантия, что они не играют роль друг друга, и мы идём именно к Эйчеру?

— Не говори глупостей, Крис. Вряд ли Лай смог бы притворяться так хорошо. А на счёт фотографии... я просто вернулся в их школу, нашёл её там. — Признался Мик неохотно. Он не мог понять, почему ему так сильно не хочется говорить об этом. Словно он сделал что-то плохое.

— Зачем ты вернулся? — Крис усмехнулся и хитро посмотрел на Мика. Он изо всех сил старался отогнать мрачные параноидальные мысли на счёт Нэванов, но взамен появлялись ещё более странные. — Ты сделал там что-то плохое? Какое-то преступление?

— О чём ты? — Мик взял фотографию из рук патологоанатома и засунул в карман.

— Преступники обычно возвращаются на место своего преступления без всякой видимой причины. — Крис пожал плечами. Действительно, немного странно. Хотя что Дэвис мог сделать в той школе?

— Разве что узнал слишком много личного о Лэе. — Мик вздохнул. И правда — зачем он только туда полез, да ещё и среди ночи? И зачем показал Крису фотографию? Никаких особых причин у него не было. Разве что, оттянуть ненадолго неизбежное. — Пошли уже.

Они поднялись на нужный этаж, Крис постучал в дверь. Ждать пришлось достаточно долго, но Крис молчал и ничего не предпринимал — значит, всё шло как обычно. Наконец, Эйчер открыл им дверь и пропустил внутрь.

— Ты обещал нам ответы на наши вопросы. — Мик не хотел давить, но и ждать дольше не мог.

Эйчер ничего не ответил, прошёл на кухню и сел за стол. На недоумённый взгляд Мика Крис ответил точно таким же. Он не понимал, что должен делать или говорить. Никогда толком не понимал, как должен вести себя с Эйчером. Молчали они минут пять.

— Тридцать две. — Эйчер оторвал взгляд от часов и повернулся к гостям. — Я ждал, пока будет ровно тридцать две минуты.

— Но зачем, почему именно тридцать две? — Мик непонимающе смотрел на Эйчера. Что такого в этой цифре или в этом времени?

— Тридцать две. Теперь пошли. Вы хотите увидеть преступника? — Эйчер встал и пошёл обратно в коридор. — Вы уже нашли место?

— Нет, там нет ничего подходящего. — Прозвучало слишком беспомощно и слабо. Полицейский должен был иметь хотя бы одну гипотезу.

— Дамба. — Эйчер натянул свитер поверх рубашки, он стоял спиной к Мику и Крису. — Дамба. Всё там.

— Хорошо, значит, на дамбу. — Мик неуверенно кивнул. Это место совершенно не походило на предыдущие. — Но почему именно дамба, а не проходная какого-нибудь завода?

— Мы там гуляли в детстве. Я хорошо помню эту дамбу. — Эйчер открыл дверь и вышел в коридор, нервно поёжился. Ему было неуютно не на своей территории.

— Это единственная причина? — Мик вышел вслед за Крисом и захлопнул за собой дверь. — То, что ты помнишь это место?

Мик едва сдержался, чтобы не выругаться. С другой стороны, выбора у него всё равно не

было. Дамба была не самым плохим вариантом — по крайней мере, она отличалась, выделялась в общем списке мест на окружности.

В автобусе Эйчер старался держаться ближе к Крису и вздрагивал от каждого мимолётного, едва ощутимого прикосновения. Мику хотелось защитить его, спрятать где-нибудь. На секунду он понял, почему Лай практически запер его дома. Но сейчас Лая рядом нет, Эйчеру пока что придётся полагаться только на себя. Ехать пришлось через полгорода к мутной реке, перегороженной невысокой дамбой. На ней сверху были сделаны пешеходные дорожки и ограждения, но она не пользовалась популярностью — слишком много несчастных случаев, особенно с детьми. Течение было несильным, но находили всё равно не всех.

От остановки они поднялись по насыпи к самой реке и пошли в сторону дамбы. Часть фонарей не горела, а сама дамба казалась огромнымдохлым китом, выброшенным на берег. За городом полыхнуло молнией, ярко высветив реку, плывущий по ней мусор, дома и брошенные у реки машины. Пахло сыростью и тиной, вода внизу шелестела и бугрилась под падающими каплями дождя.

— Ответ на любой вопрос — как туман. — Эйчер остановился, опёрся спиной о фонарный столб. Старая краска отслаивалась вместе с ржавчиной, пачкая его свитер, но он, казалось, не обращал на это внимания. — Все знают, что такое туман. И тот, кто спрашивает, знает ответ. Но туман всё равно прячет то, что считается правдой.

— Эйчер, ты это к чему? — Мик остановился, с непониманием глядя на Нэвана. Странное, непредсказуемое поведение этого человека пугало его. Он не знал, как реагировать, и надо ли вообще было как-то реагировать. — Что ты хочешь этим сказать?

— Ты знаешь то, что хочешь знать. Но правды не хочешь. — Эйчер закрыл глаза и повернулся лицом к столбу, уткнулся в него лбом. — Люди сами создают чудовищ, которых боятся. Создают их из людей. Лепят, рисуют. Нет зла, есть причины. Всегда есть причины. У всех. Зла не бывает.

— А я в детстве верил в сказки. — Слегка смущённо сказал Мик. Он пытался как-то безболезненно растормозить Эйчера, если они задержатся, могут опоздать.

— В сказках ложь. — Устало выдохнул Эйчер. Он шагнул назад, но пальцы его всё ещё скользили по столбу, сдирая краску пополам с ржавчиной. — Ложь. Ложь.

— Эйчер, успокойся. Пошли уже. — Крис старался говорить как можно мягче, спокойней, хотя внутри его всего колотило от непонятого возбуждения и предвкушения.

— Пошли уже. — Эхом отозвался Эйчер. Время падало камешками на асфальт под ногами. Ещё секунда, другая. Всё, пора. Ровно тридцать две.

До дамбы оставалось ещё минут пять по мокрой насыпи, потом скользкая, поплёскивающая в свете тусклых фонарей лестница с шатающимися поручнями и шлагбаум, который опускают здесь на ночь.

Очередная вспышка высветила человеческий силуэт у каменного ограждения на середине дамбы. Ветер взметнул полы его плаща, осыпал волосы серебристой крошкой дождя. Человек придерживал одной рукой лежащий на каменном ограждении труп.

Мик замер на несколько секунд, потом сорвался с места, перепрыгнул через шлагбаум. Дождь усилился и теперь хлестал по лицу ледяными струями, заливал глаза.

— Стой! — Прокричал Мик и сам не услышал собственного голоса. Ветер срывал слова с губ и уносил их куда-то вниз, к воде, путал в водорослях и траве на берегу.

Мужчина шагнул в сторону, позволив Мику увидеть распостёртое обнажённое тело

молодой девушки. На левой стороне лица у неё были отрезаны губы. Кровь всё ещё текла по её подбородку на грудь. Мужчина разжал руки, тело девушки сползло на мокрый асфальт, и повернулся.

— Лай. — Выдохнул Мик. Он не мог, не хотел верить своим глазам! Его друг стоял и улыбался какой-то чужой, жестокой улыбкой. И сжимал что-то в правой руке. Мик почувствовал, как горлу подкатывает тошнота, когда он понял — что. — Какого дьявола ты творишь?

Крис стоял, не в силах сказать ни слова. Он обещал, что сделает ради Лая всё, что угодно. Даже переступит закон. Он обещал, но сейчас он просто не понимал — зачем? Чего ради он это делает?

— Лай, говоришь? Забавно. — Мужчина поднял руку, сжатую в кулак, на уровень глаз и разжал пальцы. Что-то небольшое, влажное и красное шлёпнулось на асфальт у его ног. Почти не слышно в шуме дождя. — Эйчер, ты всё правильно понял. Именно здесь я хотел всё закончить. Эйчер, я сделал это для тебя.

Крис сглотнул перекрывший горло вязкий комок, в глазах Лая огоньками плясало торжество, безумное и дикое. Он наслаждался происходящим, в нём не было ни капли напряжения, неуверенности или страха, мучавших его последние дни. В нём не было ни капли сомнения или раскаянья. Он словно переродился в кого-то другого.

— Она мертва. Давно мертва. Она уже давно мертва. — Эйчер говорил чётко, механически, как-то слишком резко обрывая фразы. — Незачем было. Она мертва.

— Знаю. Но теперь, только теперь она мертва окончательно! Ты слышишь, малыш? Теперь мы все свободны! — Лай наклонился и поднял мёртвую девушку за волосы, развернул лицом к Мику. — Посмотри, она не идеальна. Если бы ты не увёл ту репортёршу от стадиона, я взял бы её. Её губы были просто идеальны, не хватало лишь маленькой детали. Ты спас её, инспектор Дэвис.

— Лай... — Мик не мог поверить в то, что происходящее — реальность. Тем, кто мстит, тем, кто собирает портрет из чужих лиц, был Лай Нэван, его друг. Соратник. Тот, кто помогал ему в расследовании, давал советы, предлагал версии.

— Лай? Эйчер, объясни ему. — Лай отпустил волосы своей последней жертвы. Она его совершенно не интересовала.

— Объясни ему, — тихо, едва ли не шёпотом ответил Эйчер. — Это не Лай.

— Всё верно, малыш. Это не Лай. Меня зовут Реа. Приятно познакомиться, инспектор, доктор. — Реа растянул губы в издевательской улыбке. Он играл, забавлялся происходящим. Повернувшись к Эйчеру, он продолжил. — Это мой подарок для тебя, малыш. Свобода.

— Подожди, какой ещё, к дьяволу, Реа? Кто ты? Где Лай? — Мик ничего не мог понять, всё рассыпалось, как карточный домик. Все доводы, предположения, версии — всё летело прахом. Весь мир рушился, проваливался в бездну безумной и невозможной реальности.

— Здесь. — Реа улыбнулся и коснулся пальцами своего виска. — Лай — основная личность, он раньше и не догадывался о моём существовании. Но сейчас контроль над телом у меня. Не переживай, с Лаем всё в порядке.

По губам Реа скользнула жестокая и самодовольная улыбка. Он наслаждался происходящим, упивался отчаяньем и страхом стоящих перед ним людей. Ему нравилось мучить тех, кто хоть что-то значил для Лая. Не считая Эйчера, разумеется.

— Выходит, каждый раз, как у него бывали провалы в памяти, когда совершались убийства, ты просто занимал его место? — Крис попытался перекричать шум ветра и дождя.

Это бы всё объяснило и главное — спасло бы его друга от тяжкого обвинения.

— Верно. Ты ведь Крис Ленно, да? Маленький преданный щеночек. Готовый лизать ему ноги. Оказывается, думать ты тоже умеешь. Как неожиданно. Да, я занимал его место, обычно, он даже ничего не замечал. — Реа покачал головой и повернулся к Эйчеру. Тот единственный сейчас занимал его мысли. — Вот только ты пытался его предупредить, послал в нашу школу, даже напрямую сказал. Зря, очень зря. Я же всегда защищал тебя, помнишь? Ты любишь меня, а я — тебя. Мы же братья, малыш.

— Ты. Вернёшься? — Эйчер едва мог говорить. Он знал, что произойдёт дальше. Знал по шагам, по словам, по секундам. Осталось недолго, совсем мало. — Обещал. Он обещал.

— Да, малыш. Лай никогда не лгал тебе. Он единственный, кто никогда не лгал тебе. — Реа улыбнулся, тепло и немного грустно. Он тоже знал, что должен был сделать. — Верь ему. Мы вернёмся.

— Погоди-ка! Но тот парень в парке, он говорил, что видел, как Лай с кем-то дрался. Мы все решили — это и был убийца. Кто это был тогда? — Мик положил руку на плечо Эйчеру и шагнул вперёд, загораживая его собой. Только бы разорвать эту странную, противоестественную нить понимания, что связывала сейчас Нэванов. — С кем дрался Лай?

— Со мной, разумеется. Он не хотел отдавать мне тело, хотя, конечно, потом об этом он не помнил. Тогда он уже начал осознавать меня. Пока ещё не полностью, на грани интуиции. Его к этому подтолкнула школа. Там я часто занимал его место. Умный ход, Эйчер, очень умный. — Реа пожал плечами, он перевёл глаза на Мика и улыбнулся. Тогда Лай ещё мог сражаться, потом он просто устал, запутался. — Тот мальчик же сказал — он не видел, с кем дрался Лай. Потому что он дрался со мной.

— Что за бред! Зачем ты вообще всё это делал? Мечь, да? — Мик сжал руки в кулаки. Это было уже слишком. Этот ублюдок говорил так спокойно, словно они обсуждали погоду или какой-нибудь дурацкий матч. — Ты же убийца!

— И что с того? Эти женщины — просто мусор. Слепые, заикленные на себе отродья, живущие лишь для удовлетворения своих низменных потребностей в самой пошлой и отвратной форме. — Реа пожал плечами, с брезгливым отвращением посмотрел на тело у себя под ногами. — Такой же была и она.

— А Чен? Он ведь пострадал из-за тебя! Он тоже пустое отродье по-твоему? Зачем вообще был нужен тот взрыв? — Мик чувствовал, что готов сорваться. Это всё больше казалось ему нелепым больным сном. — Зачем?

— Этого я не хотел. Вы должны были успеть. Дело передали бы в другой отдел, вы перестали бы мешаться у меня под ногами. Я не хотел ранить никого из его коллег. Не хотел расстраивать Лая, это могло сделать его слишком сильным. — Реа пожал плечами. Он улыбался, казалось, судьба других людей его несколько не заботит. Просто это могло создать проблемы. — Пойми меня правильно. Ни ты, ни этот Чен, ни вообще кто бы то ни было, кроме Эйчера и Лая, меня не волнуют. Я без колебаний убью любого, и совесть меня мучить не будет.

— Ублюдок. — Тихо выдохнул Мик. Он должен был ненавидеть этого маньяка-социопата, но почему-то не мог. Лай никогда не улыбался так холодно и равнодушно, но всё равно это был он, его лицо.

— И всё-таки та женщина-репортёр подходила лучше всего. Жаль, инспектор Дэвис, очень жаль. — Реа задумчиво посмотрел на кухонный нож в своей руке. Тонкие струйки крови стекали по розовым разляпистым цветам на рукояти. — Она подходила лучше, чем эта

подделка. Но ведь это уже не важно.

Слова прозвучали как щелчок спускового крючка. Действительно, не важно, кто был сейчас в этом человеке — Реа или Лай — он был преступником.

— Прости, Лай мне друг, но я должен. Прости! — Мик едва не кричал, он даже не знал только ли дождь сейчас стекает по его щекам. И не знал, у кого сейчас просит прощения — у Лая, у Эйчера или у Криса. А может, у самого себя. — Я должен арестовать тебя. Если докажешь, что у тебя расстройство личности, сможешь отделаться принудительным лечением.

— Психиатрическая лечебница хуже! — Крис попытался встать между Реа и Миком, но тот оттолкнул его в сторону, достал пистолет.

— Реа. Он обещал пиццу! Обещал! — Эйчер шагнул вперёд, протянул руку, даже зная, что коснуться уже не успеет — он хотел хотя бы попытаться. Тридцать две секунды — это всё, что им сейчас осталось. — Обещал!

— Я знаю, малыш. — Реа улыбнулся и шагнул назад, к каменному ограждению. Всего одно движение, рывок. Мик даже не успел поднять пистолет. Всплеск и рокот воды внизу.

Дождь хлестал по лицам, ветер трепал волосы и одежду. Мик обернулся. Эйчер стоял на коленях, всё ещё протягивая руку к ограждению. Крис замер, закрыв лицо руками. Он так часто обещал, так много говорил о своей дружбе и преданности, а в тот момент, когда действительно оказался нужен, ничего не смог сделать.

Мик всё ещё не мог поверить. Он подошёл, снял свой мокрый плащ и накинул его на плечи Эйчера. Парень сегодня потерял двух братьев и свою защиту от реального мира. Мира обычных, нормальных людей.

— Он вернётся. — Эйчер дрожал, кутаясь в мокрый плащ. Пальцы скользили, цепляясь за пуговицы и ремешки. — Вернётся. Он обещал. Он жив. Лай. И Реа.

— Давай поговорим об этом потом. А сейчас я просто отвезу тебя домой, напою чаем и уложу спать. — Мик пытался успокоить, согреть Эйчера, хотя и понимал, что получается у него из рук вон плохо.

Потом ему пришлось приводить в чувства Криса. Патологоанатом слишком уж подозрительно всхлипывал и размазывал дождь по щекам. Мик отвёз его домой и взял страшную клятву утром явиться на работу. Эйчера он просто отвёз в его квартиру и позорно сбежал. Он не имел ни малейшего понятия, что делать дальше, что говорить ему. И даже не был уверен, что посмеет заговорить с ним в ближайшие несколько дней.

Самому ему ужасно хотелось достать из бара бутылку чего-нибудь крепкого и забыть обо всём на свете, но вместо этого Мик заставил себя сесть за отчёт. Надо было придумать подходящее объяснение, подобрать слова, не допустить лжи и не написать всей правды. Этого никто не должен был знать. Он был рад, что там они были только втроём.

Хэрли принял его отчёт и утвердил его вместе со свидетельскими показаниями Криса. Сложнее всего было объяснить, почему они пошли вдвоём и ночью, никого даже не предупредив. Мик сказал, что не был уверен, нужно ли это место, и решил осмотреть его, понять, куда ставить посты. Пошёл после работы, а Крис просто увязался следом, за компанию. Убийцу опознать они не смогли из-за плохой видимости. При их приближении он сразу же бросился с дамбы вниз. Так было написано в отчёте, и Хэрли удовлетворился таким объяснением, хотя и не очень ему поверил.

С самого утра были организованы поисковые работы в районе дамбы, но тела так и не

нашли, только кое-какие вещи жертвы. Ближе к полудню работы свернули, и Мик смог вздохнуть спокойно. Если бы Лая нашли, открылась бы его ложь. Если бы Лая нашли, это означало бы, что он мёртв.

Больше всех злились братья Ланги. Они вложили так много в поиски своего идеального маньяка и в итоге не получили ничего. Мик мог только посочувствовать им — убийца всё это время ходил у них под носом под личиной ничего не подозревающего полицейского. Одному из Лангов удалось утешиться очередным сложным делом. Кажется, Клавдий нашёл себе весьма интересного соперника в лице молодого, но талантливого адвоката Виорела Мэрроу. Юлий же безнадежно скучал и по три раза за день навещался в их участок под очередным придуманным предлогом. Пока это не надоело Хэрли, и он не затащил Ланга в свой кабинет. О чём они говорили, никто так и не узнал, но братья-юристы без надобности заходить перестали.

Грегори Аберт навещался в кабинет Хэрли едва ли ни чаще Юлия Ланга. Он требовал продолжить поиски тела преступника, хотел лично убедиться в его смерти, а может быть и пнуть труп. Он никак не мог смириться с тем, что убийца его невесты ушёл от наказания, пусть даже и в ад. Хэрли отказал ему и даже смог как-то успокоить. Грегори взял недельный отпуск. Кое-кто в участке считал — чтобы самому поискать тело. Ничего он, разумеется, не нашёл и в конце концов прекратил поиски, удовлетворившись показаниями инспектора Дэвиса.

Чен провалялся в больнице ещё месяц, и за это время успел как следует отдохнуть от работы. Зария почему-то решил, что его начальник имеет особую защиту высших сил от зла. Мик не пытался разубедить его. Окончание дела несколько удивило его команду, но он знал, что все они вздохнули с облегчением.

Навестить Эйчера Мик решился только через неделю, когда страсти улеглись, а Хэрли окончательно достал его требованиями найти и вернуть Лая. После работы он зашёл в круглосуточный магазин и купил пачку кофе в зёрнах и какое-то печенье. Всего лишь повод, то, с чего можно было начать разговор.

Ещё минут пятнадцать Мик потратил на то, чтобы дойти до его квартиры, ещё секунд десять, чтобы постучать. Дверь открылась ещё через две минуты. Мик непроизвольно посмотрел на часы — без пятнадцати, с чего он решил, что будет тридцать две минуты? Эйчер кивнул и пропустил его внутрь, всё также не глядя в глаза. На нём был тот же самый свитер, что и в ту самую ночь на дамбе. В квартире было прохладно, Эйчер открыл все окна, насколько позволяли задёрнутые шторы.

— Я принёс тебе печенье, Эйчер. Надеюсь, понравится. — Выложил Мик свой единственный козырь и протянул Эйчеру пакет. — Хотел узнать, как ты.

— Как ты. Нормально. У нас с Лаем был счёт в банке — он откладывал с зарплаты, сколько мог, ещё социальные выплаты на меня. Мне хватит на жизнь. — Эйчер забрал пакет и ушёл на кухню. Мик немного неуверенно последовал за ним. — Это хотел узнать?

— И это тоже. Эйчер, мне жаль, что так вышло. — Прозвучало почти искренне. Мик не мог быть сейчас полностью честным даже с самим собой. Лай, человек, которого он считал другом столько лет, скрывал от него слишком много. — Может, мой вопрос прозвучит странно, но мне кажется... Лай всё время контролировал тебя, ты, наверное, чувствуешь некоторое облегчение?

— Некоторое облегчение. — Медленно и отдельно проговорил Эйчер, поворачиваясь к

Мику и глядя куда-то мимо него. — Испытываешь ты. Слишком сложная, не решаемая загадка. Слишком.

— Может быть. Что будешь делать? — Мик покачал головой. Этот засранец был, наверное, прав. Лай был странным парнем. Действительно, слишком странным.

— Найду удалённую работу. Может, буду помогать полиции. Если захочу. Если будет скучно. — Эйчер пожал плечами и высыпал зёрна принесённого Миком кофе в кофемолку. Он давно уже всё обдумал и решил, потому что знал — всё будет именно так. Догадаться было не сложно.

— И сколько же будут стоить твои услуги? — Мик попытался завернуть вопрос в шутку, но получилось не слишком искренне. Эйчер не уступал умом брату, а без Лая будет трудно обойтись. В своей теме он разбирался лучше всех.

— Стоить твои услуги. — Повторил Эйчер, поворачивая ручку кофемолки. Некоторое время он монотонно вращал её. Мик терпеливо ждал ответа. — На углу есть кондитерская, там всегда много людей. Много людей. Очень много людей. И улыбчивая продавщица. Но пирожные вкусные. Очень. Лай редко туда заходил.

— То есть, помощь за пирожные? — Мик усмехнулся. Оказывается, Эйчер — сладкоежка. Или те пирожные действительно того стоят. — Хорошо, буду приходить с ними.

— Приходить с ними. — Эхом отозвался Эйчер, ссыпая кофе в кофеварку. — Без них можешь не приходить.

— Понял. Я хочу ещё спросить у тебя кое-что. Эйчер, ты ведь всё знал, да? — Мик задержал дыхание, как перед прыжком в воду. Опасная тема, как хрупкий лёд под ногами.

— Знал, да. Знал Реа. Понимал, что происходит. Лай не поверил бы мне. И ничего не смог бы изменить. — Эйчер разлил кофе по кружкам и протянул одну Мику. — И я не мог. Реа — сильный. Он всегда был сильным. Он защищал меня. Лай вернётся, я в это верю.

— И всё-таки, Эйчер, почему? — Мик не смог сдержать в себе этот рвущийся наружу вопрос. Он хотел знать, хотел понять. Чего бы это ему не стоило.

Эйчер кивнул и ушёл в свою спальню. Через некоторое время он вернулся и положил перед Миком на стол фотокарточку, старую и довольно-таки потёртую. На ней молодая женщина сидела на корточках между двумя мальчиками в одинаковых костюмчиках. Один из них смотрел в сторону, второй держал его за руку. Женщина была красивой и удивительно похожей на фоторобот. Улыбалась она как-то слишком наиграно. Слева на губе у женщины был маленький шрамик, едва заметный на старом фото.

— Кто это? — Выдохнул Мик. Он уже понял — это она, та самая жертва. Женщина, о которой говорил Реа, от которой он хотел освободить Лая и Эйчера, та, кого он хотел убить.

— Кто это? Кто это... — Эйчер сел на стул напротив Мика и достал пачку сигарет, принялся выкладывать их столбиками. — Это наша мать. Единственное её фото.

— Ваша мать? Реа пытался убить вашу мать? — Мик поражённо уставился на Эйчера, отчего тот поёжился и отодвинулся от стола вместе со стулом. Немного смутившись, Мик перевёл взгляд обратно на фотографию. Он встречал ублюдков, способных и не на такие зверства, но Лай точно не был из их числа.

— Её лицо, правая часть закрыта волосами, и занесённый для удара кулак — мои первые детские воспоминания. — Пальцы Эйчера на секунду дрогнули, он уронил сигарету на стол. — Она ненавидела нас. Мы были другие.

— А твой отец? — Мик произвольно сжал руку в кулак. Значит, мать ненавидела Эйчера, а с ним и Лая просто потому, что Эйчер не был обычным здоровым ребёнком?

— Ушёл от неё до нашего рождения. — Эйчер закончил очередной ряд, вытряхнул на ладонь последние две сигареты, поднялся и пошёл к шкафчикам искать новую пачку. — Реа защищал меня от неё, когда Лай не мог. Она отправила нас в школу, когда нашла мужчину. Навещала пару раз.

— А потом? — Мик слушал его как замороженный. Лай уже рассказывал ему об этом, в той самой школе. Но Эйчер... Мику казалось, он должен всё это рассказать, избавиться, поделиться воспоминаниями.

— А потом. Забеременела. Больше мы её не видели. — Эйчер нашёл ещё одну пачку и облегчённо вздохнул. Он не смог бы чувствовать себя спокойно, пока не построил бы всю структуру из нужного количества сигарет.

— Так у тебя есть брат? Или сестра? — Мик даже представить себе этого не мог.

— Не знаю. Не знаю, кто именно. — Эйчер уселся за стол и продолжил выкладывать ряды. — Не видел, не слышал.

— Ты сказал, что она умерла. — Мик старался понять и осмыслить то, что произошло на дамбе, с учётом всего, что рассказал ему сейчас Эйчер.

— Да, знаю. Нам сказали. Прислали письмо. Не знаю, от чего. На похороны мы не ходили. — Эйчер протянул руку и перевернул фотографию. Он не хотел ни видеть, ни вспоминать эту женщину, но сейчас необходимо было всё прояснить. До конца. — Она водила нас на дамбу и давала играть без присмотра. Хотела, чтобы упали.

— Ты ненавидишь её? — Почему-то тихо спросил Мик. Вопрос был слишком личным и откровенным. Ему неприятно было спрашивать это, и он мог только догадываться, как неприятно было отвечать Эйчеру.

— Она многому нас научила. — Он покачал головой и принялся выравнивать столбики сигарет. Многому — не верить, не доверять, лгать, притворяться, терпеть, молчать, жить вопреки чужим желаниям.

— Это плохо? — Мик спрашивал осторожно, словно ступал вслепую по тонкому льду.

— Это плохо. Больно. Тяжело. — Эйчер на миг закрыл глаза, собираясь с мыслями. — Это в прошлом. Теперь навсегда.

— Почему Лай не узнал её на фотороботе? — Мик только теперь понял, кого ему напоминала та женщина — братьев Нэванов.

— Реа не позволил. Он заблокировал ту часть памяти, от которой Лай и сам хотел избавиться. — Эйчер говорил как-то слишком уж равнодушно.

— И как ты будешь без Лая? — В голосе Мика непрощено проскользнула вина. Он не стоял на парапете и никого не сталкивал в воду, но тогда у Реа-Лая не было другого выбора. Он его ему не оставил.

— Для начала, приду в участок и напишу заявление об увольнении. От имени Лая. Из-за проблем со здоровьем. — Эйчер встал, упёрся ладонями в стол. Это надо закончить, достаточно. — Я умею притворяться и терпеть людей. Не беспокойся обо мне. И Крис тоже. Не стоит. Я могу.

— Ладно. Буду заходить иногда, можно? — Мик тоже встал, кивнул, прощаясь.

— Можно. По делу. Я всё оставлю. Как было. — Эйчер проводил его до самой двери. В коридоре он остановился и посмотрел почти в лицо Мику. — Ты знаешь, все эти принцессы из сказок очень несчастны. Они не могут покинуть свою башню. Никогда.

— О чём ты, Эйчер? Не понимаю. — Мик нахмурился, пытаясь понять, что он имеет в виду. В сказках всё всегда заканчивалось свадьбой, разве нет? — Там же обычно всё хорошо

заканчивается.

— Нет. Никакого хорошего конца не бывает. Ни для одной. — Эйчер усмехнулся, он явно с трудом сдерживал смех. — Принцессы с самого детства живут в башнях и не знают жизни за пределами леса, их берегут и прячут, запирают на долгие годы. Они хотят только вырваться, но ничего не знают о мире за опушкой леса. А потом приходит принц. Он видит красивую девушку, и ему безразлично, о чём она думает, и чего хочет. Он просто берёт её как приз и увозит домой. Как статуэтку. Она оказывается в мире, о котором ничего не знает, среди людей, с которыми не знает, как себя вести. Чем это всё кончается?

— Свадьбой? — Несколько неуверенно сказал Мик. Он никогда не задумывался о том, хочет ли принцесса уезжать куда-то с принцем, и что бывает после свадьбы и надписи "конец". Обычно они влюбляются друг в друга с первого взгляда и живут счастливо до конца своих дней.

— Да. Принцесса оказывается среди чужих людей, с которыми не знает, как и о чём говорить, в чужом доме, в чужой стране. До этого она жила в лесу, или сто лет назад. — Эйчер продолжал говорить равнодушным механическим голосом. Но в его словах сквозило отчаянье одинокой принцессы. — Принц получил свой приз и продолжает жизнь в пирах и охоте. Принцесса же обречена. Она родит детей, посвятит себя им, закроется от непонятных и чужих людей в башне замка. Она никуда не ушла, и принц её не спас. Знаешь, почему?

— Нет. — Заворожено ответил Мик. Он никогда особо не увлекался сказками для девочек, но Эйчер умудрился обрисовать всё в совсем уж мрачных тонах. Мрачнее были, разве что, не адаптированные средневековые сказания с отрезанными пальцами, замученными мачехами и принцами без глаз.

— Потому что башня её защищает, и ей нет смысла из неё уходить. — Эйчер покачал головой. Не так уж и мало таких потерянных принцесс в этом городе. — Башня внутри. Это убежище, в котором можно заблудиться навсегда.

Мик покачал головой. Он не мог понять до конца того, что говорил ему Эйчер. Это больше походило на какую-то аллегория. Вот только зачем ему было говорить всё это?

Мик поднял руку в прощальном жесте, он не знал, что может ещё сказать. Он будет приходить. И когда-нибудь, встретит здесь Лая. Почему-то он был в этом абсолютно уверен. Дамба была их местом, ни один из них не мог там погибнуть.

Когда Мик ушёл, Эйчер подошёл к окну и отодвинул штору. Дождь кончился, уже неделю светило солнце, лишь изредка заслоняемое облаками. Реа всегда пробуждался именно в дождливые дни — в такую погоду у матери портилось настроение, и она срывала раздражение на них. А у Лая в дождь всегда болела голова. Ни он, ни врачи не могли найти причину, потому что физически он был здоров. Просто в дождливые дни Реа пробуждался и внимательно следил, чтобы никто не обидел их с Лаем.

Эйчер задёрнул штору, яркий дневной свет больно резал по глазам. Надо было подготовиться к походу в участок, вспомнить движения и манеру речи Лая. Ему предстояло лгать и притворяться. Но если он сможет сделать это сейчас, Лаю будет, куда возвращаться.

Клавдий поставил на столик перед Юлием чашку с горячим шоколадом. Сегодня у него было просто отличное настроение, ему удалось выиграть одно весьма запутанное дело. В этом, конечно же, не было ничего удивительного, но со стороны защиты выступал Мэрроу. Молодой адвокат был всё ещё слишком неопытным, но очень старательным и ответственным. К тому же, он умел убеждать, был отличным оратором. Клавдий получал

удовольствие от поединков с ним. Кроме того, Виорел Мэрроу вполне серьёзно пытался доказать ему, что человеческая жизнь имеет ценность, что нельзя осуждать на заключение или казнь просто по прихоти. Забавная, хотя и бесконечно наивная точка зрения.

— Это нечестно. Как он мог упустить убийцу? — Юлий взял чашку в руки и раздражённо отхлебнул. Они так надеялись на этого человека! Были так близки к своему самому совершенному маньяку! И что? Тот просто спрыгнул в реку. Где его теперь искать?

— Опять об этом? — Усмехнулся Клавдий. Юлию было невыносимо скучно, его просто надо было чем-то занять. — Ты уже собрал информацию по Нэванам?

— Собрал. Братья Нэваны, Лай и Эйчер. Однояйцовые близнецы. — Юлий начал монотонно рассказывать по памяти то, что ему удалось собрать из самых разных источников. — Отец покинул семью до их рождения, мать воспитывала их самостоятельно. В возрасте трёх лет обоим запаздало был поставлен диагноз аутизм. В последствие диагноз Лая Нэвана был признан ошибочным и изменён на расстройство аутического спектра. Ещё позже — на синдром дефицита внимания. Проще говоря, они сами не знали, что с ним не так, но были уверены, что что-то точно не так.

— Из-за брата, надо полагать. Возможно, он просто копировал поведение Эйчера, чтобы оттянуть на себя часть негатива и защитить его. Весьма любопытно. Значит, Эйчер Нэван не проходил корректирующего обучения? — Клавдий заинтересованно посмотрел на брата. Всего лишь предположение.

— Верно. Мать отказалась от специального обучения. В причине отказа стоит "не хочу, чтобы все узнали, что мой сын ненормальный". Однако к пяти годам Эйчер Нэван всё-таки начал говорить. Вероятно, его обучением в каком-то смысле занимался Лай, или он учился, глядя на него. — Юлий лукаво усмехнулся и посмотрел на брата. Того явно заинтересовал его рассказ. — В обычную школу они никогда не ходили, но, когда им исполнилось восемь, мать отправила их в закрытую школу с полным пансионом для детей с отклонениями психического развития.

— Сдала в детский вариант психиатрической лечебницы? — Клавдий покачал головой. Он ожидал чего-то подобного. Недоверчивость, замкнутость и отстранённость Лая, его полное безразличие к женщинам — всё это могло объясняться таким вот детством. Он не верил людям и имел для этого все основания.

— Что-то на подобие. После совершеннолетия больше половины выпускников переселяются уже во вполне взрослые лечебницы, остальным удаётся социализоваться. По собранному мною данным, она приезжала к детям дважды. — Продолжал Юлий. Ему не надо было видеть доклады его людей и результаты собственных поисков. Он просто мысленно перебирал информацию, выстраивая её в нужном порядке. — К тому моменту она вышла замуж за критика и писателя Кэвина Кристена. Позже у неё родилась дочь, здоровая, без каких-либо психических отклонений. Насколько могу судить, о сыновьях она предпочла больше не вспоминать.

— Как жестоко, она — совершенно безжалостная женщина. — В улыбке Клавдия цинизм мешался с болезненным удовольствием от чужого греха. — Бросила детей, хотя могла воспитать их и помочь им влиться в общество.

— Могла, но не стала. Она умерла от болезни. Если нужны медицинские данные и её карта, могу потом дать тебе. Но, строго говоря, она сама виновата. Пренебрегла советами врача, совершенно не думала о последствиях. — Юлий презрительно пожал плечами. Он никогда не прощал людям глупые поступки, которых они вполне могли избежать. — О ней

можешь забыть. Лай Нэван после школы поступил в академию полиции, сдал все экзамены, даже психологические тесты, потом выпустился с отличными оценками. Просто идеальный ученик и сотрудник. На нём больше раскрытых серийных убийств, чем на ком-либо ещё из его участка.

— Да, просто лапочка с огромным психованным скелетом в шкафу. — Клавдий хищно улыбнулся. Определённо, они упустили кое-что по-настоящему интересное. — Нам стоило обратить на него пристальное внимание раньше. Что там с его братом?

— Эйчер Нэван обучение не продолжил. Собственно, о нём я вообще больше ничего не нашёл, кроме того, что он указан совладельцем квартиры и счёта в банке. И что он получает социальное пособие. — Юлий развёл руками. Он перерыл все мыслимые источники информации, поднял медицинские карты — и не нашёл ничего, никаких следов.

— Забавно, весьма забавно. — Клавдий подошёл к брату и положил ему руки на плечи. — Стоит понаблюдать за Нэванами. И Дэвисом, пожалуй, тоже. Возможно, они способны дать нам больше, чем мы полагали.

— Возможно, — эхом отозвался Юлий. Он был согласен с братом, хотя сейчас он был согласен со всем и на всё. Клавдий отлично умел делать массаж.

Остывающая после грозы земля, мокрая и раскисшая, скользила под руками, цепляла одежду. От ветра пробирала дрожь, пропитанная водой, одежда совершенно не грела. Мужчина вцепился в чахлый кустик на самом верху склона, подтянулся и упал животом в лужу, с трудом поднялся на ноги. Потом он наклонился и закашлялся, выплёвывая воду. Горло и лёгкие болели, ноги подкашивались. Он не имел ни малейшего понятия, где находится, и как здесь оказался. Вдалеке громыхнул последний отголосок грозы. Ночное небо расчистилось, мужчина поднял голову и посмотрел вверх. Звёзды, бесконечное море звёзд, ярких, точно вымытых этим дождём. Оно казалось почти ненастоящим. Он всю свою жизнь прожил в городе и не привык к звёздам. Даже представить себе не мог, как их может быть много. Как и путей под ногами. И сейчас ему предстояло выбрать один.

Больше книг на сайте — Knigoed.net